

МОЙ КОМАНДИР

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)
М74

*В оформлении обложки использовано фотоизображение,
разработанное Kjpgarqeter / Freepik.com*

М74 **Мой командир** / сост. Сейед Нассер Табаи; пер.
с перс. Евгения Никитенко, Светлана Тарасова. – М.:
«Вече»; ООО «Садра», 2018. – 160 с. – (Военная проза).

ISBN 978-5-4444-6725-1

Знак информационной продукции **12+**

В этой книге собраны рассказы о боевых буднях иранских солдат и офицеров в период Ирано-иракской войны (1980–1988). Тяжёлые бои идут на многих участках фронта, враг силён, но иранцы каждый день проявляют отвагу и героизм, защищая свою родину.

УДК 821.21/.22-3
ББК 84(5)

ISBN 978-5-4444-6725-1

© Табаи Сейед Нассер, составление, 2018
© Никитенко Е., Тарасова С., перевод на
русский язык, 2018
© ООО «Садра», 2018
© ООО «Издательство «Вече», 2018

От издательства

Сборник «Мой командир» знакомит читателя с литературой Сопротивления, посвящённой событиям Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Эта война, ставшая одним из самых масштабных и затяжных вооружённых конфликтов XX века, оказалась первым серьёзным испытанием для молодой Исламской республики. Руководство Ирака, теша себя надеждой на то, что Иран ослаблен революционными потрясениями, рассчитывало в кратчайшие сроки захватить приграничную нефтеносную провинцию Хузестан; однако, несмотря на поддержку крупнейших мировых держав, агрессору оказалось не под силу сломить героическое сопротивление иранского народа. Ценой огромных человеческих потерь Исламской республике удалось остановить вражеское наступление. За восемь лет Иран потерял сотни тысяч человеческих жизней, многие крупные города серьёзно пострадали от налётов иракской авиации. В ходе конфликта Ирак применял химическое оружие, от которого гибло в том числе и гражданское население.

С момента окончания Ирано-иракской войны прошло всего лишь три десятилетия, и её события ещё не стёрлись из памяти старшего поколения иранцев. Для многих война обернулась личной трагедией, боль которой не утихла до сих пор. Память о событиях тех дней поддерживается на государственном уровне. Ирано-иракская война носит официальное название «навязанной войны» или Священной обороны. Павшие на поле боя именуются шахидами – героями, пожертвовавшими жизнью ради своей веры и родины. В их честь называют улицы, их портретами украшают города и деревни. Многие события тех лет осмысляются в контексте религиозной истории: героически погибшие участники Ирано-иракской войны ставятся в один ряд с павшими в Кербеле сподвижниками Хусейна, третьего шиитского имама и внука пророка Мохаммада.

Военная литература появилась в Иране в первый год военных действий как отклик уже состоявшихся писателей на трагические события, принесшие страдания их соотечественникам. В годы войны сформировалось новое поколение авторов-фронтовиков, стремившихся своими произведениями поднять боевой дух товарищей по оружию. В военной прозе того времени преобладали такие жанры, как рассказ, очерк, беллетризованный репортаж. В послевоенные годы было опубликовано множество воспоминаний, в том числе и написанных женщинами – теми, кто пережил иракский плен, смерть близких, тяготы жизни в тылу. Российский читатель уже имел возможность познакомиться с некоторыми образцами иранской литературы Сопротивления: на русский язык переведены романы «Шахматы с Машиной Страшного суда» Хабиба Ахмад-заде и «Путешествие на высоту 270» Ахмада Дехкана, а также воспоминания Масуме Абад «Я жива» и недавно вышедшая документально-биографическая книга «Жена героя».

Книгу «Мой командир» логически можно разделить на три части. «Предсказание» – это размышление писателя о враге, попытка разглядеть в нём человека, мечтающего о мирной жизни, но вынужденного вести несправедливую войну – и оттого обречённого. Повествование ведётся от лица солдата иракской армии. Читатель узнаёт о его мечтах, страхах, мыслях и чувствах. Автор повести – педагог по профессии, в годы войны работал школьным учителем в своей родной провинции Ардебиль и не принимал непосредственного участия в военных действиях.

В 1990 г. в Иране был издан сборник «Мой командир». Рассказы, вошедшие в него, написаны фронтовиками, лично побывавшими на передовой. Начиная рассказом «Я вернусь в день Ашуры» и до «Иисус из Курдистана» – это воспоминания бойцов иранской армии об их командирах, павших в бою.

В 1991 г. писатель и участник боевых действий Мохаммад Джавад Джазини собрал очерки, которые были опубликованы в периодической печати во время войны или вскоре после её окончания, и издал их отдельной книгой «Наджиб». Рассказы из неё завершают наш сборник.

Книга «Мой командир» не только знакомит читателя с непосредственными свидетельствами Ирано-иракской

войны, но и позволяет составить представление о том, как события тех лет воспринимаются в Иране сегодня. Ведь именно в ходе войны сформировалась система ценностей, ставшая неотъемлемой частью идеологии современной Исламской Республики Иран. Надеемся, что в этой книге читатель найдёт для себя много интересного и поучительного.

*Евгения Никитинко
Сейед Нассер Табаи*

Предсказание

Давуд Гаффарзадеган

1

Оборачиваясь назад, он каждый раз ощущал дрожь в коленях и чувствовал, что здесь, на горной тропе, смерть пытается сбить его с толку – головокружением, сухостью во рту, холодной испариной на спине.

И как только лейтенанту удавалось так резво и беззаботно скакать по камням? Через каждую сотню шагов он останавливался и озорно выкрикивал: «Приди, красавица, приди!» Голос у него был звонкий и радостный, как у ребёнка, из его розового рта вырывались облачка пара.

От лейтенантовых окликов ему почему-то становилось не по себе. Может, потому что сам он высоты боялся, а лейтенанту – он видел, – было ни капли не страшно. Или просто в последнее время он взял привычку каждый раз, видя перед собой чей-нибудь затылок, представлять себе, какая под ним скрывается черепушка. Он никогда не забывал, что всё это оживление скоротечно: несколько дней – и весельчак превратится в холодный кусок гниющего мяса и соберёт на пир орды муравьёв и мух.

Он думал только о смерти, это вошло у него в привычку. Если бы не стыд перед лейтенантом, он сбросил бы на землю всё это железо, которым его нагрузили, и заткнул пальцами уши – лишь бы не слышать яростный хохот смерти, доносившийся со дна ущелья.

Чем выше он поднимался, тем труднее становилось идти. Он то и дело поскользнулся на подтаявшем снегу, а когда ненароком оглядывался, у него перехватывало дыхание. Он сильно отстал от лейтенанта, который, ожидая его, остановился посреди занесённой снегом площадки и обозревал окрестности.

Собравшись с силами, он сделал несколько быстрых шагов и взобрался на скользкий обледенелый камень. Только не оборачиваться. Лейтенант нагнулся, зачерпнул пригоршню снега и, слепив снежок, метнул в него. Снежный снаряд угодил точно в ремень портупеи на груди. На эту выходку он ответил улыбкой – просто не знал, как ещё реагировать. До сих пор ему приходилось общаться только с солдатами, с которыми можно было запросто поболтать и подурачиться, но как вести себя со старшим по званию, да ещё и офицером, он плохо себе представлял.

Этого лейтенанта он видел впервые. Если раньше они и встречались, то при таких обстоятельствах, когда черты лица и имя человека ровным счётом ничего не значили.

Приказ был такой: «Лезть в горы вместе с лейтенантом, вести наблюдение за противником».

Как всегда лёгкий на подъём, он собрался в один миг. Отыскал лейтенанта, вытянулся перед ним по струнке, щёлкнул каблуками. Машина неслась по равнине, водитель привычно давил на газ. Когда они съехали с главного шоссе, лейтенант достал сигарету и закурил. В свете заляпанных грязью фар в окнах тесной задымлённой кабины джипа проносилась перед глазами тёмно-серая степь. Он не помнил, как долго они ехали. Земля впереди и позади была вспахана снарядами. Машина то и дело ныряла в воронки, оставленные взрывами. Ехали по возможности быстро. Он крепко держался за холодную дугу каркаса под брезентовой крышей кузова, чтобы не кувырнуться. Это был новый для него район – никогда раньше он не бывал

в горах. Он подумал: «Если человека подстрелить на снегу и оставить лежать, что станет с его лицом? Раздуется ли труп, как те, в плавнях?»¹ И как крысы...»

Возможно, эти мысли только сейчас пришли ему в голову, а в машине, по дороге сюда, он думал совсем о другом. Он осознал вдруг, что совершенно ничего не помнит о поездке и не может представить себе водителя: круглое у него было лицо или длинное, как у лейтенанта. В памяти всплывал только падавший на лоб завиток волос, да ещё чёрная и толстая, похожая на пень шея. А может, этот завиток он видел где-то в другом месте, и мясистый загривок запомнился ему когда-нибудь раньше, и теперь, стоя на скользком камне и трясясь мелкой дрожью, он выдумывал всю эту ахирию, чтобы отвлечься. Разве всё это хоть что-нибудь значило?

Лицо у лейтенанта было узкое, шея – тонюсенькая. Удивительно, как такой тощий доходяга вдруг оказался здесь, в самом центре боевых действий... Он вспомнил: да, точно! – это была шея водителя – мощная и отдавала в спине. Когда тот повернул в его сторону голову с торчащим изо рта окурком, он смог разглядеть жёлтые зубы и глаза навывкате. Водитель молча высадил их среди холмов, живо крутанул руль и умчался со скоростью ветра.

Лейтенант проводил взглядом удаляющийся джип и присвистнул. Потом огляделся вокруг и вдруг с детской улыбкой уставился прямо ему в лицо.

Там, внизу, воздух был чистый и мягкий, совсем не то что здешний – плотный, тяжёлый. Там не тянуло холодом, и ветер не выметал из-под камней снег, норовя швырнуть в лицо. Кругом царили покой и тишина, всё сияло чистотой. В узкой лощине между холмистыми отрогами хребта природа сохранила свежесть первых дней творения. Ему подумалось, что мир, должно быть, был создан именно

¹ Имеются в виду плавни на реке Шатт-эль-Араб, в районе которой во время Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. шли наиболее ожесточённые боевые действия.

таким: неподвижным, беззвучным и кристально чистым, с чуть подрагивающими в воздухе клубами тумана... Но нет, всё не то. Все его рассуждения – только обрывки чужих мыслей, которые он позаимствовал за неимением собственных. У него самого никогда не хватало времени на уединённые размышления. Всегда в нём сидело какое-то изматывающее внутреннее беспокойство. И теперь его не покидало ощущение, что вся его жизнь с её бесконечной мышинной вознёй имела только одну цель: лезть в гору за этим тощим лейтенантиком, пока от слабости не начнут подгибаться колени, так что страшно будет вздохнуть.

Внизу ему удалось улучшить несколько минут, чтобы как следует осмотреться. Сложив снаряжение на землю, он стоял и ждал, что прикажет лейтенант. Тот разглядывал деревья и кусты, росшие в ложбине, и протекавший неподалёку ручеёк и, кажется, с большим вниманием вслушивался в его журчание. Он стоял, руки в боки, весь превратившись в слух, медленно переводя взгляд с одного предмета на другой.

Он стоял без движения, украдкой разглядывая лейтенанта. Кажется, тот не собирался в ближайшее время куда-либо идти. Он отошёл на несколько шагов, остановился на берегу ручья и огляделся по сторонам, то и дело возвращаясь взглядом к каменной громаде горы, грозно возвышавшейся над ложбиной.

«Лейтенант этот то ли псих, то ли стипшата пописывает...» – подумал он и, не задерживаясь дольше, перемахнул через ручей и нырнул в рожицу.

Вернувшись, он увидел, что лейтенант всё так же стоит с отсутствующим видом, уперев руки в бока. Он пожал плечами и снова пошёл бродить. Под ногами шуршали сухие листья. Он присел на корточки перед кустом. Разнообразие цветов поражало. Как пришелец с другой планеты, он словно бы впервые видел листья, узнавал, что трава зелёная, различал цвет и форму камней. Кажется, за

эти два-три года солдатской службы он не думал ни о чём, кроме смерти. Ему вдруг пришла в голову мысль: «Если смерть – как падение листа с дерева, то за этим стоит целая история. Выйти из земли и снова уйти в землю. Так зачем же так сильно её бояться?»

Нет, он боялся не самой смерти. Он боялся того, как ему придётся умереть. Стать «пушечным мясом»... Было трудно подобрать нужное слово... наверное, пропасть почём зря. Да, оно самое: унижение нелепой, навязанной тебе смертию.

Он ничего не мог поделать. Эти мысли преследовали его постоянно. С того самого дня, как их перебросили в район операции. В плавнях он больше всего боялся крыс, жравших трупы, и ночных кошмаров. Ему снилось, как среди зарослей тростника тихо покачивается на воде его раздутый труп, и крупные серые крысы с острыми зубами и маленькими розовыми лапками сидят у него на груди и – мокрые, зловонные – жуют его плоть. Сначала они объедали уши, нос и щёки, потом принимались за губы и глотку, прогрызая себе путь к его гниющим внутренностям.

Каждый раз, проходя на лодке через тростники, он наткался на такие трупы. По ночам, лёжа в спальном мешке, наглухо застёгнутом до подбородка, он до самого утра обливался потом, не решаясь высунуть голову наружу. Много раз он чувствовал быстрые движения крыс, пробегающих по брезенту спального мешка, и крик ужаса застревал у него в горле.

Поднимаясь с устланной сухими листьями земли, он подумал: «Откуда взяты крысам в такой снег и холод?»

Тут ему вдруг стало легко, и от радости он пустился бежать. Забравшись на большой валун, он остановился и здесь, под грозно нависающей громадой горы, задумался о своих снах. Почему в его кошмарах всегда было столько бесконечных падений? Может, таким образом сны

предупреждали его о грозящей опасности? И почему же на секунду – всего на одну секунду, когда он вылезал из джипа, ему показалось, что он уже видел это место раньше? Всё выглядело таким знакомым. Если это не так, то почему его охватил такой ужас? Холмистые отроги, покрытый снегом пик и этот лейтенант с его идиотскими причудами – всё казалось до странности знакомым.

Он подумал: «Конец – миг, назначенный судьбой, – может настать где угодно». Возможно, теперь, когда кошмар с крысами-трупоедами остался позади, его поджидает нечто намного более страшное и свирепое...

Когда шум мотора затих вдаль, его охватило ощущение, знакомое, наверное, прокажённым, оставленным в богом забытой глуши. Непонятно было, что теперь делать. На лейтенанта рассчитывать не приходилось: что он есть, что его нет – никакой разницы. Тут не было ни стрельбы, ни криков и приказов. Зло, принесенное войной, ещё не проникло в этот нетронутый уголок. Собирались открыть новый фронт. Тишина была полная. Только где-то между древесных корней слышался робкий переливчатый говорок – это из-под тонкого слоя наледи выбирались струйки талой воды, и над ними поднимался легкий пар, да еще где-то вдалеке пела неизвестная ему птица.

Мир по ту сторону холмистого отрога, призрачный и таинственный, затих, окутанный лёгкой дымкой. На этой стороне, где стояли они с лейтенантом, предметы были очерчены так чётко, что казались нереальными, будто в волшебном сне. Быть может, он уже много раз видел этот сон: он стоит в ложбине между холмами, светлый и прозрачный воздух сияет, как зеркало. Нет ни назойливой жары, ни кусачего мороза. Гряды белых облаков плывут над горизонтом, к солнечному диску летит птица, из крошечного клюва изливается песня. И он, единый с окружающей природой, стоит в щедром потоке сияющих лучей, – человек без прошлого и будущего,

плывущий в настоящем, с головой окунувшийся в солнечный свет. Когда он видел этот сон?

В плавнях его непрерывно преследовало ощущение близкой гибели. В душном воздухе стояла одуряющая жара. Всё казалось пустым и лишённым смысла. Лодка, рассекая гладкую грудь реки, неспешно пробиралась среди тростниковых зарослей. Ребята, молчаливые и настороженные, застыли вдоль бортов. Узкая полоска открытой воды извивалась между тростниками. В любую секунду они могли натолкнуться на засаду и получить в грудь очередь свинца.

Он сидел на корме и, держа палец на спусковом крючке, осматривался по сторонам. Его страшно мучила жажда. Свернув в первую протоку, они увидели тела своих товарищей, почерневшие и раздувшиеся, уже частично обглоданные рыбами и крысами. В воде плавали тонкие извилистые волокна, объеденные места тошнотворно белели. Неподалёку от тел виднелась застрявшая в иле перевернутая лодка с пробоиной в днище, наполовину ушедшая в воду.

Они прошли ещё немного вперед и осторожно приблизились к трупам. Нужно было как можно быстрее выловить мертвые тела и вернуться.

Впервые в жизни он прикасался к влажной и склизкой коже трупа. Несмотря на жару, его бил озноб. В нос ударил запах, никогда до этого не слышанный, – запах, от которого сердце сдавливалось, словно тисками, а рот наполняла горькая желчь. Стоило ему потянуть к себе первый труп, как от него отделились несколько крупных крыс и уплыли в тростники. С тех самых пор его начали мучить кошмары о крысах. Отвратительные грызуны жадно поедали человеческую плоть и с каждым днём всё сильнее жирели. Откормленные, раздобревшие крысы, покрытые мокрой серой шерстью, с острыми вечно что-то вынюхивающими мордами...

Свист лейтенанта привёл его в чувство. Как долго он здесь простоял? Подхватив ранец с радиостанцией, он спрыгнул с валуна в снег. И надо было даже тут, по пути в горы, думать о трупях! Лейтенант глядел на него и посмеивался, потом с силой затопал ногами, как будто бежит, – и вдруг действительно бросился к нему. Его смех становился всё громче, он выставил вперёд руки, как бы зовя его, – так подзывают ребенка, который учится ходить.

Он почувствовал, как от стыда у него начинают гореть уши. Лейтенант был ещё слишком далеко и не мог видеть, как он краснеет. Он махнул лейтенанту, чтобы тот шёл первым, а сам поплёлся следом. Шёл согнувшись, чтобы перенести центр тяжести вперёд. Как же он боялся сорваться вниз. Страх был неестественно силён: лейтенант, на вид неженка, взбирался по загравку горы легко и проворно, а когда останавливался перевести дыхание, то даже принимался насвистывать.

В горах прокатилось тяжёлое глухое эхо далёкого орудейного выстрела. Оставалось пройти ещё половину пути. Чем ближе они подбирались к вершине, тем больше было снега и меньше следов. Опираясь на автомат, он медленно и осторожно карабкался в гору. Всё его тело накалилось, а кровь как будто пыталась разорвать сосуды и выплеснуться наружу. Хотелось поскорее добраться до блиндажа и передохнуть. Казалось, что там, на неприступной с виду вершине, он будет в полной безопасности. Вот только лейтенант вызывал у него опасения. Непонятно было, что он за человек. До сих пор он вёл себя как безобидный простачок, но в то, чтобы офицер мог оказаться смиренным тихоней, верилось слабо. Он решил, что это временное помешательство вызвано красотами природы, а по прибытии на пост он будет лейтенант как лейтенант. Хотя какая разница? Он привык уживаться с кем угодно – другого выхода не было. Ему только хотелось поскорее добраться до блиндажа. Где-то он вычитал, что то ли вьетнамского,

то ли какого-то ещё солдата нашли в лесу, где он скрывался – хотя война уже давно кончилась. Остался в лесу, обжился там. В газете напечатали его фотографию. Худосочный узкоглазый человечек обалдело смотрел в камеру. И зачем отрывать таких от родного гнезда? Разве это только страх? Нет, не один только страх, есть ещё что-то...

Ещё что-то. Как бы это объяснить. Хоть бы кто-нибудь писал ему. Но у него никого не было. Вот только тот локон, падавший на лоб... Где он его видел?

Нет, он не хотел умирать. Тот локон точно кому-то принадлежал... кому-то с чарующим, требовательным, полным упрёка взглядом. Где она ждала его? Главное – не допустить, чтобы крысы испортили ему лицо. С чего он решил, что их здесь нет? Они были везде: под артиллерийским огнем, среди разрывающихся снарядов. От ненасытной тяги к человечине они потеряли всякий страх. Сновали повсюду и что-то вынюхивали, поводя острыми мордами с отточенными зубами. Не успел он ещё передохнуть после дороги, как увидел их. Не удалось даже осмотреться и понять, куда его занесло.

Пришёл приказ: «Срочно прибыть на линию фронта».

Он понимал, что это не шутки. Ясно, что и в прифронтовой полосе тоже никто не думал шутить – шла война. Отряды смерти, вооружённые легкими ручными пулемётами, болтались тут и там – блиндажные крысы в защитной униформе, – а полковники и бригадные генералы с охапками медалей в руках и полными карманами приказов о расстреле в один голос орал: «Иди и сдохни!»

Всем одинаково на роду было написано умереть, но смерть у каждого была своя, особая. Он много раз такое видел. Помнил, как однажды солдату, который всегда при обстреле высовывал ноги из блиндажа, осколок угодил прямо в грудь. Тот даже охнуть не успел. А ведь как хотел жить, пусть даже и обрубком. Очень редко случалось,

чтобы осколок попал лежащему человеку прямо в сердце. Вот только парень не знал, что смерть уже караулит его. Его собственная смерть, не чья-то другая. Там рядом были ещё ребята, они даже лечь не сподобились. Но тот кусок раскалённой стали был предназначен не им. Он был послан специально этому несчастному олуху, который перехитрил сам себя...

Почти как в детстве, когда он думал, что у каждого человека на небе есть своя звезда, только его и ничья больше. Когда она сторала и падала, и за ней тянулся в небе яркий след – прямо как при стрельбе трассирующими, – кому-то наступал конец. Хотелось ли ему знать свою судьбу? При виде мёртвых тел он каждый раз принимался гадать, как погибли эти ребята. Представлял себе агонию: тело корчится в предсмертных судорогах, пальцы скрючиваются, одним махом обрубают все мечты о долгой и счастливой жизни.

И ничего тут не поделаешь. От такого гостя не укрыться и не спрятаться. Сам он, если повезёт, получит пулю в лоб или в сердце, или раскалённый осколок снесёт ему голову. Он продолжит бежать: ещё несколько шагов под осоловелым взглядом широко распахнутых глаз отсечённой головы, залитый хлещущей из горла кровью... Всего несколько шагов. Брызги крови на чужой земле. Голова затихнет, глаза остекленеют. Лицо – если останется цело – посереет, и гримаса смертельного ужаса застынет в нём, как в камне. Сквозь неплотно прикрытые губы в рот набьётся сухая пыль. Тело повалился на землю рядом с головой. Пару раз дёрнутся ноги, елозя пятками в пыли, трепыхнётся, пульсируя, ещё тёплый ком мышц, дрогнут пальцы – и всё.

Эта смерть была из разряда хороших, приятных смертей. Он всё взвесил и просчитал.

Приятная смерть... Да, так и есть. Приятная, но не желанная. Хорошо бы уйти на старости лет, в конце заслуженного отдыха, устав от долгой и счастливой жизни, среди целой оравы детей и внуков. Прямо как в кино. Кстати,

почему он до сих пор не написал завещания? Всё откладывал на завтра. Может, там, наверху, выдастся свободная минутка. Но нет, он боялся. Он не собирался умирать. Зачем же тогда завещание? Ради кого? Может, ради той, с локоном? Пусть уж лучше ждёт его и надеется – если, конечно, она ему не приснилась.

Фильмы и сказки – это хорошо. Особенно сказки... Жил да был добрый старик. И всего-то и было у него на свете, что дочка-красавица, прекрасная, как ясное солнышко. А правитель той земли считал, что всё хорошее должно доставаться ему. И вот однажды... Жаль, он не помнил продолжения. Конец был хороший, это он знал. Как всегда в сказках, они кончались так, как тебе того хотелось. Молодые получают всё, о чем мечтали, старики со спокойной душой отходят в мир иной. Почему человеку обязательно расти на таких утешительных побасёнках?

А что, если бы их не было? Жизнь, наверное, стала бы похожа на жуткий водоворот из пустоты. Не осталось бы ничего, кроме разочарования, стыда и смерти. Был бы только скот, беспрерывно гонимый на бойню. Да, сказки неплохо помогали. И помогают до сих пор: на что, как не на сказку, походила эта нетронутая природа, распростёршаяся перед ним? Разве не из сказки были эти горы, этот белый холодный сияющий снег, устилающий землю? Если бы только война не добралась до этих мест, и горы могли бы и дальше вздыматься в своём многовековом одиночестве, горделиво озирая окрестности...

Снег был совершенно чистый, только две цепочки следов тянулись из ложбины – отпечатки его и лейтенантовых ботинок. Он подумал, что лейтенант, должно быть, носит сороковой или сорок первый размер. Какие крошечные ноги!

Он ускорил шаг. Дрожь в коленях поутихла, и подниматься стало легче. Как будто бы гора смирилась с его

присутствием у себя на заливке. Он пробирался между скальных обломков и с каждым шагом всё быстрее приближался к лейтенанту. Пока что не было и намёка на то, что сторожевой блиндаж где-то рядом. Наверняка он был хорошо замаскирован, а наваливший снег скрыл его ещё надёжнее. Вот и отлично!

У него мелькнула мысль: «Это же самая высокая точка на местности. Почему бы и врагу тоже не оказаться здесь? Может, их дозорные уже тут. Может, они там, за валунами, сидят в засаде и только ждут момента».

Он остановился, чтобы осмотреться. Пальцы впились в приклад автомата. Но он не увидел и не услышал ничего подозрительного – только лёгкий шелест ветра в сухом кустарнике.

Лейтенант тоже остановился и смотрел в его сторону. Теперь его лицо было серьёзно; казалось, он чем-то озабочен. Присел за валун, поднёс к глазам бинокль и осмотрелся. Потом поднялся и, усмехнувшись, повернулся к нему спиной и снова двинулся вверх.

И зачем он показал, что боится. Самому от себя тошно. Ему никогда не удавалось скрыть от окружающих свой страх – вечно на чём-нибудь прокалывался. И в детстве тоже. Мать быстро выводила его на чистую воду и накидывалась с веником. Он убегал от нее, описывая круги по двору, и в конце концов спасался на крыше. Туда мать за ним не поднималась. Стоя внизу, она осыпала его руганью и потом, облегчив душу, возвращалась к своим делам. Он, зная, что опасность миновала, устраивался на крыше удобнее – лёжа, глядя в небо. Он любил следить за полётом птиц и придумывать истории, рассматривая причудливые фигуры из облаков. Не успевал он опомниться, как наступал вечер и приходила очередь звёздам всплывать над горизонтом. Вон та, большая, – мамина, а эта, которая подмигивает, – папина звезда. Она мигает, чтобы сказать: папа уехал и больше не вернётся. Ему было одиннадцать,

когда он догадался. До этого матери удавалось его обманывать. Папа уехал навсегда – прямо как он сейчас. Какая же мать расскажет своему ребёнку, почему нет отца? Об этом он как-то не задумывался.

Как же другим удавалось не выдать своего страха? Только в момент смерти открывалось их истинное лицо. Те самые люди, что ещё минуту назад болтали и перешучивались, теперь в ужасе метались из стороны в сторону. Не помня себя от страха, они пытались ухватиться за жизнь. Молили о помощи камни. В панике принимались рыть землю, как охотники за наживой в поисках сокровища. Просили жёсткую глину обнять и укрыть их. Но спасение не приходило, и они, как пойманные зверьки в лапах смерти, корчились и погибали в чужой земле. Их душераздирающие крики были способны расколоть надвое небесный свод, но никто не приходил им на помощь. Когда боевые действия приостанавливались, убитых хоронили, а те, кто остался в живых, снова принимались шутить и беззаботно трепаться – как будто ничего и не было.

Он слышал, что сильнее всех боятся смерти люди с хорошим воображением. Ибо непомерно велик в их глазах ужас небытия, внушаемый ею.

2

Лейтенант был так погружён в свои мысли, что не заметил его прихода. Он стоял подбоченясь и смотрел прямо перед собой. Шапку он снял и, скомкав, держал в руке, рюкзак бросил возле блиндажа. Взгляд у него был наивно-удивлённый, лицо – безмятежное, из носа вырывались облачка пара.

Он опустил передатчик и автомат на землю возле лейтенантова рюкзака, нагнулся и заглянул в блиндаж. Уютное, похоже, было местечко. Когда он вылез обратно, лейтенант всё ещё стоял, тупо глядя в пространство. Как

будто его не волновало, что они, быть может, находятся в зоне досягаемости снайперского огня.

Он кашлянул, чтобы напомнить лейтенанту о своём присутствии. Он всё ещё тяжело дышал, вдоль хребта стекали струйки пота. Механическим движением он стянул с головы шапку, поднял глаза и уставился вперёд, на открывавшийся с горы вид. Казалось, он видит сон. Но нет, он не спал. Широко раскрыв глаза, он разглядывал самый красивый пейзаж в своей жизни.

Сделав несколько шагов вперёд, он остановился у края обрыва. Тут склон был ровный, как стена. Никак нельзя представить, чтобы с этой стороны кто-то мог подняться наверх. Наконец-то он в безопасности. Обрыв был со стороны врага, и оттуда им ничто не угрожало. Он поднял камень и глянул вниз. Голова у него закружилась. Он зажмурился, потом снова открыл глаза. Ущелье было глубокое и каменистое. Между острых камней торчали тонкие квёлые стебли. Нет, с этой стороны никто не сможет подняться. Разве что горный козел, или джинн или пери. Он снова посмотрел вперед. Ручей огибал гору и с этой стороны делался шире. Впереди, насколько хватало глаз, лежали тёмно-зелёные луга, среди которых там и тут поднимались деревца. Вдалеке между деревьями медленно продвигалась вперёд чёрная колонна. За высокими чинарами маячил призрак деревеньки. Ещё дальше – только тишина и покой. Невооружённым глазом нельзя было уловить ни единого намёка на присутствие здесь военных. Смущала только чёрная колонна, которая по-муравьиному уползала вдаль и терялась среди холмов. Наверное, это деревенские жители, прихватив свой скарб, покидают дома.

Он отступил подальше от края обрыва. Вспотевшее тело успело обсохнуть. Здесь, наверху, было холоднее. Мороз покусывал кожу на лице. Он натянул на голову шапку и снова бросил взгляд на лейтенанта – теперь тот

осматривал окрестности в бинокль. Растирая замёрзшие руки, он двинулся в сторону блиндажа.

Воздух внутри блиндажа был затхлый и неподвижный, пахло протухшей едой и потом. В углу поднималась куча из пустых консервных банок, на полу валялись окурки и ещё какая-то дрянь. Он сел на ящик с боеприпасами и стал прикидывать, как бы получше приспособить помещение для жизни. Оглядевшись как следует, он пришёл к выводу, что в целом блиндаж обустроен прилично, достаточно просто выгрести весь мусор. Главное – это еда и топливо, тут местных запасов хватит на несколько дней. И ещё свет – на деревянном столбике болтался закопчённый фонарь. Итак, для начала он собрал мусор и окурки и ссыпал в угол, под одеяло. Потом заправил фонарь керосином и зажгёт фитиль. В мягком жёлтом свете фонаря помещение выглядело по-домашнему уютным – как будто они приехали погостить в деревенском доме в каком-нибудь милом местечке. Оставалось ещё одно дело. Он откинул одеяло, закрывавшее вход в блиндаж, – нужно было как следует проветрить. И вот наконец всё было готово, и ему страсть как захотелось прилечь и покомарить в своё удовольствие. Проинспектировав свои владения, он обнаружил потрёпанную засаленную колоду карт и несколько старых журналов с загнутыми краями. За обложкой одного из журналов оказалась фотография, на которой в полный рост была изображена высокая стройная женщина. Сверкая мини-юбкой и точёными ножками, она рекламировала чулки. Позади неё синело море, её взгляд был устремлён в сторону, на какой-то неизвестный объект. На её ясный бронзовый лоб как будто случайно падал золотой локон.

Он поднял журналы и стопкой сложил их на ящик. Потом собрал карты в колоду, несколько раз перетасовал и запихнул в маленький карман рюкзака. Расстелил на полу блиндажа два одеяла и почувствовал огромное искушение сейчас же завалиться спать. Но было бы скотством

не дожидаться лейтенанта. Он пнул банку с рыбными консервами, и та покатила по одеялу. Рыбья голова с этикетки усталилась на него своими маленькими выпученными стеклянными глазами. Носком ботинка он закатил банку в угол. Что ему напоминали глаза этой рыбины? Неохота было об этом думать. В кои-то веки он нашёл укромный уголок и хотел пожить в спокойствии. Он поднял с пола жестянку с ананасовым компотом, открыл и несколько раз отхлебнул. Ощущение горечи во рту пропало. Он всегда был не прочь посмаковать прохладный компот, но здесь, похоже, чай или кофе больше пришлось бы к месту. Ему страшно захотелось чаю – ароматного, горячего, с лёгкой горчинкой. Компот он допил безо всякого удовольствия – вкусными оказались только первые глотки. Сняв в руке пустую банку, он выкинул её наружу через дверной проход. Банка с грохотом ударилась о камни и покатила вниз. Зараза, ну и звук! Как в жаркий полдень в тихом переулке ухнуть о мостовую с крыши железным корытом. Ещё несколько мгновений было слышно, как жестянка катится вниз, прыгая с камня на камень. Подлетает резво, это как пить дать. И много же ей понадобилось времени, чтобы допрыгать до дна. Он подумал: «Человек потяжелее будет. И поухватистой».

Лейтенант, весь красный, влетел в блиндаж, мыча ругательства и потрясая биноклем, и выпалил, что давно пора усвоить, что значит быть дозорным, а если он ещё не усвоил, то пусть теперь глядит в оба, чтобы ему, лейтенанту, не пришлось ему напомнить, и так далее и тому подобное.

Он оторопел от такой резкой и внезапной перемены. Надувшись, старался не смотреть лейтенанту в глаза, думая про себя: «Так я и знал: эти сукины дети – все одного поля ягоды!»

Но тут лейтенант внезапно умолк. В восхищении он разглядывал роскошное убранство их новых хором, так

и забыв опустить руку с биноклем. На его лице снова появилось выражение детской невинности.

– Ого!

При виде всех этих журналов, разноцветных банок с консервами и канистр с керосином лейтенант растаял. Осматривая блиндаж, он заметил уголок книги, выглядывавший из-под кипы одеял, и вытащил её на свет божий. Положив бинокль на ящик, он с любопытством стал перелистывать страницы.

– Ты только посмотри, что я нашел! Китайская священная книга¹.

– Зачем она нам?

– По ней можно гадать. Неплохое развлечение.

Он положил книгу на журналы, взял карту местности и, подхватив бинокль, вышел из блиндажа.

– А тут, похоже, не всё спокойно.

С такими людьми ему ещё никогда не приходилось иметь дела. Вот это фрукт! Сначала испортит настроение, а потом и виду не кажется, как будто так и надо. Так загореться при виде какой-то затасканной книженции... Да ну его к чёрту!

Он ещё раз пошёл проведать запасы консервов. Хотелось пить, и лучше бы – горячего чаю. От компота жажда только усилилась. Сидя на корточках перед термосом, он осушил подряд несколько стаканов. Вода была тёплая и затхлая, а всё-таки пить было в удовольствие. Он вытер губы рукавом и полез наружу на поиски чистого незатопанного снега, чтобы закинуть в термос. То тут, то там белизну снежного покрова разбавляли желтоватые ямки и прерывистые зигзагообразные линии. «Вот она, солдатская житуха, – подумал он. – Нагадили... Как цыгане: сегодня в этом блиндаже, завтра – где-нибудь ещё. Может, в земле. И моча эта жёлтая, потому что жёлтый – цвет страха. Страшно умирать».

¹ Имеется в виду «Книга перемен».

Уже в чуть более унылом настроении он вернулся к обрыву. Лейтенант примостился за валуном и, осматривая окрестности в бинокль, делал пометки в карте. Он встал за спиной у лейтенанта, потом присел на корточки и прижал пальцами края карты, которые нещадно трепал ветер. Лейтенант улыбнулся ему.

– Я тут не нашёл поблизости камней весом меньше, чем в несколько кило. А я, как видишь, не то чтобы спортсмен.

Он ещё раз глянул в бинокль и снова начал наносить пометки – красные крестики, один за другим. Закончив, поднялся, свернул карту и принялся разяснять ему обстановку. На секунду его указательный палец остановился на чёрной колонне, которая медленно двигалась за деревьями.

– Думаю, это кочевники. Может, даже наши.

Потом он передал ему бинокль:

– Взгляни-ка, – а сам пошёл в сторону блиндажа. – Настроил передатчик?

Он проводил лейтенанта взглядом и посмотрел на небо – совершенно белое, затянутое облаками. Почувствовал, как сердце затрепетало от радости. Почему так бывает – непонятно. При виде облаков у него всегда делалось спокойно на душе. Как будто они, как стена, отгораживали его от грубого и жестокого мира реальности, отделяли от всех печалей и радостей.

Он развернулся и глянул в тёмную пасть блиндажа, в которой скрылся лейтенант. Теперь оттуда доносилось только его насвистывание и шорохи – лейтенант выходил в эфир. Ему бы хоть немного этого легкомыслия! Насколько легче было бы жить. Трам-пам-парарам... Разве можно вот так, ни с того ни с сего взять и начать напевать и приплясывать? Тут уж кто каким уродился, из какого теста слеплен. Ну да чёрт с ним.

Подняв бинокль к глазам, он принялся изучать местность. Начал от подножия скалы и потихоньку стал про-

двигаться вдаль. Все вокруг было скользкое и обледенелое, повсюду торчали острые чёрные камни. Он переползал с камня на камень, двигаясь вперёд. Ему всегда нравились такие девственно-чистые, глухие уголки.

Он хотел запомнить все мельчайшие детали местности. Это было лучше, чем лейтенантова бумажная карта, которую мог унести ветер или спалить огонь. Припорошённые снегом замшелые камни по ту сторону кристально чистых линз казались удивительно живыми и яркими. Он неторопливо и с наслаждением разглядывал их.

Он поднял бинокль чуть выше – и вот уже новый вид неведомой земли, на первый взгляд необитаемой. Как знать – может, люди притаились за камнями? До самой речушки не было видно ни души – ни людей, ни зверей. Только ветви покачивались на ветру, а в высоте стремительно проносились птицы. Он перебрался взглядом через речку. Вот бы сейчас пошлёпать по воде! Какое удовольствие – повалиться на мягкий и влажный прибрежный луг или слушать, как чавкает вода под башмаками... Не пройдя и нескольких шагов, он вернулся. Он всегда старался подольше задержаться у берега. Любил разглядывать гальку на дне и смотреть, как бурлит вода в русле. Нет, бурлит – слишком грубое слово. Струится – текучая, мягкая, скользкая. Его взгляд остановился на невысоком деревце, росшем на берегу. Такое одинокое! Он подумал: «Это моё дерево, оно пьёт воду из моей речки, согревается под солнцем моего неба и питается моей благодатной землёй. Не дай бог кто будет вокруг него околачиваться. Моё дерево!» И тут у него мелькнула странная мысль: «В день, когда упадёт это дерево, я тоже лягу. У нас с ним одна судьба. Если я лягу, то и оно...» Он пожалел, что не выбрал какое-нибудь мощное дерево с крепкими корнями, раз уж теперь всё зависит от того, как долго оно продержится. Ну вот, и снова смерть. Он подумал: «Теперь уже поздно. Каждый человек может сделать

выбор только один раз. Дерево само всё решило. И когда это я делал выбор сам? Вечно так...»

Вот бы иметь крылья. Тогда он слетел бы со скалы и обнёс бы своё дерево плетёной изгородью. Или каменной – чтобы убедиться, что оно под надёжной охраной. Но как же оно было далеко. По ту сторону от пограничной вершины, на чужой земле. «Как же оно может быть моим? – подумал он. – Наверняка у него есть хозяин. А может, оно дикое. Захотелось ему вырасти у реки. Или его специально посадили на границе между землями кочевников или крестьян... Когда-нибудь хозяин вернётся, посмотрит на него и скажет: “Как выросло и окрепло моё дерево!” Может, он посадил его в день, когда стал отцом. Может даже, его ребёнок будет стоять рядом с ним. Или нет, он погибнет на войне или бросит его и уедет куда подальше».

И он понял, что, увы, никакого дерева у него нет. Один он одинёшенек. Хотя нет, почему же? Оставалась ещё звезда. Ведь он, живой и здоровый, стоит над пропастью и в бинокль рассматривает долину. Значит, он всё ещё есть, и судьба по-прежнему улыбается ему.

Он выкинул из головы всю эту чепуху про «его» дерево. Выбрался на тот берег и принялся искать среди кустов и камней признаки присутствия врага. Нет, ничего. Всё казалось ненастоящим, словно выдуманным. Ещё немного вперёд. «Тут должен быть враг. Где ж ему ещё быть, имея столько оружия». Он двигался медленно, осторожно. Под ногами шуршали листья. Метнулся к последнему дереву и укрылся за ним. Напротив выстроились в ряд глиняные домишки, нечёткие и размытые, как будто в туманной дымке. Он подкрутил окуляры. Улицы – как будто вымершие. А, нет, – кажется, проскакала лошадь, плеща длинной гривой. Как она неслась! Он опустил бинокль. От долгого напряжения устали глаза. «Воображение разыгралось? Только этого не хватало!» Он глянул ещё раз. Нет, всё верно: по земле вышагивали куры и петухи.

Жаль, на дальнюю улицу не пробраться. Эх, будь у меня крылья... два крыла, как у голубя... Он запрыгнул на ближайшую крышу и вдруг наткнулся на старика с огромными усищами. Тот целился в его сторону из здорового древнего дульнозарядного ружья.

Не было смысла рисковать. Он быстро отвёл бинокль. В один скачок пронёсся над деревней и, перебегая от тени к тени, направился к чёрной колонне, которая неспешно двигалась по долине. Было слышно, как позвякивают колокольчики на шеях животных. Мужчины в чёрной одежде, понурившись, медленно брели вперёд: друг за другом, в одну колонну, длинной линией без конца и края – как негатив снимка верблюжьего каравана в пустыне. Вот только солнце в кадр не попало.

Он сел на валун и опустил бинокль на колени. Где он оказался? Несколько минут он просидел в полном оцепенении. Не снится же ему всё это. Поднялся, отошёл к другому склону и направил бинокль туда, где были свои. Быстро спустился по тропинке, по которой они сегодня с таким трудом поднялись, и остановился – как раз в том месте, где лейтенант стоял подбоченясь и насвистывал. Перепрыгнул через речушку, и под ногами опять зашуршали листья. Нет, он больше не хотел думать о смерти. К чему бы он ни приближался, на всём видел печать смерти; вся его жизнь вращалась вокруг смерти. Он опустил голову. Совсем вымотался. Но нужно было проверить. Он должен был убедиться, что всё это ему не привиделось. Он направил бинокль на дорогу, по которой их сюда привезли. Как петляет. Степь была всё такая же тёмная, и темнота пахла смертью. Вдалеке – расположение их части: ещё не достроенные укрепления, бронетехника. В ушах раздался лязг танковых гусениц. Странно: как будто линзы бинокля приближали и звуки тоже, вместе с камнями, стадами и солдатами.

Он положил бинокль на камень, словно опасаясь дольше держать его в руках. Повернул голову в сторону

блиндажа. Непонятно было, чем там занимается лейтенант. Он всё ещё насвистывал, и был слышен звук переставляемых с места на место предметов. Он направился к блиндажу. Поняв, что забыл бинокль, неохотно вернулся за ним. У самого блиндажа услышал голос лейтенанта и насторожился. Лейтенант докладывал обстановку. Потом он услышал, как лейтенант передал координаты цели и со смешком добавил: «Пока что парочку».

У него вдруг начали дрожать колени. Идти в блиндаж он передумал. Вместо этого опять подошёл к краю обрыва и стал наблюдать за чёрной линией, непрерывно ползущей по долине. Ему на глаза снова попало «его» дерево. Хоть он и решил, что ему дерево принадлежать никак не может, было всё же приятно называть его «своим». Хорошо иметь хоть что-то, к чему можно применить такое определение – «моё». Он зажмурился, ожидая взрыва. И вот воздух содрогнулся. Над застывшей долиной разнёсся грохот и страшным эхом прокатился по холмам. Он открыл глаза. В небе было полно воронья. Мечась из стороны в сторону, птицы летели к горизонту. Они перепуганно били крыльями и галдели. А чёрная линия никуда не делась: целеустремлённая и бесстрашная, она всё так же неспешно и с достоинством продвигалась вперёд.

Он снова зажмурился, и после того как прогрехотал второй взрыв, ещё долго сидел, не открывая глаз. Так оно лучше, с закрытыми. Где это он читал, что пророк какого-то там народа вечно сидел с закрытыми глазами под каким-то там деревом?

Он бросил бинокль на грязный снег, засунул руки в карманы и сжал кулаки. Вот бы сейчас можно было, зажмурившись, сидеть под «его» деревом.

Открыв наконец глаза, он прямо перед собой увидел лейтенанта, который с удивлением его разглядывал.

– Это для пробы, – пояснил он.

И со смущённой улыбкой прибавил:

– От этих кочевников можно ожидать чего угодно. Собственники! – последнее слово он произнёс с презрением, но голос у него дрогнул. – Ты сам-то не из деревни?

Он встал за спиной у лейтенанта.

– Нет.

– Так, если что – не хотел тебя обидеть невзначай.

– Они же нам не мешают.

– Это было для пробы. Хотел проверить.

– Можно было и по-другому как-нибудь.

– Мы с ними воюем.

– Мы?

Лейтенант удивлённо обернулся к нему.

– Ну да, ты и я, – и залез в блиндаж.

И зачем нужно было всех переполошить? Он вытащил сигарету. Хотелось пойти и спокойно поваляться в блиндаже.

Поднялся холодный ветер, ему в лицо ударило зарядом колких крупинок льда. Курить, стоя к ветру лицом, было неприятно – перехватывало дыхание. Он повернулся спиной к ветру. Подняв голову, с удивлением обнаружил, что небо приблизилось к нему почти вплотную. Из-за гор напал густой туман, грузный и тягучий, и набивался в ущелье.

Он пнул сигарету по ветру. Облако висело прямо у него над головой. Протяни он руку – мог бы ухватить полную горсть. Туман подбирался ближе, подползал к нему. Ещё немного, и он накроет блиндаж.

Ветер подул, и сверху вдруг посыпались, пританцовывая, снежные хлопья. Он видел снегопад всего несколько раз в жизни. От радости он принялся бегать по площадке, зовя лейтенанта.

Тот выбежал из блиндажа, потрясая автоматом, но, увидев порхающие в воздухе снежинки, вернул оружие на место и подбежал к нему. Скрестив на груди руки, они одновременно и в такт пустились в пляс.

Снежные хлопья с каждым мигом становились всё крупнее.

Лейтенант, задыхаясь, поднял к небу лицо и высунул красный язык. Снежинки опускались на него и таяли. Было смешно смотреть на такое ребячество. Но стоило только ему самому ощутить прохладные прикосновения снежинок к горячему языку, как он оценил всю прелесть затеи.

Снег повалил с такой силой, что невозможно было открыть глаза – в них тут же лезла ледяная крупа и мешала смотреть. Он сказал про себя: «Вот так бы было всегда – весело и легко!»

Его сердце наполняла радость и чувство спокойной уверенности.

Теперь к снегопаду прибавился ветер, и стоять выпрямившись стало нелегко. Они побежали в блиндаж, задвинули дверной проём металлическим листом и опустили полог. Первым делом нужно было зажечь фонарь и обогреть помещение. Снег у них на голове и плечах начал таять, и лицо лейтенанта блестело, как свежeweымытое.

– Эх, нам бы сюда окошко!

– Чего?

– Окно. Так здорово сидеть у окна и смотреть, как падает снег.

С этими словами лейтенант поднял гадательную книгу и уселся на пол. Он подошёл поближе и уставился на лейтенантову находку.

Тот сказал:

– На голодный желудок не пойдёт, – захлопнул книгу и перевёл взгляд на него.

– У самого уже живот свело.

Он взял несколько банок с консервами и примостился на полу. Аккуратно вскрыл банки штык-ножом, вытряхнул содержимое на сковородку и поставил на примус. Ба-клажанная икра с фасолью.

Вооружившись ложкой, он сидел перед примусом и помешивал еду в сковородке. Лейтенант снова взялся за изучение китайской гадательной книги. Держа её одной рукой и с головой погрузившись в чтение, он другой рукой развязывал шнурки на берцах. Стащив берцы, отшвырнул их к двери, потом собрал валявшиеся вокруг одеяла и подложил под себя – ни дать ни взять курица на сеновале перед тем как снести яйцо.

– Кажется, я сто лет ничего не ел.

Лейтенант не ответил – так увлёкся. Он снял сковородку с примуса и перенёс её на ящик, стоявший посреди блиндажа. Открыл две жестянки с апельсиновым соком и расставил их красиво по обеим сторонам сковородки. Вилки с ложками тоже разложил аккуратно, сбоку от банок с соком.

– Командир!

Лейтенант закрыл книгу и, улыбаясь, придвинулся к столу.

– Света маловато.

Он снял фонарь и придвинул его поближе. Теперь половина блиндажа была ярко освещена, а другая половина погрузилась в темноту. Всё было готово. Во взгляде лейтенанта светились доброта и человеколюбие, над едой поднимался пар, смешанный с ароматом специй.

Не спеша они подняли приборы и приступили к еде. Лейтенант накалывал на вилку небольшие кусочки.

– Знаешь, я учусь на юриста, был бы на последнем курсе... если б не эта война.

– Тут уж никуда не денешься.

– Да, увы.

Лейтенант глотнул апельсинового сока, а он не жуя проглотил здоровенный жирный кусок и сказал:

– У нас есть земля. От отца осталась.

– Обрабатываешь?

– Нет, сдал в аренду. Хотел пойти изучать литературу.

– ...

Впервые за долгое время ему доводилось поесть в такой тихой и мирной обстановке. Если раньше, в плавнях, приходилось есть в блиндаже, то на душе у него всегда делалось паскудно. Каждый раз, протягивая руку за новым куском, он думал, а не последняя ли это пища в его жизни.

Улыбаясь с набитым ртом, он смотрел в медовые глаза лейтенанта и тщательно пережёвывал еду – старался не отстать от него в соблюдении основ этикета.

Лейтенант сказал:

– Ни в чём нельзя быть уверенным. Вот я – студент юрфака, а сижу здесь... У меня и невеста есть, представляешь?

На секунду он перестал жевать. Через щели между металлическим щитом и стенами в блиндаж просачивался ледяной воздух. Слышно было, как снаружи завывает ветер.

– Ей восемнадцать.

Он опустил голову. Сейчас ему не хотелось встречаться глазами с лейтенантом. Он ополовинил свою банку с соком, поднял пустую сковородку и отставил в сторону. Лейтенант сидел, вытянув ноги, и пытался прикурить от пламени фонаря.

Он было полез в карман за сигаретами, но лейтенант любезно протянул ему свою пачку.

Они сидели друг напротив друга, опершись спиной о мешки с песком, и молча курили. В тусклом свете фонаря было видно, как голубоватые клубы ароматного дыма заполняют тесное помещение и, кружась, поднимаются вверх.

Лейтенант затушил сигарету и решительно поднялся.

– Так, книги и журналы у нас есть. У меня с собой отличный приёмник, японский. Живём! К чёртовой матери этот университет, а заодно и литературу с юриспруденцией.

От слов лейтенанта ему стало легко и хорошо. Он поднял к себе рюкзак, вытащил колоду карт и положил на ящик.

Лейтенант присвистнул.

– А аппетит-то разгорается. Чего бы нам ещё... для полноты картины? – сказал он и принялся крутить ручку настройки радиоприёмника. Блиндаж наполнили звуки нежной мелодии.

Он откинулся назад и без предисловия начал:

– Как во сне! Я постоянно вижу сны. Как будто крысы...

Лейтенант закурил ещё одну.

– При такой метели один Бог знает, сколько ещё тебе придётся тут сны смотреть.

Это заявление не на шутку его перепугало. Он поднялся, подошёл к выходу и выглянул наружу. С порывом ветра в блиндаж ворвался снежный заряд. Он быстро вернулся на место металлический лист и опустил полог.

Лейтенант, усмехаясь, сказал:

– Да и чёрт с ним. У нас всё есть: вода, еда, топливо...

– Это я так, струхнул что-то.

Лейтенант прибавил звук.

– У нас есть радиостанция. Мы им сообщим. Ты представь, что мы приехали в отпуск: два старых приятеля в горах Швейцарии. В любой ситуации можно найти что-то приятное – всё в твоих руках.

С этими словами лейтенант поставил приёмник на пол и поднял гадательную книгу.

На несколько минут воцарилась тишина. Он всё ещё стоял возле входа, следя за тем, как тают снежинки у него на лице. Потом уселся, взял карты и принялся тасовать колоду, приглашая таким образом лейтенанта сыграть.

Но тот был слишком увлечён книгой.

– Нам нужны три монеты одного размера, – сказал лейтенант и добавил: – Никогда не держу в карманах мелочь – очень неприятно звенит.

Он поискал у себя и высыпал найденные монеты на ящик перед лейтенантом.

– Я смотрю, у тебя и вражеские есть!

– Это я на память взял. Вместе с этим перстнем.

Он вытянул вперёд руку и показал лейтенанту свой перстень с бирюзой.

– Ребята просто раздевают мертвецов. А мне только этот перстень глянулся. А мелочь у него из карманов выпала, у парня. Совсем мальчишка, лет двенадцать-тринадцать, не больше.

Лейтенант молчал.

– Перстень был ему велик – он обмотал кольцо тряпкой.

Лейтенант сказал:

– Подготовь бумагу и ручку.

Он положил карты на стол и достал из рюкзака ручку и бумагу. Зря он заговорил о перстне. Теперь перед глазами стояло лицо ребёнка, изуродованное пулевым ранением. Он поспешил камень и потёр перстень о куртку на груди.

– Бирюзу не полируют, это тебе не сердолик! – рявкнул лейтенант.

Он опустил руку. Помолчал немного, потом произнёс задумчиво:

– Странные они люди...

Лейтенант поднял голову и посмотрел на перстень.

– ...Так просто подставляются под пули.

Лейтенант ухмыльнулся:

– Потому что дети ещё.

– Да хоть и дети, а всё равно странные. Мы такими не были.

– Под этим небом всё едино.

– До сих пор не верится. Их было двое, мальчишки лет по тринадцать-четырнадцать.

Лейтенант посмотрел на него с недоумением.

– Кого?

– С повязками на лбу. Я их чётко видел. Мы спокойно могли всадить им по родинке промеж бровей.

Лейтенант спросил:

– Ты о чём?

– Ты не поверишь, они столько прошли, чтобы забрать телёнка.

– Я так и не понял, о чём это ты.

Он взглянул лейтенанту в глаза.

– Мы залегли за насыпью. С той стороны мычала раненая корова, ветром до нас доносило звук. Она лежала на земле и мычала, и звук был такой, как будто раненый стонет. Ей осколком пробило ногу.

– Да, такое случается.

– Нет, мы сначала думали, что они пришли её добить – чтоб не мучилась. Но один из них сел рядом и стал гладить её по шее. И тут до нас дошло, что она телится. Товарищ мой вырос в деревне.

Лейтенант поёрзал на месте и закрыл книгу.

– Ну и как тебе, можно в такое поверить?

Лейтенант ответил:

– Я же говорю, дети.

– Нет. Товарищ мой ругался на чём свет стоит. Они были совсем ещё малыцы, смуглые такие, с красными повязками на лбу. Пришли, чтоб вытащить телёнка из-под пуль.

Лейтенант негромко хмыкнул.

– Не порти настроение.

– Как корова отелилась, они завернули телёнка в свои куфии¹ и смотались оттуда.

– Вам повезло, что они до вас не добрались.

– Да нет, они только телёнка забрать хотели. Корова всё равно бы издохла. К тому же, если б мы хотели, спокойно могли бы засадить им по пуле в лоб.

– Я и говорю, бывает и такое.

– А перстень я ни у кого не крал. Просто решил взять себе, вот и всё.

¹ Куфия – клетчатый мужской головной платок, арафатка.

Взгляд лейтенанта скользнул по перстню вниз и остановился на монетах.

– Ну да ладно, забудем... Эта книга предсказывает будущее. Только вопрос должен быть чётким и ясным. Это тебе не цыганские фокусы.

Он проямлил что-то невразумительное – не знал, что спросить. Такое с ним было впервые – чтобы всё серьёзно. Один раз цыганка нагадала ему по руке: «Этот мир никому не хранит верности, но твоя счастливая звезда стоит высоко. У тебя будет три жены, и когда ты состаришься, твои дети станут тебе опорой и поддержкой. И деньги успеешь скопить немало».

Лейтенант повторил свои слова. Вертя в руках монету, он следил за ним, ожидая вопроса.

– Спрашивай!

– Я не знаю, чего спрашивать.

– Наверняка есть что-нибудь – вопрос, или мечта, или там о любви...

– Про будущее?

– Да, всё что пожелаешь – ответ здесь, внутри.

Ну как же, кое-что действительно было. Почему бы не спросить о смерти? Как он умрёт. Какое тут ещё могло быть будущее? Тут и в любом другом месте. Отличались только способы. Умереть от прямого попадания пули, подорваться на mine, утонуть или разбиться... упасть с высоты и множество других смертей – как звёзд на небе. Что такого страшного, если он спросит. Может, и правда нашёлся кто-то, у кого есть ответы. Он сказал:

– Я загадал.

– Если это не личное, скажи вслух. Хочу посмотреть, какие ответы выпадают.

– Хочу знать, как я умру. И когда.

Лейтенант аж подскочил:

– О смерти? – на секунду повисла пауза. Лейтенант нахмурился, на его лицо как будто легла тень. – Странно.

– Что странного? Уж это – единственное, в чём можно не сомневаться. Только способы разные. Менять вопрос не буду, спрашивай про смерть!

Лейтенант поморщился:

– А какой-нибудь нормальный вопрос не можешь придумать? Про любовь, например.

– Я просто хочу знать, как я умру. Лёгкой смертью или помучаюсь... Я боюсь крыс.

– Крыс?!

– Не хочу, чтоб они мне лицо обглодали.

– Да какая разница? Так или иначе, а все когда-нибудь умрём.

– Вот я и хочу знать, так я умру или иначе.

Лейтенант надулся. Монеты были у него.

Он спросил у лейтенанта:

– Ты зачем навёл на них артиллерию?

– На кого?

– На этих, из деревни. Или кочевников, кто их разберёт. Старики да старухи, три с половиной калеки.

– На войне не халву раздают.

– Они просто шли, никому не мешали.

Лейтенант с раздражением махнул рукой:

– Прекрати уже!

– Я свой вопрос не меняю. Хочу знать, как я умру.

Лейтенант протянул ему монеты.

– Потряси в руках и высыпай на ящик. Думай только о вопросе. Нужно как следует сосредоточиться. Кидать надо шесть раз, – и он приготовил бумагу и ручку.

Ему почему-то хотелось позлить лейтенанта.

– С этими монетами погадать не получится. Говорят, вражеские деньги – всегда к счастью.

– А ты, я смотрю, нарываешься. Смотри, как бы не досталось тебе, когда спустимся. Там такие шутки не пройдут.

Он сложил ладони коробочкой, потряс монеты и высыпал на ящик. Лейтенант огласил результат:

– Орёл и две решки, – после чего провёл на бумаге одну прямую черту.

Он ещё пять раз бросал монеты, и каждый раз лейтенант делал пометку на бумаге. В конце концов у него получилась конструкция из шести горизонтальных чёрточек.

Лейтенант отложил бумагу с ручкой и открыл книгу.

– Нашёл. Слушай своё предсказание: «Огонь на горе, расставание и разлука – такова судьба странника. Двое мужчин в поисках пристанища под ветвями могучего дерева, вдали мерцает огонь в лагере переселенцев. Завтра его там уже не будет».

Лейтенант поднял голову:

– Это всё.

– Я ничегошеньки не понял.

Лейтенант усмехнулся:

– Да, я что-то тоже не соображу. Но необычно, не находишь?

– Может быть. А ты сам что? Не хочешь попробовать? Может, тебе по-нормальному ответит. Прямо всё, как ты мечтал.

– Я хотел сначала на тебе опробовать. Я побаиваюсь предсказаний, будущее почему-то меня страшит. Лучше жить настоящим.

И всё-таки он собрал монеты и принялся трясти. Потом остановился:

– Ты что хотел сказать? Идёт война. Тут нет старых и молодых – всем достаётся. Сам-то ты зачем снял с ребёнка перстень? Как это, по-твоему, называется? Может, он хотел с этим перстнем в могилу лечь.

У него по спине пробежали мурашки. Зря он дал лейтенанту такой козырь против себя. Не зная, как лучше объяснить, он начал:

– Мы в этой земле чужие. Но там есть одно дерево, их дерево, им принадлежащее...

Лейтенант закрыл глаза.

– На войне ничего никому не принадлежит. Только смерть – этого добра всем достанется. А если в книжках что-то написано – так это всё ерунда. Раньше войны были честнее и гуманнее.

– Да уж, раньше никто не лазил по горам, чтобы корректировать огонь.

Лейтенант поморщился и с недоброй ухмылкой заявил:

– Тебе гадать – только зря время тратить. Я и с закрытыми глазами вижу твою судьбу: приговор военно-полевого суда за измену родине, – и он расхохотался, как ненормальный. Из глаз у него лились слёзы, а он всё никак не мог остановиться.

Он опустил голову, чтобы не видеть отвратительно красное лицо лейтенанта. Всё ещё хихикая, тот встряхнул монеты и бросил на стол. Прежде чем сделать пометку, он сказал:

– Я спросил то же, что и ты. Быть или не быть – вот в чём главный вопрос.

И продолжил:

– Не принимай близко к сердцу. Я так сказал, чтобы ты следил за своим языком. Времена сейчас не те. Ты же любишь литературу, должен понимать такие вещи.

И он снова бросил монеты.

– Ну что ж, посмотрим, что она мне скажет.

Он открыл книгу на нужной странице и молча прочёл предсказание.

– Чепуха какая-то. Смотри, что тут написано: «Ёмкость, полная шевелящихся насекомых. Тревога. Работа на том, что испорчено. Великая беспечность и гибель».

Он захлопнул книгу и отшвырнул в угол.

– Полная ерунда. Тут такой холод, что насекомыми и не пахнет, – и он нервно хохотнул.

– Это ты виноват, всё настроение испортил, – буркнул лейтенант.

– Ты сам сказал, что этой книге можно верить.

Лейтенант, шаря в карманах в поисках сигарет, изрёк:

– Кому вообще когда-нибудь удавалось предвидеть будущее? К словам, которые тут поналеплены, можно придумать тысячу разных толкований.

Он почувствовал, что ему необходимо хоть немного отдохнуть от лейтенанта. Дышать становилось всё тяжелее, хотелось сделать глоток свежего воздуха. Он поднялся и сделал шаг к выходу.

Лейтенант окликнул его:

– Куда?

Не оборачиваясь, он ответил:

– Пойду гляну, не видать ли отсюда «огня в лагере переселенцев», который ты мне нагадал.

3

Сквозь сон он услышал слова лейтенанта:

– Вставай. К нам кто-то поднимается.

Ещё ничего не соображая, он открыл глаза.

– Вставай!

Он приподнялся на локте и увидел перед собой побледневшее лицо лейтенанта.

– Кто-то поднимается на гору.

– Кто?

– Не знаю. Непонятно.

Лейтенант схватил бинокль и быстро вылез из блиндажа.

Вставать ужасно не хотелось. Здесь было тепло и уютно, а снаружи ждали лёд и холод. За эти два дня он успел привыкнуть к лейтенантовым странностям, к тому, как он говорит во сне, к его привычке внезапно замолкать посреди фразы... Сопеть он начинал в ту самую секунду, как его голова касалась валика из одеял, а через несколько минут он уже громко и яростно кому-то что-то доказывал. На

лбу у него выступали капли пота. Потом он вдруг просыпался и резко садился. Как он ни старался, ему никогда не удавалось вспомнить, о чём был сон. Спустя пару мгновений он уже опять валился на подстилку, и всё начиналось по новой.

Лейтенант был жаворонок. Чуть только темнело – начинал задрёмывать, а с утра пораньше, бодрый и румяный, почистив зубы фруктовым соком, принимался петь и насвистывать. И куда девался тот задира, препиравшийся с кем-то во сне? Настроение у него было весёлое и игривое, и вёл он себя совершенно разумно – за исключением этих внезапных пауз, в которые он будто нырял с головой. Мог на полчаса уйти в себя и сидеть, не проронив ни слова.

«Очередная лейтенантова выходка. Ему завидно, что я долго сплю», – подумал он и, не вылезая из-под одеяла, перевернулся на другой бок.

При том что в блиндаже им было хорошо и удобно, а все передраги военной жизни остались внизу, что-то, казалось, было не так. В их заваленном снегом обиталище на вершине горы было безопасно, и они могли жить, не вспоминая о войне или мире. Вчера, когда снег перестал и тучи рассеялись, всё небо целиком окрасилось в прозрачный светло-голубой цвет. Но адский кусачий мороз быстро превратил их скалу в один большой кусок чёрного льда.

В первый день они легли рано – возможно, из-за того, что после гадания настроение было безнадёжно испорчено. Снег валил без передыху, и не было никакой возможности выйти из блиндажа. Даже на шаг вперёд ничего не было видно. Они уговорились не спать по очереди, сменяясь каждые три часа. Бросили жребий, и ему выпало дежурить первым. Лейтенант, довольный, забрался под одеяло и тут же захрапел. Он убрал радиоприёмник подальше от лейтенантова уха и придвинул к себе фонарь.

Настроение было поганое, и нужно было чем-то себя занять. Он перетасовал колоду, чтобы погадать. Убрал все карты с числовыми значениями и разложил перед собой картинки.

Вышло так: девчонка любит парня, но кто-то третий хочет им помешать... Фу-ты!

Он отшвырнул карты в угол. Червовый валет приземлился ему на колени. Какая такая девчонка? И кто этот третий? Где же он видел этот непослушный завиток волос, этот чёрный локон? Никак не мог вспомнить. Ничего – ни лица, ни взгляда, только прядь волос, свитую кольцом... Он взял китайскую гадательную книгу, прочёл предисловие и ничего не понял. Сосредоточиться не получалось, таблицы и сноски только сильнее сбивали с толку. Он подумал: «Очередное дурилово, только для избранных. Как карты для молодых выскочек-карьеристов или цыганки-гадалки для старых сплетниц и неудачников».

Но сказанное в этой книге звучало необычно, без угроз и посулов. Тут были картинки, иногда очень милые, и таинственные изгибы китайских иероглифов. Картинки встречались такие: в далёком небе кружат журавли; толстый человечек в кимоно сидит у пруда с голубыми лотосами, положив ладони на колени; растерянного вида мужичок нечаянно наступает на хвост тигру, спящему в камышовых зарослях; лев лежит посреди чаши, морда у него печальная, но свирепая. Ещё там была женщина с красивой причёской и в платье с широкими рукавами. Она стояла на коленях, сцепив руки под подбородком в умоляющем жесте. Чем дальше он листал книгу, тем сильнее сбивался с толку. Неужто и правда можно предсказать будущее при помощи шести линий?

Он чувствовал страшную усталость, но спать не хотелось. Ноги гудели, от послеполуденного весёлого оживления не осталось и следа – ему на смену пришли одиночество, тоска и ожидание. Чего он ждал? Может, смерти,

а может – освобождения и жизни, такой, как он захочет. Ещё чего, раскатал губу! Впереди его ждало только одно – размером точно со смерть, как две капли воды похожее на смерть – не что иное, как сама смерть. И какой бы она ни оказалось, во всём была виновата эта книга с её путаными ответами.

Отдежуривав своё, он не стал будить лейтенанта – пожалел. От того, что ко всем этим бессонным и мучительным ночам прибавится ещё одна, от него не убудет.

Глаза лейтенанта двигались под полуприкрытыми веками, губы шевелились. Можно было разобрать отдельные слова, но понять целиком фразы, рубленые и отрывистые, не получалось. Такой доходяга, в чём только душа держится... и что он за человек?

Он собирался не спать до утра, хотел посмотреть на обещанный «завтрашний день». Не дай бог сбудется написанное в китайской книге. Боялся закрывать глаза. Что с ним творил этот суеверный страх! Надо прекратить выдумывать всякую ерунду.

Когда бороться со сном стало невозможно, он решил, пока не уснул, разбудить лейтенанта. Ему казалось, что смерть не осмелится прийти за спящим, пока за тем присматривает бодрствующий. Он не заметил, как приёмник выскользнул у него из рук. Раз или два сделал попытку подняться, но не смог – как будто кто-то пришил его к полу... И вот уже крысы лезут вверх, карабкаясь по головам семенящих впереди. Штык-нож распиливает маленький худой палец, чтобы снять перстень. Звук металла, проходящего сквозь мясо и кость, и палец – всё ещё без единой царапины, не поддающийся напору острого края штык-ножа.

Рука, штык-ножом пилившая палец, устала. А может, испугалась напалзающей стаи серых крыс. Он воткнул лезвие в землю, схватил палец и перевернул другой стороной вверх. Хрум... И проснулся, обливаясь потом.

Лейтенант, склонившись над ним, тряс его за плечи. Где-то у него под поясницей трещал радиоприёмник. Ещё не совсем проснувшись, он разглядывал холодный тёмный блиндаж. Где это он? Он поднял руку и уставился на перстень с бирюзой.

Лейтенант, ворча, вытащил из-под него приёмник и выключил его.

– Как хорошо, что ты не забываешь экономить батареи – что-то я не видел тут поблизости магазинов.

Он всё ещё дрожал после увиденного во сне.

– Я сам не понял, как уснул.

Он вылез из-под одеяла. Лейтенант начал делать гимнастику.

Ещё не до конца проснувшись, он нехотя вскипятил воду, отыскал коробку печенья и положил на стол.

Лейтенант присел на корточки перед термосом, зачерпнул воды и плеснул себе в лицо.

– Ты и за меня подежурил.

– Я уснул. Не помню, когда.

– Да какая разница. Тут, наверху, никого нет.

После завтрака он выкурил сигарету и поднялся, чтобы выйти на улицу. Откинул полог, попытался отодвинуть металлический лист, но тот не поддался. Он прилегал плотно, будто намертво, и не двигался с места, как забетонированный. Лейтенант, не обращая на него ни малейшего внимания, продолжал заниматься своими делами. Он опять начищал зубы, полоская рот ананасовым соком. Из приёмника раздавались звуки военного марша.

Ему вдруг подумалось: «Металл примёрз, или снаружи его подпирает камень, который ночью скатился с горы». Но потом он понял, что в нишу у входа набился снег, и из-за этого не получается выйти наружу.

Лейтенант, взявшийся ему помогать, пыхтел от натуги. Вдвоём они поднажали, и им удалось сдвинуть лист металла на несколько сантиметров. Внутри посыпался

снег. Открывшийся проём сиял холодной белизной, так что больно было смотреть. Не было видно ни земли, ни неба. Одна только лютая стужа.

Он сказал:

– Мы попали. Застряли тут надолго.

Лейтенант хохотнул:

– Зато тела хорошо сохраняются. Как мясная заморозка. Ты не рад?

Он пошёл за лопатой и начал изнутри разгребать снежный завал. Он тяжело дышал, по шее сзади у него стекали ручейки пота. Они несколько раз сменяли друг друга, прежде чем наконец удалось расчистить путь. Снаружи всё ещё мело, ветер бил в лицо крупинками льда.

Расчистив небольшую площадку перед входом в блиндаж, они прорыли в снегу узкий проход к краю обрыва. От сияющей снежной белизны было больно глазам, а холод впивался в кожу, как мелкие осколки стекла.

Когда они закончили расчищать за блиндажом, чтобы было куда сходить по нужде, уже перевалило за полдень.

Они снова залезли внутрь и выпили чаю. Лейтенант всё никак не мог отдышаться, но был весел и настроен благодушно. Напившись чаю, он вышел наружу, прихватив с собой бинокль. Спустя несколько мгновений вернулся погрузневший и доложил по радиостанции обстановку.

Ничего не оставалось, кроме как сидеть в блиндаже и ждать.

Ближе к закату он почувствовал, что сходит с ума от скуки. Лейтенант тоже хорош – сидит сиднем и молчит, уткнулся в свой журнал и читает, прерываясь только для того, чтобы зевнуть во всю глотку.

– Может, конок в карты?

Лейтенант недовольно пробубнил:

– Неохота.

– Ну давай на руках поборемся, что ли.

Лейтенант посмотрел на него поверх журнала.

– Хочешь сказать, ты у нас силач?

– А чем ещё заняться?

– Ляг поспи.

Потом, как будто что-то вспомнив, лейтенант заявил:

– Нет ничего хуже времени, потраченного впустую.

Он положил журнал на земляной пол, отполз в угол к радиостанции и передал сообщение огневой.

– Ну, теперь выходи смотреть фейерверки!

Потом, злой, вернулся на своё прежнее место и опять вперился в журнал.

Блиндаж содрогнулся от звука двух взрывов, прогремевших один за другим. Лейтенант, издав радостный крик, снова взялся за радиостанцию.

– Да не дрогнет рука! Давай ещё три в ту же точку!

Решив, что лейтенант взбесился со скуки, он поднялся, залил в фонарь керосина и вылез из блиндажа. Трижды через короткие промежутки времени скала содрогнулась у него под ногами. Он бросился вперёд по проложенной в снегу дорожке и застыл, как вкопанный, у самого края обрыва. Эхо прогрехотавших взрывов словно заледенело между отрогами хребта. Он почувствовал, как в глазах у него темнеет, а в ушах звенят сотни колоколов. В ужасе он отшатнулся от края. Небо начинало наливаться густой синевой, ветер завывал среди камней. Он зашёл за блиндаж, чтобы облегчиться. Сверху падали мелкие редкие снежинки, но небо было чистое, на горизонте – ни облачка. Он потерял всякое ощущение реальности. Внезапно ему показалось, что земля исчезла у него из-под ног и он парит в пустоте. Во что бы то ни стало надо было срочно чем-нибудь себя занять.

Что навело его на мысль? Может, картинка из какого-нибудь учебника в детстве. Он натянул перчатки, прыгнул в яму перед входом в блиндаж, схватил лопату и вылез наверх. Секунду помедлил, потом принялся за работу.

И вот уже снег был собран в один высокий сугроб. Из блиндажа, где сидел лейтенант, не раздавалось ни звука. Похоже, что это из-за его нитья лейтенант сегодня вышел на связь с огневой. Когда он лазил за лопатой, то увидел в щель между стеной и пологом, как тот лежит, натянув на голову одеяло и придвинув приёмник к самому уху.

Он лопатой прибил снег в куче и разровнял поверхность. Понемногу стал вырисовываться силуэт снеговика – большого, внушительного и даже жутковатого. Он поднимался среди сгущающихся сумерек – толсторукий, с мощным телом и ледяным сердцем.

Он громко произнёс:

– И вот замесил я его из снега небесного. Вдохну же в его тело дыхание жизни, дабы ожила душа его¹.

Он стоял на крыше блиндажа, разглядывая здоровенную голову снеговика. Жёлтый свет из дверного проёма падал на снежное тулово. Он спустился вниз в поисках камня или комка глины, но не нашёл. Всё было погребено под слоем снега. Тогда он полез в блиндаж, продырявил штык-ножом один из мешков и вернулся с горстью песка и щебня.

Лейтенант окликнул его:

– Ты что там делаешь?

– Выйди да посмотри.

Он снова забрался на крышу блиндажа и сделал снеговика глаза. Спустившись, обнаружил, что его творение смотрит на мир холодным изумлённо-испуганным взглядом.

Лейтенант вылез наружу с фонарём в руке. Увидев снеговика, он аж подпрыгнул от неожиданности. По его лицу расползлась странная улыбка. Он поднял фонарь повыше и проговорил низким голосом:

¹ Аллюзия на коранические аяты, в которых говорится о сотворении Аллахом человека: сперва Создатель замесил глину и слепил тело Адама, а затем вдохнул в него дыхание жизни.

– Мы посеяли вражду и ненависть между тобой и человеком¹. Несомненно, станет он лупить лопатой по голове твоей, ты же принесёшь ему погибель от лютого холода.

Он, обиженно нахмурившись, забрал у лейтенанта фонарь. Тот, хохоча как ненормальный, наградил снеговика парой увесистых ударов.

– Не подумай, что ты один можешь красиво выражаться. Я все священные книги знаю вдоль и поперёк.

Продолжая хихикать, он побежал за блиндаж и уже оттуда гаркнул:

– Занеси фонарь внутрь – опасно!

Ему был противен даже звук лейтенантова голоса. Он забрался в блиндаж, открыл банку с консервами и в одиночестве принялся за еду. Лейтенант, когда вернулся, заметно опешил.

– Я не голоден, – заявил он на всякий случай, после чего сел, опершись спиной о стену блиндажа, вытащил сигарету и устался на его банку, как некормленный пёс.

Покончив с едой, он увидел, что лейтенант, всё ещё державший во рту сигарету, прикинулся спящим. Вынув ещё не погасшую сигарету у него изо рта, он сделал несколько глубоких затяжек и затушил окурочек в консервной банке. Потом прикрутил фитиль в фонаре и, не замечая, что повторяет за лейтенантом, почистил зубы ананасовым соком. Вернувшись на своё место, он растянулся на одеяле.

В блиндаже было холодно и неудобно.

Он закрыл глаза. В ушах звенели слова из гадательной книги, которые зачитал ему лейтенант, а перед глазами стояла чёрная мерно ползущая вперёд линия. Потом линия рассыпалась по серой степи и заполнила собой всё пространство.

¹ Снова отсылка к кораническим аятам.

Он подумал: «И надо было рассказать лейтенанту о перстне!»

С того самого момента черномазое лицо того парнишки стояло у него перед глазами. Потом его веки отяжелели, и пришла очередь крыс...

Лейтенант просунул голову в дверной проём и заорал:
– Ты что, ещё лежишь?! Вставай давай! К нам гости.

Он зевнул и окинул лейтенанта равнодушным взглядом, всё ещё думая, что тот его разыгрывает, лишь бы заставить проснуться.

– Вставай! Это громила из Гвардии¹, поднимается сюда. Давай живо! Через полчаса будет здесь.

Он вылез из-под одеяла. Страх лейтенанта передался и ему. Ополоснув лицо, он бросился помогать с уборкой блиндажа. Потом лейтенант принялся сбривать бороду, а он взял бинокль и вылез наружу.

Лейтенант не соврал. Кто-то с неумолимым упорством поднимался по гребню горы, по-волчьи рассекая грудью снег.

Когда он опустил бинокль, лейтенант уже стоял рядом с ним. Всё лицо у него было в порезах.

– Вода холодная, лучше не получилось.

Потом, ухмыльнувшись, добавил:

– Везёт тебе, три волосины.

Слова лейтенанта задели его за живое, но он смолчал. После вчерашнего случая он решил, что в обращении с лейтенантом лучше держать дистанцию.

– Наверняка у них появились подозрения на наш счёт. Хорошо, что я хоть несколько раз передал координаты.

Потом он развернулся в сторону обрыва и ткнул пальцем, указывая на что-то:

– Посмотри-ка, они ещё здесь. Наверное, застряли из-за снегопада.

¹ Республиканская гвардия Ирака.

В направлении, куда указывал палец лейтенанта, по покрытой снегом долине тянулась длинная чёрная линия.

Лейтенант заголосил:

– Думаешь, он их увидит и ничего не скажет? Знаю я этих партийных! Первым делом отрапортует вниз. И попадём мы с тобой прямиком на допрос к особистам. А может, и ещё куда подальше...

– Они же гражданские. Зачем зря снаряды тратить.

– А парень, с которого ты снял перстень, что, военный был?

Слова лейтенанта как ножом полоснули его по сердцу.

– Не увиливай.

– Ты последи за своим языком при этом обороте. Я с начала войны на фронте. На юриста учился. Знаю, что говорю.

– И что нам теперь делать?

– Тебе – ничего. Я старший по званию. И отвечать тоже мне.

Он кивнул на снеговика:

– И это пугало убери отсюда. Чтобы он не нашёл, к чему придратся.

Он послушно повиновался приказам лейтенанта. Пошёл, принёс лопату и одним движением скovyрнул голову снеговика, потом пинком свалил тулово и втоптал в снег.

4

– Прибыл в помощь дозорным по заданию командования.

Это были первые слова, произнесённые гвардии младшим лейтенантом. Он стоял на площадке перед блиндажом и тяжело дышал. Когда он отошёл к обрыву, чтобы взглянуть на долину, стало видно, что спина у него мокрая от пота. Весь путь через снежные наносы он прошёл, ни разу не передохнув.

Лейтенант остановился рядом с гвардейцем и принялся разглядывать белое полотнище долины. На однообразно белом фоне ясно выделялась чёрная линия каравана переселенцев.

Гвардеец повернулся, – было видно, как глаза у него наливаются кровью. Лейтенант, беспечно насвистывая, смотрел прямо перед собой.

Младший лейтенант начал:

– У меня задание Особого отдела...

Остальную часть своего заявления он проглотил. Было ясно, что Особый отдел был упомянут с той целью, чтобы лейтенант оценил обстановку и вёл себя соответствующе.

Лейтенант отошёл на несколько шагов от края обрыва и, повернувшись к особисту спиной, заговорщицки подмигнул. На лице его ясно читалось довольство собственной персоной: «Видишь, я верно догадался!»

Особист опять смотрел на равнину, и его лицо с каждым мигом всё сильнее наливалось краской. Лейтенант, невысокий, длиннолицый и тонкошей, равнодушно глядел на верзилу особиста.

Он стоял между ними в полной растерянности, не зная, что предпринять. Он и подумать не мог, что лейтенанту хватит смелости перечить человеку из Гвардии.

Лейтенант повернулся к нему:

– Иди приготовь нам чего-нибудь поесть.

Он мгновенно юркнул в блиндаж, довольный, что удалось сбежать от злобных взглядов особиста и от лейтенанта с его показным равнодушием. Взял несколько банок с консервами и положил разогреваться в чайник. До него доносился недовольный голос лейтенанта, разъярявшего особисту обстановку.

Он подошёл к выходу, чтобы лучше слышать разговор. Вода в чайнике вскипела и громко булькала. Было ясно, что дело дрянь и им, возможно, придётся несладко. Выражение лица особиста не предвещало ничего хорошего.

– Вы не исполняете свой долг. Враг прямо у вас под носом устроил парад, а вы тут...

– Снегопад спутал все наши планы. Вчера пришлось расчищать площадку перед блиндажом, чтобы не задохнуться внутри.

На мгновение разговор прервался. Бульканье кипящей в чайнике воды напоминало звук, с которым к поверхности болота поднимается ядовитый газ. Потом послышался голос особиста – он просил бинокль.

– Вы как будто не по своей воле оказались на фронте. Враг свободно передвигается у вас под носом...

– Я же уже говорил!

– Это всё отговорки. Я...

Он услышал, как нервно хохотнул лейтенант.

– Основы артиллерийской тактики говорят об обратном. Зачем мне, по-твоему, дали офицерское звание? Ты хочешь, чтобы мы по всем, кого увидим, пускали по снаряду? Я знаю свои обязанности.

– Я обо всём доложу вниз.

– Так не откладывай в долгий ящик!

Заслышав их приближающиеся шаги, он бросился вытаскивать консервы из воды. Обжёг руку и забрызгал кипятком одежду. Особист, злой как чёрт, вслед за лейтенантом залез в блиндаж и с презрением оглядел обстановку.

Лейтенант, во взгляде которого явно читалась насмешка, достал сигарету и уселся на ящик с боеприпасами. Он открыл консервы, высыпал содержимое в сковородку и поставил на ящик рядом с особистом. Тот перевёл злобный взгляд на него.

– Мы сюда не пировать пришли. Настраивай передатчик.

Он вопросительно посмотрел на лейтенанта, но тот молчал и не подавал никаких знаков – только затянулся сигаретой и выпустил дым прямо перед собой.

– Тот, кто прибыл в помощь дозорным, наверняка и сам справится.

Особист, не веря своим ушам, шагнул к лейтенанту. Его всего прямо перекосило от злости. Лейтенант широко улыбнулся особисту, потом повернулся к нему и кивнул на выход.

Получив от лейтенанта разрешение, он с превеликим удовольствием выбрался из блиндажа. Между двумя старшими по званию, явно не питавшими друг к другу нежных чувств, он ощущал себя как попавший в западню зверёк. Он глубоко вдохнул и почувствовал, как дрожат у него колени. Нервы совсем расшалились – непонятно, то ли от страха, то ли от возбуждения. Такой реакции от лейтенанта он никак не ожидал. Да уж, по-настоящему людей можно узнать только в критические моменты.

Теперь он жалел, что вчера вёл себя с лейтенантом похамски. Он уселся на корточки и стал разглядывать глубокую траншею, которую проделал в снегу особист. Голоса, доносившиеся из блиндажа, становились всё громче.

– Если мне не доверяют, то зачем мне вообще поручили такое дело?

– Дело не в доверии. Каждый должен выполнять свою задачу как следует. А тут полно пустых консервных банок. Вы только жрали и спали!

– Ты, кажется, забыл, что разговариваешь со старшим по званию.

– Я не обязан уважать предателей родины!

Снова повисло молчание. Потом он услышал, как лейтенант чиркнул спичкой. У него тревожно заколотилось сердце.

– Думай, что говоришь. Я студент юрфака и старше тебя по званию.

– И ты поэтому сидишь сложа руки, когда враг марширует у тебя под носом?

– Это всего лишь женщины и дети. Наши крестьяне тоже ходят той долиной.

– Включай рацию и передавай координаты!

– Уже передал, когда в том была нужда. А сейчас необходимости нет. Если умеешь – передай сам, под свою ответственность.

Он услышал, как особист, сыпля ругательствами, пошёл настраивать рацию.

– Она не работает.

– Тут холодно и сыро. Барахлит.

– Отговорочки! Да по твоей наводке миномёты бы их всех к чертям разнесли.

– Миномётным огнём их не достать. Тут как минимум двадцать километров.

– Вы предатели. Только жрали и спали тут.

Дело пахло керосином. Мороз пробирал до самых костей, его трясло от холода. Он встал, прошелся вверх-вниз. Он знал, что лейтенант сам вывел радиостанцию из строя – видел, как тот возился с передатчиком, пока особист поднимался в гору.

Особист заорал:

– Я доложу вниз, и вам покажут, где раки зимуют!

Послышался короткий смешок лейтенанта, а потом ему показалось, будто блиндаж содрогнулся. Раздался грохот – что-то падало и с треском ломалось; потом – крики и ругань.

Он бегом бросился к блиндажу. Перед входом на несколько мгновений застыл, прислушиваясь. Теперь он был уверен, что особист набросился на лейтенанта и они схватились.

Он спустился в блиндаж. Верзила особист повалил лейтенанта и, сидя на нём верхом, пытался его задушить.

Глаза лейтенанта вылезали из орбит, губы посинели. В ужасе он пытался сбросить сжимавшие его горло пальцы. Но особист был сильнее и вкладывал в хватку всю свою ненависть.

Он попытался оттащить особиста, потянув его сзади за ворот. Лейтенант хрипел, умоляя о помощи. Особист

обернулся и ударил кулаком ему в лицо. Пошатываясь, он отступил и рухнул на пустой ящик от боеприпасов, не удержался и сполз с него прямо в сковородку, полную еды. Он измазал руку в жирной жиже, попытался подняться, но снова упал. Острая боль пронзила позвоночник. Он всё ещё слышал голос лейтенанта – как будто со дна колодца. Лейтенант молил о помощи.

Кое-как встав на ноги, он снова бросился на особиста, схватил его за ворот куртки и потянул.

Лейтенант бился, пытаясь вырваться из крепких чёрных лапищ. Язык вывалился у него изо рта, вокруг губ белела пена.

На секунду его взгляд встретился с полным мольбы взглядом лейтенанта.

Он со всей силой опустил кулак на загривок особиста, выругался и снова потянул его на себя.

Особист одним движением швырнул его через спину вперёд, перекинув через лейтенанта и двинул ему в лицо каблуком ботинка. В голове у него раздался громкий хруст ломающейся кости, из носа хлынула кровь.

Ничего не видя, он рукой попытался нащупать какую-нибудь опору, чтобы встать. Хрип и стоны лейтенанта становились всё тише.

Ему под руку попался автомат.

Ещё не понимая, что делает, он схватил автомат, с криком повернулся к особисту – тот только беспомощно выставил вперёд руки – и всадил в него очередь.

Грохот выстрелов оглушил его, заполнивший помещение дым вызвал приступ кашля. Он с отвращением отшвырнул автомат, в ужасе поднялся на ноги и прислонился спиной к мешкам с песком.

Особист повалился назад. Он лежал на земляном полу блиндажа без движения, как бревно. Его перекошенное лицо было заляпано кровью.

5

Ему не доставало смелости вернуться в блиндаж. Он стоял снаружи и трясся от холода. Он всё ещё не мог поверить, что убил особиста. Всё произошло слишком внезапно. Лейтенант курил одну за одной, меряя шагами протоптанную в снегу тропинку. Лицо у него опухло, волосы были всклокочены, на тонкой красной шее синели следы от пальцев особиста.

Время как будто застыло на месте. Он потерял счёт минутам и часам. Во рту стояла горечь, и курить было уже невмоготу. Он переминался с ноги на ногу, стараясь не встречаться глазами с лейтенантом.

Приближалась ночь, и, оставшись снаружи, они рисковали замёрзнуть насмерть. Лейтенант не обращал на него никакого внимания. Он успел так утоптать снег на тропинке, что тот блестел, как хорошо отполированный металл. Через каждые несколько минут у него начинался приступ кашля. Обхватив руками шею, он складывался пополам и выхаркивал на снег мокроту, смешанную с кровью.

Он заглянул в дверной проём. Фонарь погас, но в полутьме были видны здоровенные неподвижные ноги особиста в оливковых брюках. Он подумал, что надо с этим что-то делать. Когда лейтенант подошёл ближе, он остановил его.

– Я не специально. Не знаю, как так вышло.

Взгляд у лейтенанта был осоловелый и недоверчиво-удивлённый. Было похоже, что он не понимает, что происходит вокруг.

– Богом клянусь, я не хотел. Что теперь делать-то?

У лейтенанта вздулись жилы на шее.

– Ты его убил. Ты! Да тебя расстреляют, идиот несчастный!

– Ты сам сказал. Ты просил помочь. Он бы тебя задушил.

Лейтенант замотал головой, как помешанный.

– Ничего я такого не говорил, ты лжёшь.

– Что, попал в передрагу, а теперь вывернуться хочешь? Ты тут тоже замешан.

– Я?

– Да, ты. Если бы я не завалил его, тебя бы сейчас тут не было.

Лейтенант с силой пнул окурок в сугроб.

– Ну пусть я сказал! Твои-то мозги где были? Убийца ты, а не я.

– Сказал бы это тогда, когда барахтался на полу. Сейчас-то чего.

Лейтенант только рукой махнул. Было видно, как он дрожит всем телом. За эти полдня он, кажется, похудел, как за несколько месяцев. На его исцарапанное бритвой лицо и синюю шею жалко было смотреть.

– Мы должны что-нибудь придумать.

Он почувствовал, что лейтенант готов пойти на попятный, и сказал уже спокойнее:

– Что-нибудь придумать? Да если у тебя есть совести хоть на грамм, ты не дашь мне пропасть.

– Да как же ты не понимаешь! Стрелял-то ты – не я. Кто тебе вообще велел вмешиваться?

– Я сделал это ради тебя. Он бы тебя придушил.

– И я, по-твоему, должен рассыпаться в благодарностях? Да хоть бы ты ради меня сидел на месте, хоть бы дал ему меня прикончить... Теперь только хуже стало. Нас пристрелят, как последних собак.

Он подумал, что лучше договориться с лейтенантом по-хорошему. Положение было опасное. К тому же голод и холод заставляли поторапливаться.

– Что будем делать с трупом?

– С трупом?

– Да что на тебя нашло. Как спятил. Да, с трупом. С тем самым, который собирался тебя придушить, а теперь валяется в блиндаже, изучает потолок.

Лейтенант заглянул внутрь и быстро отвернулся.

– Фонарь погас.

– Ну и что? Боишься, что ли?

– Да. Мертвецов боюсь.

– Ты что, мало народу перебил? Сколько трупов на тебе уже.

– Тут другое. Это называется преступление, убийство.

Лейтенантовы доводы его только насмешили.

– Убийство, преступление – да как не назови, всё одно.

Давай-ка лучше залезем внутрь и зажжём фонарь.

Сначала внутрь залез он, потом, кашляя, – лейтенант. Чиркнули спичкой, быстро выкрутили фитиль фонаря. Жёлтый свет разлился по разбитому окровавленному лицу особиста.

Лейтенанта стошнило.

– У нас закончилось топливо. Надо попытаться ночью не замёрзнуть насмерть.

Лейтенант поднял голову:

– Ночью?

– Ну да. Топить нечем. Разве что пустыми ящиками и потолочными балками.

– А что, разве будет завтра?

– Хватит каркать. Помоги вынести тело.

Он вытащил из-под мертвеца сковородку и перекатил тело на заляпанное жиром одеяло, к которому пристали куски пищи. Лейтенант стоял и смотрел.

– Чего встал?

Они ухватили одеяло за углы и подняли труп. Лейтенант споткнулся, и жирный угол одеяла выскользнул у него из рук.

– Какой тяжёлый!

– Мертвецы всегда тяжёлые. Столько раз отдавал приказ убивать – и не знаешь?

Они снова взялись за одеяло с двух концов и подтащили труп к выходу. Лейтенант выбрался наружу и потянул одеяло на себя. Голова покойника свесилась набок, облепленные грязью берцы торчали с другой стороны.

Лейтенант крикнул:

– Толкай! Он застрял!

Он поднырнул под холодное тяжёлое туловище мертвеца и одним толчком выдавил его наружу. Труп повалился лицом в сугроб. Лейтенант отступил назад. Засохшая кровь рассыпалась по снегу. Лейтенант заорал:

– Ты хуже мясника!

– Лес рубят – щепки летят. Надо от него избавиться. Чего ты ждёшь? Помогай!

Из их ртов валил пар. Они волокли тело по снегу в сторону обрыва. За ними тянулся кровавый след. Чёрная пятерня особиста как будто пыталась ухватиться за землю, чтобы его не смогли протащить дальше.

– Толкай его вниз.

Лейтенант придерживал труп на краю обрыва, его всего трясло.

– Я говорю, отпускай. Чего схватился?

Лейтенант дрожащим голосом произнёс:

– Нам конец.

Он взял лейтенанта за руку и потянул к себе. Труп перевернулся на бок и покатился вниз вместе с булыжниками и осыпающимся снегом. Дно ущелья тонуло в темноте, но звук катящихся камней и падающего тела был ясно слышен.

Он поднял голову и на одно мгновение увидел горящий вдалеке огонь, пламя которого поднималось в небеса. Что-то внутри у него сжалось и оборвалось. Было слышно, как тошнило лейтенанта: повалившись на землю у края обрыва, он вылёвывал желчь. Он закинул руку лейтенанта себе на плечо и поднял его.

Уложив лейтенанта на пол, он опустил полог. Руки одеревенели от холода. Он свернул одеяло валиком, подложил лейтенанту под голову.

Тот открыл глаза и посмотрел на него умоляющим взглядом.

– Принести тебе воды?

– Нет.

Собираясь присесть, он неловко повернулся, угодил ногой в густое масло на дне сковородки, поскользнулся и упал на пол. В ярости он схватил сковородку, выбежал из блиндажа и с воплем швырнул её о камни. В этот раз мерцание огня было ярче, и вокруг него как будто кружились таинственные тени. Он в ужасе бросился обратно в блиндаж. Схватил гадательную книгу и с остервенением принялся выдирать из неё страницы.

Лейтенант наблюдал за ним из-под полуприкрытых век.

– Что ты делаешь?

– Всё из-за этой чёртовой книги!

Он подбежал к лейтенанту и швырнул ему в лицо обрывки страниц.

– Скажи правду – ты тоже видел?

– Видел что?

– Огонь, – и он махнул рукой в направлении выхода.

– Ты с ума сошёл?

Он закричал:

– Всё ты виноват! Зачем ты так себя с ним вёл? Званием хвастался? Передо мной выставлялся? Такая каша заварилась – из-за твоей идиотской гордости!

– Я исполнял свой долг. Ты не должен был вмешиваться в наши дела. Моя вина, что я с самого начала обращался с тобой по-человечески.

Он схватил лейтенанта за ворот:

– Я тебе не позволю свалить всё на меня.

Лейтенант произнёс сочувственно:

– Я и не хочу всё свалить на тебя. Но убил его ты, не я.

Он сжал в кулаке ворот лейтенантовой куртки и с силой тряхнул.

– Ради тебя! Ты сказал: спаси меня. Ты умирал... Ты вывел из строя рацию. Думаешь, я не знаю? Хотел показать ему, кто тут хозяин. Последний курс, юридический факультет... Подымай теперь от страха!

Голова лейтенанта беспомощно моталась на тощей шее. Он выпустил из рук ворот. Лейтенант упал на спину и застонал.

– Что бы ни случилось, я тебя поддержу. Даю слово чести. А сейчас дай мне немного подумать.

Он оставил лейтенанта одного и вышел из блиндажа. Над горой висела темнота, между скал свистел холодный ветер. Он присел на корточки и закурил, внимательно следя за блиндажом. Навострив уши, он ловил малейший звук и движение лейтенанта.

Он поднялся. По ту сторону обрыва стоял непроглядный мрак. Наверное, подумал он, у него разыгралось воображение, и не было на самом деле никакого огня. Лейтенант же ничего не заметил. Но нет, он был совершенно уверен. Он видел собственными глазами, и не один раз. Он чувствовал, что с каждым мигом приближается к развязке, определённой роком. Но какова она, он не знал. Будущее всё ещё было темно и неясно. Он вниз головой свалился в водоворот, и тот затягивал и уносил его, куда хотел. Он убил младшего лейтенанта, своего соотечественника, и сбросил труп в пропасть. А свидетель, живой и здоровый, лежал там, внутри, и непонятно, какие планы зрели в его маленькой черепушке. Нужно быть начеку. Нельзя позволить лейтенанту одурачить себя. Он, конечно, попытается свалить убийство на него. Если бы дело дошло до суда, то все бы, конечно, приняли сторону лейтенанта.

Ему почудилось, что из блиндажа доносится слабое потрескивание. Он потихоньку спустился в яму перед входом и, отогнув краешек полога, заглянул внутрь.

Лейтенант ползком подобрался к радиостанции и копался в ней.

От страха и ярости его заколотила дрожь. Он влетел в блиндаж и – лейтенант не успел и пальцем шевельнуть – схватил его за шкуру и с силой швырнул на ящик с боеприпасами. Кровь брызнула из разбитого лба, и лейтенант, не пытаясь сопротивляться, повалился на землю. Он лежал, спрятав лицо в окровавленных ладонях, плечи его тряслись.

Он заорал лейтенанту прямо в ухо:

– Извернуться решил?! Не дам! Мне теперь нечего терять!

Лейтенант поднял на него своё заляпанное кровью лицо, всё в потёках слёз:

– Это ради неё. Ей всего восемнадцать. Понимаешь?.. Восемнадцать лет! – вдруг заорал он. – Скотина ты чёртова! Она сейчас, может, сидит и думает обо мне!

Он врзал лейтенанту по шее.

– А я, по-твоему, под кустом родился? Меня никто не ждёт, по-твоему? Я что, жить не хочу? Чего хвост поджал? Я же ради тебя завалил этого гада!

Кровь бросилась ему в лицо. Он нагнулся, ухватил лейтенанта за ворот сзади и поднял на ноги.

– Говори правду – что делал с рацией?

Лейтенант молча пытался освободиться.

– Не скажешь – убью. Ещё одной собакой меньше.

Лейтенант с силой вырвался из его рук и отполз в угол, как младенец.

– Я хотел наладить передатчик, только и всего.

– Брешешь, как собака.

Он поставил ногу на голову лейтенанта и надавил, заставив того лечь. Из раны на лбу лейтенанта текла кровь.

– Я хотел сдать тебя. Хотел себя спасти. Теперь доволен?

Он убрал ногу с лейтенантовой головы и уселся на земляной пол.

Лейтенант громко хныкал, всё его лицо было залито кровью. В дверной проём задувал ветер и кружил посреди блиндажа мелкие ледяные крупинки.

– Я согласен, ты убил его ради меня. Но у нас только два пути. Или мы оба возьмём на себя убийство, или кто-то один пожертвует собой. Была бы погода – можно было бы добраться до вражеских сил. Но сейчас это невозможно. Впереди пропасть, позади – наши части...

Он подумал, что лейтенант заговаривает ему зубы и только ждёт удобного случая, чтобы снова извернуться. Не было никакой гарантии, что внизу он сдержит своё слово. Даже если они расскажут всё, как было, всё-таки это он всадил очередь в особиста. Разве мало случаев, когда жертвовали рядовыми? А лейтенант учился на юриста, уж как-нибудь сумеет выйти сухим из воды. Наверняка у него и связи есть. Он ответил:

– Или ты, или я. Кто-то один возьмёт убийство на себя.

Лейтенант смотрел на него. Изо рта у него торчала сигарета, и он платком отирал кровь с лица. Потом он поднялся. Швырнув окровавленный платок в угол, он ботинком затушил на одеяле окурки и накинул на плечи куртку.

– Я настроил передатчик. Первая попытка – твоя. Я выйду на улицу. У тебя есть пять минут, чтобы доложить вниз о происшествии – так, как тебя это устроит. Если за пять минут ты не сможешь этого сделать, докладывать буду я. Как и что захочу.

Уже выходя из блиндажа, он спросил:

– Пойдёт?

– Пойдёт!

Лейтенант скрылся в тёмном дверном проёме. По блиндажу в вихре ледяного ветра кружили снежинки.

Он опустил фонарь и присел перед рацией. Решение казалось справедливым.

Он взял в руку трубку. Он совершенно не собирался приносить себя в жертву ради лейтенанта. Это ведь из-за

него он пошёл на убийство, не ради себя. Ни о чём другом он не хотел думать. Ему было страшно от самого себя.

Он попытался установить связь. Тут ему пришло в голову, что дело, возможно, не такое простое, как кажется. Он положил трубку. Лейтенант наверняка замыслил что-то ещё, пусть и ради своей восемнадцатилетней. Наверняка у него был какой-то план. Он соображал, что к чему, и, конечно, гораздо лучше него понимал путаный язык закона.

Он поднялся. Надо было подумать. Малейшая ошибка могла стоить ему жизни. Его ожидала тяжёлая и навязанная ему смерть, которую он так много раз воображал себе. Нет, он хотел умереть так, как сам захочет. Закон – для слабаков.

Он выглянул из дверного проёма. Сквозь падающий снег был ясно виден огонёк лейтенантовой сигареты – как цель, как придаток к мишени. Он стоял, повернувшись в профиль, глядя в сторону обрыва, ветер надувал рукава его куртки.

Он прижал ладонь ко лбу. Что делать? Снова подошёл к радиостанции. На глаза ему попался окровавленный платок лейтенанта. Он поднял с пола приёмник и повернул ручку. Блиндаж наполнился звуками дикторского голоса. Он выключил приёмник и втиснул между мешками с песком. Больше он никому не понадобится – ни ему, ни лейтенанту. Он обвел взглядом блиндаж и в свете фонаря увидел блестящий, отполированный множеством рук автомат. Да какая разница? Разве лейтенант будет первым?

Он остановился на площадке перед блиндажом, широко расставив ноги, и передёрнул затвор. Так, чтобы лейтенант услышал и был готов, и если бы захотел что-то с этим сделать, то сделал бы.

Лейтенант стоял неподвижно, с сигаретой в зубах.

Он снял автомат с предохранителя. Опустился на одно колено, поймал красную точку на конце сигареты точно на вершину мушки.

Когда он поднялся, лейтенанта уже поглотила темнота за краем обрыва.

6

Открыв глаза, он привычно подумал, что сейчас опять увидит лейтенанта за чисткой зубов – как всегда, с фруктовым соком.

Он скинул одеяла. Всё тело у него затекло. Фонарь погас, и серый предрассветный свет вместе со снегом врвался в блиндаж. Он потянулся. Заветный миг настал, чувства не ввали ему. Он поднялся. На душе было легко. Он подошёл к передатчику и проверил, работает ли. Передатчик работал. Он аккуратно свернул одеяла и сложил стопкой в углу. Решил что-нибудь съесть. Аппетита не было. Во рту стояла противная горечь. Он зачерпнул пригоршню снега и запихнул в рот. По телу прошла дрожь. Он протопал к выходу через снежный нанос на полу. Вьюга замела прорытую вчера тропку. Пробираясь по глубокому снегу, он зашёл за блиндаж. Облегчившись, вернулся обратно. Одну за другой аккуратно снял все свои одёжки и в чем мать родила вышел на середину нетронутой снежной поляны. Телу было горячо. Он опустился на корточки прямо в снег и принялся намываться. Натёртая снегом кожа покраснелась. Он совсем не дрожал – ни от страха, ни от холода.

Поднялся. Пошёл и снова натянул на себя одежду. Теперь ему было холодно. На память пришла виденная однажды сцена смерти. К стволу дерева был привязан кудрявый парнишка. Приговор зачитал человек, лица которого было не разглядеть. Паренек, весь трясясь, умолял сохранить ему жизнь. Штаны у него промеж ног намокли. Он звал маму, просил воды. Принесли воды в красном пластиковом кувшине, залили ему в глотку. Паренек выпрямился и уставился на стволы автоматов. Он больше

не дёргался. Может, он был уже мёртв. Ещё до расстрела. К нему подошли, завязали глаза чёрной тряпкой. Когда раздались выстрелы, он на секунду повёл носом в воздухе. Это был его последний вдох, и он хотел вдохнуть полной грудью...

Сейчас он сам зачитывал приговор и сам отдавал команду открыть огонь, стоя на краю обрыва. Он точно рассчитал координаты точки. Самое большее шестой снаряд попадёт в площадку над обрывом. И он будет стоять там, на вершине чёрной холодной скалы.

Он забрался в блиндаж. Включил рацию и передал координаты: шесть выстрелов в указанную точку.

Поднялся. Открыл ананасовый компот и осушил всю банку до последней капли. Смял жестянку в руке и выбросил из блиндажа. Она покатилась по снегу и сорвалась вниз.

Он вылез наружу. Ещё было слышно, как, падая, грохочет банка. Он снял куртку, сложил и оставил на крыше блиндажа. Было жарко.

Он сделал глубокий вдох, его лёгкие наполнились воздухом. Времени было ещё много. Он медленно подошел к краю пропасти.

Первый снаряд пролетел у него над головой, рассекая чистый ледяной горный воздух.

Посреди снежного поля поднялся к небу фонтан огня и дыма.

Он влез на камень. Теперь пропасть была у него под ногами. Рядом не было никого, кто мог бы его унижить. И особист, и лейтенант лежали там, внизу – в покое, без боли. Перед ним простиралась заснеженная долина, белая и чистая.

Второй снаряд упал чуть ближе того места, где росло «его» дерево. Деревце содрогнулось, сухая листва разлетелась в воздухе и, неспешно кружась, стала опускаться на землю. Он почувствовал, что колени у него дрожат.

Подумал о матери и о той, с чёрным локоном. Листья «его» дерева все еще летали в воздухе, опускаясь на грязный, перемешанный с землёй снег.

Третий снаряд угодил в основание скалы.

Камень у него под ногами содрогнулся, и ему с трудом удалось удержать равновесие. Здоровенные булыжники вместе с покрывавшим их снегом кубарем покатались вниз.

Он посмотрел на деревенские дома за деревьями. Кое-где над крышами поднимались в небо тонкие струйки голубого дыма. Он вдохнул запах. Пахло свежеевыпеченным хлебом, горячим и вкусным.

Четвёртый снаряд снёс половину каменного выступа на склоне горы, и скала с ужасающим грохотом обрушилась вниз. Ему в лицо брызнули осколки льда и камня.

Больше времени не оставалось.

Вдруг всю долину внизу заполонили мужчины в чёрных одеждах. Опираясь на посохи, они приближались неспешно и чинно. Он стащил с пальца бирюзовый перстень и швырнул в их сторону. А они всё шли, печальные и величественные, с горящими факелами в руках.

Взрывная волна сбила его с ног. Раскалённый воздух обжёг лицо.

– Контрольный выстрел, – сказал он. И в последний раз закрыл глаза.

Мужчины в чёрных одеждах были там, по ту сторону его опущенных век. Они подходили ближе, ближе... Окружив «его» дерево, они повторяли слова молитвы. Он не мог как следует расслышать. Он весь превратился слух.

Где-то далеко орудие выстрелило в шестой раз.

Весна 1374 (1995)

Я вернусь в день Ашуры¹

Рахим Махдуми

– Где же ты его видел? – спросил Хадеми. – Я целый год служил под началом этого человека и до сих пор не могу прийти в себя. Этот Мадани стоит целой дивизии! Не знаю уж, плакать или смеяться над этим чудаком. Только вот иногда, вспоминая его, я леденею от ужаса, а потом, бывает, таю от умиления.

Внешне он напоминал забитого мальчишку, – вспоминал Хадеми. – Как говорили ребята, он имел внешность человека целеустремлённого: весьма худощавый, со впавшими глазами и выступающими скулами. По сравнению с простыми людьми он считался заморышем, что уж говорить о верзилах, которых с каждым днём разносит всё больше. Но вся правда в том, что эти важные толстосумы со всем их добром не стоили и одного его ногтя.

Каждый, кто слышал имя Мадани, думал увидеть настоящего великана, – продолжал Хадами, – но, встретившись с ним впервые, принимал его за батальонного связного или, в самом лучшем случае, за связиста. Однако, узнав, что перед ним сам командир батальона, да ещё и танкового, бедняга, не веря своим глазам, шептал себе под нос: «Боже Всемогущий».

После этих слов Хадеми начал свой рассказ:

¹ Ашура – день траура по случаю убийства внука Пророка – имама Хосейна в битве при Кербеле в 688 г. войском омейядского халифа. Приходится на десятый день лунного месяца мохаррама.

– В тот день у нас был тяжёлый бой с иракскими танками. В конце концов, с большими усилиями, израсходовав все снаряды, мы смогли подбить почти все машины. Несколько уцелевших поспешили скрыться. Признаться, это они хорошо сделали, ведь если бы они остались и продолжили бой, то, ей-богу, у нас бы не хватило снарядов и патронов, чтобы дать им отпор. Мы успокоились, думая, что теперь можно будет вздохнуть спокойно. Обрадовавшись, что теперь можно перевести дух, мы не успели даже прийти в себя, как вдруг прогремел страшный взрыв, от которого половина насыпи взлетела на воздух... О Господи! Через мгновение донёсся ещё какой-то звук. Это был рёв иракского танка, ехавшего на нас прямо за насыпью. Невозможно описать, что я пережил за эти секунды. Скажу только, что рёв танка с каждым мгновением становился всё громче, а у нас ведь закончились все боеприпасы и защищаться было нечем. Казалось, его гусеница протяжно ложится прямо на грудь и моё сердце вот-вот выскочит наружу. Не было не только боеприпасов, но и сил, чтобы обороняться. С калашом на танк не попрёшь!.. Боже мой... И вдруг опять Мадани. Он взял автомат, перелез через насыпь и со своим красивым азербайджанским акцентом крикнул: «Ребята, я пошёл!»

Куда?! Но Мадани не привык долго объяснять. Каждый, кому было интересно, должен был последовать за ним. Мы своими глазами видели, как он уходит, но всё равно не могли поверить в реальность происходящего. Наконец мы, как ошпаренные, бросились на насыпь. Мадани нетерпеливо зашагал к танку, словно к старому другу, которого не видел тысячу лет, а тот стоял на своём месте, как будто готовясь заключить его в свои объятия. «...Мадани! Ты что творишь?! С ума спятил? ... Вернись!» Автомат на его плече качался, как лопата у крестьянина, и он продолжал уверенно идти вперёд. Танк стоял до этого неподвижно, но вдруг его ствол повернулся! Мне он показался

копьем, которое вот-вот вонзится прямо в сердце человека. Ствол продолжал поворачиваться, пока наконец не остановился чётко перед Мадани. Один из наших по фамилии Рахмати зачерпнул в руку горсть земли и произвольно сжал её в кулаке. С каждой секундой Мадани подходил всё ближе и ближе. Зачем же он это делал? Это было известно только самому Мадани и Всевышнему.

Остановившись от танка в нескольких шагах, Мадани нагнул голову, как забитый мальчишка, и уставился на него в упор. Казалось, он ждал, чтобы танк с ним заговорил. Конечно же, тот тоже был ошеломлён происходящим, равно как и мы, шокированные таким поступком, поэтому не решался открыть огонь. Это была тяжёлая минута. Не для Мадани, а для нас. Как будто на хрупкие, слабые плечи взвалили огромный, тяжёлый валун! Голова раскалывалась на части и кружилась, свет мерк перед глазами, всё тело сковал страх. Неужели сейчас?

Неужели вот-вот?!

Мадани не издавал ни звука – и танк тоже. Мадани замер на месте – и танк тоже. И только с нас от нервного напряжения пот лил ручьём. Из последних сил мы ждали, что в любую минуту он рухнет на землю. Какие же это были тяжёлые мгновения! Ожидание было подобно смерти. Волей-неволей мы прислушивались. Волей-неволей приглядывались... Сейчас? В следующее мгновение?! ...

Вдруг люк танка открылся, и из него показались две руки, державшие автомат с висевшей каской. На ней виднелась надпись: «Сдаюсь на милость Хомейни».

Через мгновение Мадани уже сидел на танке и, взяв иракца за ухо, кричал: «Газуй... Газуй!» Ираец нажал на педаль газа и направил свою чёрную махину в нашу сторону... «Не вы убили их, а Аллах убил их»¹.

¹ Коран, сура «Добыча», аят 17.

Мне нравятся люди маленького роста, но с большой душой. Очаровываясь такими людьми, я стараюсь любимым способом подружиться с ними. В тот день мне повезло, и на час-другой я оказался в машине командира батальона Мадани, направлявшегося в район Керхе-Нур. В скором времени мне удалось разговорить этого бывалого человека, пережившего столько злоключений, и со своим красивым азербайджанским выговором он рассказал мне вот что:

– Как-то раз мы попали в окружение. Я остался совершенно один. Вокруг только трупы, сторевшие иракские танки и тела убитых товарищей, которые только что погибли у меня на глазах. Чуть поодаль иракцы добывали раненых иранских солдат и уже шли в мою сторону. Я подползал к убитым, по очереди клал голову каждого себе на колени и читал успокоительную молитву. На душе было тошно. К тому же я потерял своего сейеда¹ и ничего не знал о его судьбе. Этот сейед, упокой Господь его душу, был командиром, а я его помощником. В тот момент каким-то мистическим образом я обрёл тесную связь с погибшими, и мне казалось, что все они говорят со мной. Поэтому я поклялся им, что буду готов к плену, не забуду о своих товарищах в багдадских казематах и весть о событиях в Кербеле донесу до самого Дамаска².

Закончив читать молитвы, из любопытства я решил залезть на один танк. Внутри лежали два убитых иракца,

¹ Титул мусульманина, который ставится перед именем собственным и указывает на принадлежность к потомкам Пророка Мохаммада.

² Имеются в виду события 680 г. при Кербеле на территории современного Ирака, в ходе которых погиб внук Пророка имам Хосейн и его сподвижники, а пленников вместе с головами убитых отправили в столицу тогдашнего халифата город Дамаск. Это шествие пленников считается одним из самых печальных и несправедливых моментов в истории ислама. Несчастных усадили на верблюдов без сёдел, как рабов, с женщин сорвали хиджабы, а головы убитых стражники несли на своих копьях.

и, судя по уцелевшей кабине, их убили из лёгкого оружия. Кроме незначительных повреждений, сам танк был в полном порядке. С одной стороны, в моём сердце затеплилась надежда на спасение, а с другой – я уже видел иракцев, которые подбирались всё ближе и ближе. Надо было срочно что-то предпринять. Когда я уже выбросил тело второго убитого, иракцы заметили меня и побежали наперехват. Я быстро закрыл люк и хладнокровно взялся за дело. Приложив немало усилий, я всё-таки завёл танк, и теперь уже иракцы разбежались от меня, обстреливая со всех сторон.

В тот момент я вспомнил о сейеде, вернее Махди Ладжварди. А вдруг он попал в плен? Вдруг погиб?.. Дай Бог, чтобы с ним всё было в порядке. Единственным серьёзным препятствием на пути было одно ущелье, и если бы мне удалось его проехать, это бы на девяносто процентов обеспечило моё спасение. На руку было и то, что я сидел в иракском танке и неприятель вряд ли мог заподозрить что-то неладное. Подъехав к ущелью, я заметил троих обессиленных человек, лежавших на земле. Едва они увидели мой танк, как растерянно стали отползать в сторону. По их бегству от иракского танка я понял, что, скорее всего, это свои. И действительно, так оно и вышло... Среди них я узнал своего потерянного товарища и обрадовался этому в тысячу раз больше, чем побегу и свободе. Итак, один из этих троих был мой сейед, упокой Господь его душу, а два других – старики из нашей дивизии. Они продолжали меня считать за иракца и поэтому старались убежать от танка. Я распахнул люк и выглянул наружу. Однако в этот момент нас засекли находившиеся поблизости иракцы. Заметив, что все трое забрались в танк, они заподозрили неладное и перекрыли нам путь.

Я прочёл молитву: «Мы установили преграду перед ними и преграду позади них и накрыли их покрывалом, и они не видят»¹, – и надавил на газ. Слабая преграда

¹ Коран, сура «Йа Син», аят 9.

была разрушена, и в мгновение ока мы пронеслись через ущелье. В ту же секунду сзади по нам открыли сильный гранатомётный огонь. Молитва «Мы разделили небо и землю и сделали из воды всякую вещь живую»¹ не сходила у нас с уст, и Господь Бог отвёл от нас все выстрелы.

Наступило первое число месяца мохаррама. Над карманом своей рубашки Мадани пришил чёрную ленту с надписью «Мир тебе, имам Хосейн». В те дни Мадани разъезжал на своём двухсотпятидесятикубовом мотоцикле, который он совсем недавно получил в дивизии. Красный мотоцикл напоминал собой огромного скакуна, и Мадани восседал на нём как благородный рыцарь. Чувствовалось уже последнее дуновение лета, однако в Шаламче² обжигающее солнце всё ещё стояло так высоко, что любая тень в высохшей пустыне сокращалась до малейших размеров. У всех нас лица стали смуглыми, а одежда с головы до ног пропиталась потом. В каждом окопе солдаты смастерили ручной вентилятор. Для этого ящик от боеприпасов привязывали к потолку, снизу приделывали верёвку и всё время раскачивали ящик – так и получался ручной вентилятор! Обычно я ходил в майке, но появляться в таком виде перед Мадани мне было как-то неловко. Всякий раз, когда он заходил, я надевал рубашку, и мы здоровались, как два закадычных приятеля.

¹ Коран, сура «Пророки», аят 30.

² Шаламче – город в иранской провинции Хузестан, недалеко от границы с Ираком.

Дело было днём. Я сидел в окопе и слушал, как по транзистору читали стихи:

О, влюбленный безумец, на мгновение зайди
в питейный дом,
Кубок вина возьми и после прочитай молитву¹.

Раздатчики позвали солдат ужинать. В тех местах ужин привозили рано, когда было ещё светло и солнце сильно припекало. Получив миски, солдаты один за другим отошли от машины, и я оказался последним в очереди. Залезая в окоп, я заметил Мадани, который на своём красном мотоцикле свернул с дороги на Чамран² и ехал в нашу сторону. Я хотел быстро поставить миску и вернуться, чтобы выбежать ему навстречу и поздороваться. Шум уезжавшей машины полевой кухни слился с ревом мотора мотоцикла Мадани, подъехавшего совсем близко. Вдруг в воздухе раздался страшный грохот миномётного снаряда! Голова у меня пошла кругом. Произошёл невероятной силы взрыв, и весь окоп накрыло дымом и пороховым газом. В испуге я стал прислушиваться, чтобы понять, кто кричит. Как же было тяжело! Оказалось, что кричит Мадани. Такой крик из-за гордости и самообладания Мадани ещё, наверное, никогда не вырывался из его груди. В скором времени я понял истинную причину этого. «О Абуль Фазл... О Абуль Фазл³...» – громко стонал он.

¹ Данный отрывок имеет мистический, суфийский смысл, который раскрывается с помощью различных метафор. Так, например, «опьянение вином» означает достижение высшего религиозного наслаждения, «влюблённый безумец» – верующего человека, глубоко и искренне любящего Бога, «питейный дом» – мечеть или другое место, где можно приблизиться к Богу.

² Чамран – город в иранской провинции Хузестан, на границе с Ираком.

³ Абуль Фазл – брат имама Хосейна, убитый вместе с ним в битве при Кербеле.

Я подбежал к нему раньше всех и увидел, что он весь покрыт пылью. Мотоцикл упал ему на ногу, и несчастный продолжал громко кричать. Я растерялся. Потом, взяв его под руки, я решил вытащить его из-под мотоцикла, но... Голова у меня вновь закружилась. Его левая нога, державшаяся лишь на тонкой коже, застряла под мотоциклом, а из пробитого бака на рану сильной струёй лился бензин.

В панике я поднял мотоцикл с ноги Мадани, которая, свисая вниз, волочилась за ним по земле, пока я волоком тащил его до окопа. Вскоре подоспели другие солдаты, и общими усилиями мы перевязали ему ногу выше колена. Когда мы укладывали Мадани в машину скорой помощи, мне запали в душу его последние слова: «Я вернусь через десять дней».

Настала Ашура, и я успел сильно соскучиться по Мадани. Говорили, что он нынче придёт, но никто в это не верил. Наконец все увидели его своими глазами. На одной ноге и с двумя костылями он прошёл пустыню Шаламче и добрался до самой линии фронта, и при этом даже не позволил товарищам чем-то ему помочь...

Ночь на заливном лугу

Ахмад Кавери

Это короткий рассказ посвящён памяти мужественного героя сейеда Алирезы Гавама, служившего помощником командира батальона Нух¹ двадцать первой дивизии имама Резы (да будет мир с ним!)². Рассказ поистине велик и славен, хотя он больше похож на вымысел, нежели на реальность... И пишу я его для тех, кто твёрд в своей вере!

Стояла ночь, и на заливном лугу царила тишина. Я тихо рассекал вёслами поверхность воды, и лодка спокойно плыла вперёд. Алиреза стоял на носу лодки спиной ко мне и смотрел перед собой. Я знал о его волнениях и прекрасно понимал, о чём он тогда думал: о том же, о чём и все мы, солдаты батальона Нух.

На следующую ночь было назначено наступление – операция «Кербела-5»³. От мыслей о завтрашнем дне у меня сильно щемило сердце. Нечто тревожное и вместе с тем прекрасное волновало мою чуткую натуру и, словно лавина, будоражило разум.

¹ Нух (соответствует библейскому пророку Ною) также почитается в исламе в качестве одного из пророков, предшествующих Мохаммаду.

² Али ибн Муса аль-Реза (766–818) – восьмой шиитский имам, единственный, чья гробница находится на территории современного Ирана в городе Мешхеде.

³ «Кербела-5» – иранская наступательная операция, начавшаяся 9 января 1987 г. с целью прорыва иракской обороны города Басры. Названа в честь города Кербела на территории современного Ирака, где в 680 г. погиб внук Пророка Мохаммада имам Хосейн.

Вот реальная картина той ночи.

Она отчётливо предстаёт перед моими глазами в тот момент, когда я пишу эти строки.

Соберись же с мыслями!

По приказу Алирезы я лёг на дно лодки. В щели просачивалась холодная вода, и лицо у меня сразу замёрзло. В то же время я почувствовал запах заливного луга и зелёных стеблей тростника. Я глубоко вздохнул, на мгновение закрыл глаза и вдруг сквозь веки увидел какой-то яркий отблеск. Прямо над нашими головами зажглась сигнальная ракета. В скором времени лодка продолжила плыть в тиши заливного луга. Я спокойно работал вёслами, а Алиреза молча смотрел вперёд.

Я познакомился с Алирезой двадцатью днями ранее в соборной мечети Кашмера¹.

В тот день после завершения операции «Кербела-4»² мы сидели с товарищами и обсуждали её проведение. Когда вошёл Алиреза, почти все знавшие его ребята сразу подошли к нему. Он был молод и отличался высоким ростом. Одежда на нём до сих пор была в пыли. Даже из гетров можно было высыпать пригоршню южного песка. Он пожал руки всем по очереди и с ходу крикнул: «Кто едет?»

Два дня назад мы вернулись с «Кербелы-4» и сейчас по настоянию Алирезы должны были ехать в Шаламче.

В лицо дул прохладный зловонный ветер. Отовсюду доносились какие-то шорохи. Алиреза повернул голову,

¹ Кашмер – город в восточной иранской провинции Хорасан-Резави.

² «Кербела-4» – военная операция, проведённая КСИР 24–26 декабря 1986 г. с целью взятия иракской Басры, однако по причине утечки информации иранцы понесли значительные потери и вынуждены были отступить.

и я, смотревший на него до этого сзади, стал в темноте искать взглядом его глаза. Он кивнул, и я причалил к берегу. Здесь и начиналась дорога.

– Я пойду всё проверю. Скоро вернусь! – сказал Алиреза.

Он сошёл с лодки и тихо проскользнул сквозь тростник.

В поезде мы ехали в одном купе. Ночная дорога располагала к тому, чтобы ближе узнать человека, которому суждено было стать нашим командиром. Скромность, сдержанность, благонравие и красноречие – даже по отдельности все эти достоинства могли бы вызвать во мне расположение к человеку. Он наклонился к окну и смотрел на пустыню. Я тоже разглядывал её очертания при блёклом свете луны. Другие солдаты о чём-то разговаривали. Обернувшись, я заметил, что Алиреза смотрит в мою сторону.

– Какая ночь в пустыне! – сказал он.

– Лунная.

– Не только.

– Тихая.

– А ещё?

– Вопрос на сообразительность?

– Что поделать?! Привычка! – смеясь, ответил он.

Алиреза был учителем. Работал в деревне Хаджи-Абад в окрестностях Кашмера.

Ночной холод заливного луга пробирался через водолазный костюм и путал все мысли. Я тёр руки и прикладывал их к лицу, а между тем, томимый ожиданием, следил взглядом за тем, куда направился Алиреза. Тростник изгибался от дуновения ветра, и от этой жуткой картины

мне становилось тревожно на душе. Я стоял и смотрел на дорогу. Вдруг раздался короткий взрыв, и я упал на дно лодки. Сердце быстро забилося, его удары отдавались во всём теле. «Не дай Бог, Алиреза...»

Тревога и страшные мысли закрались в душу. Опять надо было ждать... Что это был за взрыв? Вдруг Алиреза ранен, как же мне его отвезти обратно? Что будет тогда с операцией, назначенной на завтра? Я поднялся. Выбравшись из лодки, я пошёл вперёд, словно пытаюсь найти ответы на все мучившие меня вопросы. Выйдя на дорогу, я старался дышать как можно тише. Перебрался через противотанковые ежи и там, чуть поодаль, увидел сидевшего, как тень, Алирезу, который смотрел в бинокль. Подойдя к нему на расстояние нескольких шагов, я шепнул:

– Али...

Он жестом подозвал меня. Одним прыжком я оказался рядом и наклонился к нему.

– Я останусь здесь до завтра. Операция начнётся прямо отсюда. Уходи!

Я ничего не ответил, потому как знал, что он во всём поступал весьма благоразумно. Мне же оставалось только быстро вернуться назад.

Целые сутки я не находил себе места. Быстрее всех остальных я добрался до дороги, чтобы найти своего товарища. «Ага... Вот здесь!» – наконец решил я.

Алиреза всё так же сидел, как тень. Я прибавил темпа и растерянно подбежал к нему. «Али, мы пришли... Али!» – крикнул я.

И вдруг я оторопел. Обе ноги у Алирезы были оторваны по колено, а сидел он, опираясь на руки, как на две мощные колонны. Тот взрыв даровал ему вечное блаженство... Боже, какая ночь на заливному лугу!

10 мая 1990 г.

Позывной «Захра»

Давуд Амириан

Лёжа на кровати, я смотрел новости по телевизору. Ведущий, высоко оценивая мужество иранских солдат, сообщил об освобождении от иракцев островов Боварин¹. Лица всех наших бойцов светились от радости, а один из раненых, исполненный священной гордости, закричал: «Помолимся за здоровье воинов ислама!..»

Палату огласил приятный голос исполнителя молитвенного песнопения. Мне стало радостно на душе и хотелось только одного – поскорей встать на ноги и вновь отправиться в батальон к своим товарищам. Я служил в батальоне Мисама², но в ходе операции «Кербела-5» был ранен осколком снаряда в живот. С ранением меня доставили в госпиталь, в котором я уже пролежал несколько дней. Разлука с товарищами, усугублённая глубокой раной, мучила меня нестерпимо. К тому времени мне успели сделать уже три серьёзные операции, но предстояла ещё одна.

В этот момент в палату зашёл мой старый приятель Джалаль. Он служил связным в батальоне Малика Аштара³ двадцать седьмой дивизии Пророка Мохаммада

¹ Боварин – острова в Персидском заливе, принадлежащие в настоящее время Ираку.

² Мисам (настоящее имя Мортеза Шакури-Горгани) – известный в Иране военный инструктор, занимавшийся подготовкой солдат в гарнизоне имама Хосейна. Считался одним из серьезных знатоков своего дела и отличался особой строгостью. После настойчивых просьб отправить его на фронт наконец попал туда и был убит в 1984 г.

³ Малик Аштар (619–647) – полководец и политический деятель, сторонник первого шиитского имама Али ибн Аби Талиба.

(да благословит его Аллах и приветствует!). Из-за пулевого ранения в лицо мой приятель тоже попал в госпиталь. Он был жизнерадостным парнем и всегда поддерживал товарищей. Увидев его, я приподнялся и поздоровался. Джалаль поцеловал меня в лоб и сказал:

– Привет, дружище! Как ты?

– Дышу помаленьку! Что нового?

Он приветливо посмотрел на меня и ответил:

– У меня есть для тебя важная новость. Давай награду, тогда скажу.

– Ладно, дружище, твоя награда в холодильнике. Возьми вишнёвый компот и говори свою новость.

– Сейчас привезли одного солдата из батальона Мисама. Я назвал ему твоё имя, и он тебя вспомнил. Садись в кресло, я отвезу тебя к нему.

Не помня себя от радости, с помощью Джалаля я слез с койки и сел в кресло-каталку. К руке и животу у меня крепились капельница и ещё какие-то другие трубочки, поэтому ходить я не мог. Мы выехали в коридор и через мгновение оказались в палате № 12. Быстро и жадно вглядывался я в пыльные лица новых раненых, как вдруг мой взгляд застыл на одном из них. Да, это был он. Махди собственной персоной. Он служил в техническом подразделении нашего батальона, занимаясь минами шестидесяти-миллиметрового калибра. Я обрадовался нашей встрече, как всем богатствам мира. Джалаль помог мне подъехать поближе. Махди смотрел на меня так, будто не верил, что я ещё жив. Хромая, он подошёл ко мне, мы обнялись и от радости заплакали. Махди какое-то время молчал и беспрерывно целовал моё лицо, а потом воскликнул:

– Опять ускользнул от Азраила?!¹

От волнения я учащённо дышал.

¹ Азраил – ангел смерти в исламе, помогает людям перейти в другой мир.

– А что делать? – сказал я. – Как говорится, плохой баклажан и черви не едят!

После этих слов мы все трое улыбнулись. Справившись о его самочувствии, я спросил:

– А как там ребята? У хадж¹ Хосейна как дела? Он в порядке?

Махди опустил голову. Казалось, его окатили холодной водой. Лицо его омрачилось, и он умолк. Я сразу заподозрил неладное и с мольбой в голосе спросил его снова:

– Ради Бога, скажи, что случилось? Не смотри, что я ранен. Поверь, я всё вынесу. Если что-то произошло, скажи мне...

Махди медленно поднял голову. Слезы текли по его щекам и капали на пол. Он не решался сказать. Наконец, вытирая слёзы, он проговорил:

– Они погибли смертью храбрых... Таги Закаи, Бабаи, Моджтаба Барат и ещё несколько бойцов третьего взвода роты Найнава² мужественно сражались. Хадж Хосейн был вместе с ними...

Его губы задрожали, поэтому он не смог договорить. Я крепко сжал его руку, с мольбой посмотрел на него и спросил:

– Разве мы не были друзьями? Мы ведь всё друг другу рассказывали. Теперь что? Почему ты не говоришь, как всё произошло?

Махди кивнул в знак согласия, вздохнул и промолвил:

– Мечта хадж Хосейна исполнилась ... святая Фатима Захра (да будет мир с ней!)³ взяла его к себе.

¹ Хадж – вежливое обращение к мусульманину, который совершил паломничество, как правило, в Мекку. В военной среде данный термин используется для обращения к старшему по званию.

² Найнава – то же самое, что город Ниневия, столица Ассирии в VIII–VII в. до н. э., на территории современного Ирака.

³ Фатима Захра (605–633) – младшая дочь Пророка Мохаммада, единственная, давшая потомство. Почитается как образец высших нравственных качеств и прародительница последующих имамов.

Я не мог в это поверить. Неужели помощник командира нашей роты несчастный хадж Хосейн погиб? Мне стало не по себе, я почувствовал, что перед глазами всё закружилось... Когда я пришёл в себя, то понял, что Джалаль с помощью медбрата укладывают меня на койку. Всё тело трясло как в ознобе. Я вспомнил об известии, услышанном несколько минут назад, и из глаз вновь покатались слёзы. Джалаль, увидев моё состояния, печально сказал:

– Мужайся. Я знаю, о чём ты мечтаешь. Дай Бог, мы оба получим желаемое.

Джалаль смотрел на меня кротко и ласково. Я отвернулся и уставился на фотографию имама Хомейни¹, висевшую на стене, и постепенно предался своим воспоминаниям.

...Мы приехали в составе пятой группы для участия в операции «Кербела». Когда мы оказались в гарнизоне Докухе, нас отправили в местное хосейние² хаджи Хеммата³. В конце лета погода стояла знойная. Все бойцы обливались потом. Воздух внутри хосейние стал настолько спёртым, что дышать было невозможно. Конечно, для меня в этом не было ничего нового, потому как я оказался на южном фронте уже во второй раз. Прежде я служил связным в дивизионном интендантстве. Тогда-то мне и посчастливилось участвовать в освобождении города Мехран⁴ в ходе операции «Кербела-1».

Мы провели в хосейние несколько часов, хотя никакой особой церемонии там так и не состоялось. Некоторые

¹ Сейед Рухолла Мусави Хомейни (1902–1989) – вождь Исламской революции 1979 г., высший руководитель Ирана с 1979 по 1989 г.

² Хосейние – место торжественных собраний, где проводятся траурные церемонии и молитвы по имаму Хосейну.

³ Мохаммад Ибрагим Хеммат (1955–1984) – известный иранский политический и военный деятель, участник Исламской революции и Ирано-иракской войны, один из командиров КСИР.

⁴ Мехран – город в западной провинции Илам, недалеко от границы с Ираком.

бойцы лежали в одном исподнем, накрыв лица мокрыми арафатками или носовыми платками, чтобы хоть как-то спастись от невыносимой жары. Я вышел наружу и направился к плацу, желая проведать знакомое мне место и предаться воспоминаниям. Интендантство располагалось рядом с казармой. Повидав товарищей и пообедав, я помолился и вновь отправился в хосейние. Там стояла непривычная тишина. Мне это показалось странным. Я быстро вбежал внутрь. Все бойцы сидели стройными рядами и смотрели вперёд. Я поспешно разулся и сел в первый ряд.

– Браток, что здесь происходит? – спросил я у сидящего рядом солдата.

– Ничего! Приехали из штаба дивизии и распределяют бойцов.

Я облегчённо вздохнул и стал ждать. Постепенно солдат становилось всё меньше. Наконец осталось человек триста пятьдесят или четыреста, и тогда офицер, который зачитывал списки, объявил:

– Все те, чьи фамилии я не назвал, войдут в состав нового батальона Мисама. Пожалуйста, оставайтесь на ваших местах. К вам подойдёт уполномоченный и проводит на место службы.

Сказав это, он вышел из хосейние.

После его ухода солдаты начали переговариваться друг с другом. Удивившись услышанному, они уже не могли сидеть молча. Я спросил всё у того же сидевшего со мной рядом солдата:

– Извини, браток, а батальон Мисама в этой дивизии?

Но оказалось, что бедняга знал не больше моего.

Через пару минут в хосейние вошёл человек довольно приятной наружности. Выступая с особым достоинством, он подошёл к первому ряду и остановился. Человек был высокого роста, широкоплечий, одет в военную форму. Он обвёл солдат пристальным взглядом, и мне

показалось, что всё его лицо лучилось светом. Солдаты притихли и во все глаза смотрели на вошедшего. После непродолжительной паузы он поздоровался с нами, и мы ответили тем же. Затем, подняв вверх какую-то бумагу, он произнёс:

– Бойцы, вам, конечно же, уже сообщили, что вы будете служить в батальоне Мисама. Я один из офицеров этого батальона и, если будет на то Божья воля, отныне буду к вашим услугам. Приветствую вас на новом месте и желаю здравствовать, а пока попрошу соблюдать тишину, чтобы я смог зачитать ваши фамилии. Тот, кого я назову, должны встать, сказать «Здесь», потом отойти в ту сторону и сесть по порядку... Мохаммад Осати, Реза Шаабани, Мохаммад Хасан Мабхуд, Мохаммад Хосейн Мабхут...

Потом он назвал меня и ещё нескольких солдат. После небольшой паузы, снова поприветствовав нас, он продолжил:

– Позвольте представиться – Хосейн Тахери. Дай Бог, в батальоне Мисама я буду к вашим услугам. На данный момент место нашего проживания ещё не готово, поэтому мы временно разместимся с батальоном Солеймана¹. Теперь, братцы, берите свои вещи, по порядку выстраивайтесь в шеренгу и за мной шагом марш.

Это была наша первая встреча с хадж Хосейном. Он, как и многие другие, получил прозвище «хаджи», даже не побывав в Мекке. Его так прозвали лишь потому, что солдаты к нему крепко привязались. Хадж Хосейн был доброго нрава и вёл себя так, что все неизменно начинали испытывать к нему симпатию. Он так проникся доверием солдат, что насколько бы тяжёлую и изнурительную работу им не поручил, все безоговорочно её выполняли. В батальоне он занимал должность помощника командира.

¹ Солейман – мусульманское наименование ветхозаветного царя Соломона.

Спустя несколько дней после нашего приезда в гарнизон хадж Хосейн вместе с командиром батальона хадж Абульфазлом Каземи пришёл на утреннее построение. Дело в том, что из-за своего ранения хадж Каземи не мог приходиться каждое утро. К тому же, по его собственному признанию, до операции командовал батальоном он сам, а во время – хадж Хосейн. После чтения Корана и молитв хадж Абульфазл встал за трибуну и после короткого вступления объявил:

– Бойцы, у меня есть для вас хорошая новость. Вчера вечером на совете командиров мне сообщили, что наш батальон отправляется на оборону Мехрана.

Раздались обычные в таком случае слова прославления Всевышнего и его Пророка. Продолжая свою речь, хадж Абульфазл приказал личному составу быть готовым оправиться в Мехран через два дня. В течение этого времени мы сдали наши вещи дивизионному интендантству, подождали немного, а потом отправились в путь.

На этом задании я по-настоящему узнал хадж Хосейна. Он всю ночь, не сомкнув глаз, распределял целый батальон в отведённых местах дислоцирования и окопах. Трудиться ему приходилось больше всех. Помнится, однажды мы не получили воды и питания, и пришлось нам тогда очень туго. Хадж Хосейн порядком вымотался к тому времени, но всё же сам сел в «тойоту» и отправился за провизией. Не успело солнце зайти за горизонт, как он вернулся с несколькими котлами харчей и целой охапкой хлеба, а за ним следом ехала ещё одна машина, гружённая цистернами воды.

И вправду, никто так не лез из шкуры, как хадж Хосейн. Спал он совсем мало и до полуночи проверял солдатские окопы и засады. Потом, вздремнув часок-другой, он вставал в пять или шесть утра, отвозил в тыл бойцов, которым надо было помыться, а потом привозил их обратно. Все дни напролёт мы сидели в карауле, а ночью

устраивали засады. Наконец наступил месяц мохаррам с его обычными траурными церемониями. В день Ашуры, не выходя из окопов, мы в знак скорби били себя в грудь, а некоторые бойцы, несмотря на невыносимую жару, даже начали поститься, отказавшись от воды, чтобы тем самым почтить память имама Хосейна (да будет мир с ним!), страдавшего в своё время от жажды¹. Через несколько дней на наше место прибыл новый батальон, а наш вернулся в гарнизон Докухе.

Стараниями строителей казарма для нашей дивизии была готова, и после возвращения нас перевели на новое место. Как обычно, на несколько дней нас отпустили в увольнение, а потом снова начались учения. Их тоже проводил хадж Хосейн вместе с другими офицерами. Позже мы узнали, что в гарнизоне имама Хосейна (да будет мир с ним!) он отвечал за все тактические учения и, как рассказывали солдаты, занял там место героически погибшего Мисама, которого все знали как человека строгого, но справедливого.

Хадж Хосейн иногда заставлял нас так много бегать, что мы едва переводили дыхание, хотя после этого ещё предстояло ползти по-пластунски и переворачиваться на спине. Конечно, все эти упражнения он выполнял вместе с нами и даже быстрее. Если он заставлял нас разуться, чтобы бежать по камням и колючкам, то быстрее всех сам снимал ботинки, а если случайно кто-то допускал ошибку, то он вместе с провинившимся выполнял все штрафные задания. Благодаря такому своему поведению хадж Хосейн заслужил особое расположение у солдат. Он знал всех нас по именам и мог найти подход к каждому. К месту он мог и пошутить с бойцами. Одним словом, хадж Хосейн был добрым малым. Он всё время участвовал

¹ Враги Хосейна перекрыли воду, поступающую в то место, где расположился лагерь имама, и тем самым обрекли его спутников на невыносимые страдания.

в матчах по футболу, партиях в теннис и беге, но, когда нужно, становился очень серьёзным и сдержанным.

Больше всех хадж Хосейн почитал святую Фатиму Захру (да будет мир с ней!), считая себя её верным слугой. Всякий раз, когда он слышал её имя, у него на глазах выступали слёзы. Как только наш исполнитель религиозных песнопений Реза Пурахмад начинал петь элегию, посвящённую этой святой, хаджи преображался, его дух воспарял, а сам он начинал горько плакать. Он также любил и покойного имама Хомейни, поэтому во время траурных церемоний и общих молитв настойчиво просил солдат больше обращаться к «сверкающей звезде Джамарана»¹.

Одной из черт характера хадж Хосейна была скромность. Он был настолько простым, что иногда брал в руки веник и подметал комнаты. Если где-то оставалась грязная посуда, он тотчас же её мыл и сдавал на кухню. Для всех солдат хадж Хосейн был образцом для подражания и всеобщим любимцем. Даже во время общей молитвы он всегда стоял в последнем ряду, никогда не считая себя лучше остальных.

Приехав на учения в военный лагерь Керхе, мы поселились в палатках. С нами был и хадж Хосейн. Однажды ночью я проснулся от ужасного взрыва. Испугавшись, я выбежал из палатки посмотреть, что случилось. Выстрелы и взрывы не утихали ни на минуту. Не найдя своих ботинок, я босиком побежал в поисках укрытия. Тут я увидел хадж Хосейна, который распределял солдат. Я быстро подбежал к нему и крикнул:

- Хаджи, куда бежать?
- Быстро на плац! – ответил он.

Все бойцы были уже там. Вдруг всё стихло. Сгустились сумерки, и стало страшно. Вскоре пришёл хадж Хосейн и объявил:

¹ Джамаран – район на севере Тегерана, где проживал имам Хомейни.

– Отбой, ребята.

Никто не ответил ему, зная, что ночью нельзя разговаривать. Улыбаясь, хаджи продолжил:

– Извините, что потревожили вас, но надо было проверить вашу готовность. Теперь каждый, у кого нет оружия или чего-то другого, должен выйти и встать в ту сторону.

Вышли я и ещё несколько солдат. Хаджи отпустил остальных и занялся нами. Мы все стояли с опущенными головами. Лунный свет освещал землю. Хадж Хосейн посмотрел на нас и сказал:

– Братцы, я же вам говорил, что всегда надо быть в боевой готовности. Здесь спокойный район, но дальше всё совсем иначе. Что же мне теперь делать с вами, раз вы такие рассеянные?

Мы стояли молча. Хадж Хосейн наклонился и снял ботинки. Все его поняли и тоже разулись. Я так вообще был без ботинок. Хаджи выстроил нас в шеренгу, дал команду «марш» и тоже пошёл вместе с нами. Колючки и мелкие камешки кололи ноги, так что идти нам было тяжело, но казалось, что у хаджи ноги были из стали. Не подавая виду, он шёл с нами нога в ногу. Пройдя довольно большое расстояние, мы вернулись в батальон и совершенно разбитые, хромая, разошлись спать по своим палаткам. Я не обижался на хадж Хосейна, а только ещё больше злился на свою рассеянность.

На следующий день на построении мы заметили, что хадж Хосейн постоянно чихает. У Дехкана, сержанта нашего взвода, я спросил, что случилось. Он засмеялся и ответил: «Вчера ночью взрывной волной сорвало офицерскую палатку, и они до утра спали под одними одеялами». Я засмеялся, но в то же время почувствовал неловкость. Меня насмешило, что офицерам так не повезло прошлой ночью, но стало неловко из-за осознания того, что нашим командирам пришлось ещё хуже, чем нам.

Дни шли за днями, и мы всё больше крепили телом и духом. Уже все солдаты нашего батальона знали друг друга, и со временем мы становились всё дружнее и сплочённое. Хаджи Баиган каждый день проводил ритуал побратимства¹ между несколькими солдатами. Преисполненные верности своему долгу, многие солдаты продлевали службу и оставались в батальоне сверх положенного срока.

В конце осени среди солдат пошли слухи о скором начале наступления. Наконец на одном из построений хадж Хосейн точно сообщил нам об операции и приказал всем готовиться к отправке на вторую линию обороны. Конечно, корпус Пророка Мохаммада (да благословит его Аллах и приветствует!) тоже был готов к отправке, и наш батальон, имевший нехватку личного состава, был доукомплектован.

Ещё засветло мы сложили палатки и сразу же отправились на автобусе в пункт назначения. Добрались мы туда уже к утру, и нас высадили в районе Бахманшира². Шёл дождь, поэтому идти было очень тяжело. Я видел, как хадж Хосейн опять повсюду хлопотал и в форме, забрызганной грязью, с чумазым лицом помогал солдатам нести палатки и другой скарб. Пот катился ручьём по его лбу, но на усталость он не жаловался.

На следующую ночь принесли скопированный через кальку план проведения операции и раздали все необходимые инструкции. В тот вечер мы получили сухие пайки и необходимое военное снаряжение и стали томительно дожидаться утра. Наступательная операция «Кербела-4» с позывным «Посланник Аллаха» началась ещё прошлой ночью.

¹ Ритуал побратимства в исламе подразумевает заключение братских уз между близкими друзьями, которые становятся «братьями в Боге».

² Бахманшир – река в иранской провинции Хузестан, рядом с иракской границей.

На следующее утро хадж Хосейн пришёл к солдатам нахмуренным и явно волнуясь. Мы все удивились и захотели узнать причину его беспокойства. Немного помолчав, он ответил: «По какой-то причине операция прекращена, и мы должны возвращаться в тыл!» По дороге к Керхе¹ всем было не по себе, и на всех лицах читалось отчаянье.

Через несколько дней на общем утреннем построении командир дивизии хадж Коусари извинился перед солдатами и обещал, что мы непременно будем участвовать в следующей операции.

Прошло несколько дней, и в пятницу по радио мы услышали марш победной операции «Кербела-5», так что радости солдат не было конца и края. Из палаток громко доносилась хвала Аллаху, и все бурно обсуждали радостную весть. В тот же день хадж Хосейн построил солдат на плацу и приказал быстро собираться. Солдаты плакали от волнения и не помнили себя от радости. Мы быстро сложили вещи и выехали на автобусах в сторону Каруна². С вечера и до самого утра мы ставили палатки у самого берега реки и проверяли оружие. После непродолжительного сна уже ближе к закату мы собрались на небольшой площадке. До операции оставался один час. Лица солдат светились от радости. Кое-кто даже плакал. Одни, обняв друг друга, просили не поминать их лихом, другие громко молились, утирая слёзы. Волнение было уже другого толка. С приходом хадж Хосейна хвала Аллаху стала ещё громче. Обратившись к солдатам, он произнёс: «Во имя Аллаха всемилостивого и милосердного! Здравия желаю. Вы славно потрудились, братцы. Вот и подошло время идти в бой, и мы должны сокрушить ненавистных врагов. Однако сначала хочу вам напомнить кое-что. Братцы,

¹ Керхе – река в той же провинции.

² Карун – самая большая и наиболее полноводная река в Иране, протекающая на юго-западе страны.

мы должны понимать, ради чего здесь оказались и какова цель нашей священной войны. Мы должны знать, кто наши враги. Наши враги – это те, кто тысячу четыреста лет назад убили внука Пророка, имама Хосейна (да будет мир с ним!) и его близких... Мы пойдём и отомстим врагу за гибель потомков Пророка...»

Из глаз хадж Хосейна текли слёзы. Солдаты тяжело вздыхали и тоже плакали. Из-за нахлынувших чувств хаджи не смог продолжать речь. Один из солдат по имени Реза Пурахмад прочёл нам повествование о мученической кончине имама Хосейна, после чего мы все помолились святой Фатиме Захре, попросив у неё помощи в предстоящем бою. Кстати, позывным для начала операции тоже было «Захра».

Теперь мы были готовы идти в бой. Нас посадили в машины, и мы начали атаку, устремляясь на врага с именем Захры на устах. Всё решали секунды. Выкрики «хвала Аллаху!» смешивались со свистом пуль и рёвом снарядов. Пропахшая порохом земля сулила бойцам надежду попасть в Царство Небесное. Уже не в состоянии контролировать себя, мы тихо бормотали под нос слова хадж Хосейна: «Идём отомстить за гибель потомков Пророка...»

Выйдя на передовую, мы расположились за насыпями. Нервы были на пределе. Всё это время хаджи ещё не появился ни разу. Я думал, что, наверное, он где-то в другом месте помогает нашим. Прошло несколько дней с начала операции, но хадж Хосейн так и не объявился. Наконец на четвёртый день я получил ранение, и меня отправили в тыл...

...Я очнулся. Уже светало. Помолившись, я с помощью Джалала отправился в палату к Махди. Тот тоже только что закончил молиться и читал Зиярат Ашура¹. Увидев

¹ Зиярат Ашура – специальная молитва, содержащая в себе заверения в верности роду Пророка Мохаммада, имаму Хосейну и отречение от всех, повинных в его гибели.

меня, он подошёл, поцеловал в лоб и поинтересовался моим самочувствием.

– Махди, умоляю тебя, не могу больше ждать, – сказал я. – Расскажи, как погиб хадж Хосейн?

Махди понял, что я не отстану от него, и начал свой рассказ:

– На следующий день после нашего прибытия на фронт хаджи и ещё несколько офицеров на передовой приняли на себя командование боем. Знаешь Сагари?

– Да, – ответил я. – Это тот самый, что служил в роте Баки¹.

– Верно! За три дня до операции он сказал хадж Хосейну, что погибнет с ним в один день и в одном месте. Так и случилось. Сагари погиб от осколка снаряда, а через несколько минут такая же участь постигла и хадж Хосейна. Хадж Абольфазл сразу же отправил его тело в тыл, а чтобы не подрывать морального духа солдат, велел никому ничего не рассказывать. Я там был и видел тело хаджи. Он будто заснул. Как, должно быть, ему сейчас хорошо!

После выписки из госпиталя я навёл справки и разыскал могилу хадж Хосейна. Он покоится в могиле номер двадцать семь участка Гользаре Шохата на кладбище Бехеште Захра². Однажды я решил узнать, как он там живёт. Да, именно живёт, потому как для меня он ещё жив. Ещё и всё ещё. И недолго, вспомнив былое, я поплакал о нём.

Весна 1990 г.

¹ Баки – древнейшее мусульманское кладбище в городе Медина, где похоронено множество сподвижников Пророка Мохаммада, включая четырех праведных имамов.

² Гользаре Шохата («Цветник героев») – участок на крупнейшем тегеранском кладбище, где похоронены герои Ирано-иракской войны.

Фейерверк

Али Акбар Хаваринежад

Сумерки постепенно рассеивались. Я вышел из казармы. От зимнего холода по телу бежали мурашки, прогоняя вялость и сонливость. В то же время все мы ещё чувствовали усталость, так что ни у кого не было ни малейшего желания осматривать новое место службы. Вчера вечером после шестнадцати часов пути, проведённых в полусонном состоянии, уставившись на дорогу, нас на стареньком автобусе привезли в штаб воздушно-десантного батальона жандармерии Ванак. Учения закончились, и мы прибыли продолжать службу. Первым, что бросалось в глаза, было здание батальонного штаба, празднично украшенное по случаю Дня революции¹.

На рассвете постепенно начал прибывать кадровый состав, и мы, ещё толком не знакомые с военной действительностью и особенно со службой в рядах спецназа, были весьма удивлены и даже восхищены, увидев столько бритых и мускулистых бойцов внушительного вида, одетых в специальную военную форму. Только нас выстроили в шеренгу, как раздалась команда: «Стоять! Смирно! На караул!» Вслед за дежурным сержантом все посмотрели на дверь офицерского корпуса. Напротив неё остановился военный джип, из которого вышел капитан и направился в нашу сторону. Ростом он был около двух метров,

¹ По григорианскому календарю, день победы Исламской революции в Иране приходится на 11 февраля, однако официальные торжества принято начинать уже за одиннадцать дней.

с весёлым, но солидным выражением лица, темно-кари-ми глазами, чёрными бровями и аккуратно подстрижен-ной густой бородой. На нём были солнцезащитные очки, зелёная камуфляжная форма и шарф из плащовой ткани или маскировочной сетки. Невольно солдаты устремили на него пристальные взгляды.

Этот человек настолько заинтересовал нас, что, про-ведя в гарнизоне несколько дней и привыкнув к новой обстановке, мы думали лишь о том, чтобы лучше его узнать. Нашего командира звали капитан Махмудиян. По слухам, он был родом из Мазандарана¹ и считался опы-тным спецназовцем из военно-морских сил, однако каким-то ветром его занесло в жандармский десант. Что касается его опыта и знания военного дела, то достаточно сказать, что ему доверяло всё высшее офицерство, не раз испытав-шее его мужество и сноровку в различных боевых опера-циях. Солдаты гордились, что у них такой командир, и по-корно, со всей душой выполняли его приказы, не испыты-вая ни малейшего трепета перед высшим по званию. Всё это объяснялось лишь его искренностью и товарищеским подходом к подчинённым.

Уже прошло несколько месяцев с нашего приезда в гарнизон, но каждый день мы узнавали что-то новое. Однажды среди солдат прошёл слух о новой командиров-ке в Курдистан. Одни в это не поверили, но другие, обра-тив внимание на необычное оживление, царившее вокруг, были уверены, что всё достаточно серьёзно и слух совер-шенно оправдан. Довольно скоро нам действительно офи-циально объявили об отправке в Курдистан, и в управ-лении роты уже готовы были записывать добровольцев. Несколько дней я провёл в раздумьях и наконец твёрдо решил записаться. К счастью, меня приняли, я получил на

¹ Мазандаран – иранская провинция на самом севере страны, на по-бережье Каспийского моря.

пару дней увольнительную, чтобы попрощаться с семьёй, а потом снова вернулся в батальон.

В один из последующих дней (помнится, это был понедельник) после полудня нам выдали оружие, боеприпасы, спальные мешки, сухие пайки и другие необходимые вещи, и, тепло простившись с товарищами, провожавшими нас тревожными взглядами, мы отправились в путь. На следующий день ещё до восхода солнца мы прибыли в Санандадж¹. Прослушав там речь полковника Бахрамияна о стратегическом положении данной территории и её важности для безопасности региона, мы направились в непосредственное место нашего задания – город Ноусуд. Новость о прибытии десантников и особенно капитана Махмудияна сильно напугала противника. Говорили, что до этого капитан уже несколько раз бывал в этом районе и каждый раз наносил врагу сокрушительный удар.

Почти весь остаток дня мы занимались тем, что разбирали и перетаскивали вещи. Всё это время я видел, что капитан Махмудиян трудился наравне с нами, помогая солдатам и проявляя во всём чрезвычайное усердие. Бойцов распределили по расчётам, назначили каждому свой окоп, и я оказался вместе с Фарзадом, Юнусом, Джавадом и сержантом Базми. С холма, на котором мы укрепились, контролировались все стратегически важные пункты: дороги и деревни Ноусуда, места передвижений и обеспечения продовольствием – короче, все действия контры². Наша задача состояла в наблюдении за дорогами и пресечении контактов контры с жителями окрестных деревень.

¹ Санандадж – город на западе Ирана, административный центр провинции Курдистан.

² Имеется в виду ОМИН («Организация моджахедов иранского народа») – группировка, которая выступила против революционной деятельности имама Хомейни, развязала в стране террор, а в годы Ирано-иракской войны перешла на сторону иракской армии. В настоящее время признаётся в Иране террористической.

Не думаю, что нужно описывать все подробности, поэтому я коротко расскажу лишь о событиях, предшествовавших той памятной ночи. После нашего появления в Ноусуде, а точнее говоря, по его причине передвижения вражеских сил сократились больше чем наполовину, так что их связи с шестнадцатью окрестными сёлами стали весьма спорадическими. Контра бесилась от злости, бойко реагируя на наше присутствие. Не проходило ни одной ночи, чтобы мы не вступили в бой с какой-нибудь группировкой, и всякий раз сражение с перерывами продолжалось с девяти вечера до утреннего призыва на молитву. В ходе этих перестрелок капитан Махмудиян, рискуя жизнью, непрерывно выполнял свои обязанности, и если какой-то ночью я часа два или три стоял в карауле, то своими глазами видел, что он не смыкал глаз до рассвета. Без преувеличения могу сказать, что за сутки он спал от силы три или четыре часа и то лишь после восхода солнца. Ситуация сложилась таким образом, что если вдруг ночью к нам не навевывалось незваных гостей, то мы расстраивались, не вынося ночной тишины, и проводили всю ночь до утра в напряжённом ожидании.

Та ночь, о которой я хотел рассказать, произошла приблизительно в начале апреля 1982 года. Накануне мы поужинали и каждый занялся своими делами. Джавад, как обычно, шутил и смеялся, Фарзад сделал последнюю затяжку и загушил сигарету в сделанной из гильзы пепельнице. Я листал свой дневник, каждый лист которого напоминал мне о том или ином событии в прошлом. Для фона мы включили радио, по которому непрерывно шли какие-то передачи. Был десятый час. Джавад повернулся ко мне и сказал с иронией: «Эй, Акбар, не спи! Другие за тебя вкалывают. Забыл, что тебе надо вставать в караул вместо Юнуса?»

Я вскочил с места, в считанные секунды оделся, взял куртку и отправился в караул. Юнус внимательно наблюдал за окрестностями, помня о том, что капитан Махму-

диян говорил о возможности начала серьёзной атаки, и на всякий случай держал наготове противопехотную мину. Поздоровавшись и извинившись за опоздание на несколько минут, я взял оружие и обойму и сел на мешок, набитый землей и служивший нам вместо стула. Холм, на котором мы укрепились, был похож на головку сахара. От нападения извне его охраняли семь караульных окопов. Я стал внимательно и немного настороженно оглядывать округу, как вдруг возле одного из соседних окопов сверкнула и осветила всё кругом ослепительная вспышка, заблестевшая чудным фиолетово-красным цветом. Впервые я увидел выстрел из РПГ так близко. Звук выстрела был настолько мощным, что я чуть не оглох. Капитан Махмудиян выбежал из своего укрепления и осторожно подошел ко мне. На месте взрыва всё ещё горел валежник, и огонь освещал часть холма.

Сразу же объявили тревогу, капитан созвал солдат и объявил: «Бойцы, началось как раз то, о чём я вам говорил. Будьте уверены, мы разделаемся с непрошеными гостями. Я не верю, что мои храбрые солдаты дадут слабину. Зря они нас запугивают. Честное слово, ничего-то они из себя не представляют».

После этих слов капитан быстро разделил солдат по расчётам, и в скором времени начался «фейерверк». Пули снайперской винтовки, как надоедливые пчёлы, беспрерывно жужжали, со свистом проносясь у нас над головой. По подсчётам командира, численность противника была около двухсот человек, в то время как наших на холме близ Ноусуда было не больше пятидесяти. Это было очень странно, потому как противник обычно нападал малыми группами человек по десять, а теперь такая большая численность говорила о том, что им крайне необходимо отвоевать этот холм, имевший столь важное стратегическое значение.

Бой шёл уже около часа, и стреляли со всех сторон. Несколько наших получили ранения, но убитых, к счастью,

не было ни одного. Капитан Махмудиян, словно ветер, носился из стороны в сторону и отдавал приказы. С каждой минутой стрельба по нам усиливалась. Мы уже отчаялись отбить атаку. В этот момент погиб один из наших, да и число раненых продолжало расти. Командир всё так же продолжал нас подбадривать, ни на минуту не переставая улыбаться. Это казалось очень странным, но он подзадоривал бойцов и с невероятным оживлением заставлял в точности выполнять все свои указания, приговаривая при этом: «Братцы, поверьте, если будете выполнять мои приказы, то уже завтра мы прогоним отсюда эту сволочь».

Бой шёл уже два часа. Боеприпасы заканчивались, и командир отдал приказ стрелять предельно точно и беречь патроны. Сам он стрелял по одной пуле из «калашникова», которым был награждён в жандармерии за отвагу. Так прошло какое-то время, но потом капитан вызвал к себе радиста и, связавшись по радиации с гарнизоном, попросил прислать подкрепление. Оттуда ответили, что сейчас ночь и на дорогах небезопасно, потому как контрастроила засады на всех главных дорогах и пока не удаётся что-то сделать с этим. Зная, что предатели прослушивают его переговоры по радиации, командир предпринял нечто неожиданное. Он объявил, что из наших осталось только восемь раненых солдат и он сам тоже ранен и что если враг пойдёт в атаку, нас окончательно выбьют с холма. Из гарнизона ответили, чтобы мы ждали до утра, и помощь обязательно придёт. Капитан гневно закричал, что заканчивается «еда» (боеприпасы) и до утра мы не дотянем, а потом со злостью отключил радиацию. Между тем разговор прослушивался во вражеском шифровальном отделе, и там начали думать, что всё действительно обстоит именно так.

Сразу после этого командир забрал у пулемётчика оружие, сам выбрал себе позицию и велел старшине остаться с ним для подмоги. Тот быстро лёг рядом, и капитан

приказал никому не открывать огонь, пока он сам не выстрелит первым, пригрозив, что если кто-то нарушит приказ, то будет наказан за это самым жестоким образом.

Заметив, что мы никак не реагируем на его выстрелы, противник на время прекратил стрельбу, и наступила тишина, настолько глубокая, что был отчётливо слышен даже малейший звук. Мы тревожно осматривали территорию, прислушивались к каждому шороху и держа палец на курке.

Было примерно за полночь. Капитан Махмудиян знаком дал понять, что ждать осталось недолго. Прошло около четверти часа, как вдруг до слуха донёсся какой-то слабый шорох. Наёмники начали наступать, и вскоре издали показались их зловещие тени. Капитан ненамного ошибся в своих подсчётах, потому как их число действительно не превышало полутора сотен. Он приказал старшине объяснить солдатам, чтобы те не теряли самообладания, доверяли ему, ничего не боялись и, если хотят выжить, ни в коем случае не стреляли без приказа. Тем временем противник тихо продвигался вперёд, намереваясь добраться до переправы, с которой на другой стороне контролировалась узкая дорога.

Накануне капитан Махмудиян успел изучить каждый метр нашего плацдарма и знал обо всех проходах, которыми мог воспользоваться противник, слабых местах и ключевых путях. Именно поэтому он направил пулемёт точно на этот самый проход. Про себя мы восхищались его умом, смекалкой и знанием военного дела, с каждой секундой всё больше доверяя его приказам.

Враги уже вплотную подошли к переправе, оказавшись от нас на расстоянии пятидесяти или шестидесяти метров. Сердце бешено колотилось в груди в ожидании приказа начать огонь, и никто не понимал, почему же командир медлит. Пока мы тревожно считали секунды, капитан, хладнокровно и уверенно сжимая в руках пулемёт,

внимательно следил за проходом. Противника уже можно было разглядеть невооружённым глазом. Мы видели, как он полз в нашу сторону, делал передышку где-нибудь в укромном месте, а потом вновь продвигался вперёд. Полностью уверенный в том, что у нас закончились боеприпасы, он продолжал действовать с осторожностью. В одно мгновение большая часть сил противника оказалась в самом центре перехода. До нас оставалось метров двадцать.

Мы продолжали гадать, чем же всё это кончится, как вдруг в гробовой тишине капитан Махмудиян выпустил из своего пулемёта длинную очередь. Последовав его примеру, мы тоже начали стрелять. Пулемёт работал непрерывно, одного за другим скашивая солдат противника, словно серп, срезавший сорную траву. Старшина то и дело охлаждал ствол пулемёта, раскалившийся от стрельбы. Командир отдал приказ всем стрелять по той же цели, что и он. Менее чем через десять минут противник обратился в бегство, потеряв многих убитыми, хотя точное их количество мы установить не могли. Окончив тяжёлый бой, мы ещё около часа следили за округой. Наконец командир объявил отбой, и мы поняли, что всё закончилось.

По словам капитана Махмудияна, противник потерял убитыми человек шестьдесят или семьдесят. Скорей всего, под покровом ночи наёмники отвезли в тыл поганые тела своих приспешников.

Командировка подходила к концу, и уже ходил слух, что через две или три недели приедут «запасные». Под этим словом обычно подразумевали солдат, которых отправляли на смену прежнему составу. В шутку мы их называли «запасными».

После этого памятного боя, в ходе которого мы потеряли убитыми троих человек и ранеными одиннадцать, и вплоть до конца нашей командировки противник уже не смел нападать на наш плацдарм и не выпустил в нашу

сторону ни одной пули. В последний день мы слышали по радиации голос главаря контры, который сказал капитану Махмудияну: «Я никогда не забуду той ночной атаки и отомщу за неё!» Было понятно, что если он отважился на такую угрозу, значит, поражение действительно оказалось тяжёлым. В конце концов, командировка закончилась, и после того, как капитан передал плацдарм новому командиру, снабдив его самыми строгими рекомендациями, мы вернулись в Тегеран. С тех пор события той ночи постоянно оживали в нашей памяти, и мы время от времени говорили о ней...

...После окончания службы я узнал, что капитан Махмудиян погиб смертью храбрых в одной из битв с мерзкой контрой, по праву удостоившись от Всевышнего чести стать мучеником за веру.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я вспоминаю все достойные качества и мужество этого храброго командира и глубоко скорблю о его кончине. Пусть печаль о нём переполняет моё сердце, а все мы будем равняться на таких великих людей.

21 февраля 1990 г.

Подобно алой розе

Хасан Гольчин

*Посвящается храброму командиру Али Гаффари,
героическая смерть которого стала примером мужества
для тысяч солдат*

Стоял полдень. Жуткие взрывы артиллерийских снарядов и гранат будоражили округу, напоминая собой бушующее море, хотя золотое осеннее солнце всё так же ласково освещало грохочущую пустыню. Беспощадная стрельба из танков и пулемётов противника не прекращалась ни на минуту. С каждым взрывом пыль и дым поднимались в небо, извиваясь, как разъярённая раненая змея. Любая секунда была вопросом жизни и смерти, и только время могло испытать любовь и тягу к свободе...

Вчера прошла третья стадия наступательной операции «Мохаррам»¹, в ходе которой наши части заняли пост Забидат и прилегающие к нему территории. Погрузчики и бульдозеры ещё до рассвета начали рыть окопы, чтобы в случае возможной атаки противника обеспечить укрытие нашим солдатам. Траншея была вырыта параллельно асфальтированному шоссе до самого поста Забидат, однако от того места, где шоссе поворачивало и проходило слева от поста

¹ «Мохаррам» – название наступательной операции иранских войск, продолжавшейся одну неделю с 1 ноября 1982 г. с целью отрезать выход Ирака к Персидскому заливу. В результате иранской армией была захвачена территория противника общей площадью триста квадратных километров, на которой находилось значительное количество нефтяных месторождений.

в сторону Ирака, и до правой стороны, оканчивающейся возвышающимися над местностью холмами, по некоторым причинам (в частности, из-за риска быть замеченными противником) вырыть окопы ещё не успели. Все свои силы враг бросил на взятие этого стратегически важного района, чтобы, овладев им, окружить наши войска и изменить ход операции в свою пользу.

Командование решило выслать вперёд часть наших войск, чтобы пресечь контрнаступление. Одним из подразделений, назначенных для выполнения этого задания, стала рота батальона Сахиба Аз-Замана¹ двадцать пятой бригады «Кербела», которой командовал Али Гаффари. В этой роте служил и я. Нашей задачей было – расположиться рядом с асфальтированным шоссе примерно в пятистах метрах вперёд от поста Забидат, то есть на самой передовой. Али Гаффари оперативно собрал личный состав, оставшийся после первой стадии операции и насчитывавший порядка двадцати или тридцати человек, распределил их, и около девяти часов утра мы отправились в условленное место.

В самом начале пути появился один из командиров правого фланга и объявил: «Нам нужны стрелки из РПГ. Кто хочет пострелять по танкам, пусть идёт за мной». С разрешения нашего командира, сразу же вызвались я и ещё несколько гранатомётчиков из нашей роты. По дороге я то и дело смотрел назад, но, проехав приличное расстояние, мы обнаружили, что двое моих помощников исчезли. Я очень расстроился, но уже ничего нельзя было поделать.

Холмы, впадины, канавы и русла сезонных рек обеспечивали нам удобное расположение, предоставляя надёжное укрытие от осколков снарядов и пуль противника. Командир, с которым мы ехали, остановил нас посередине

¹ Сахиб Аз-Заман («Господин времени») – эпитет имама Махди, последнего преемника Пророка Мохаммада, который должен появиться перед концом света.

русла какой-то небольшой пересохшей речки, найдившейся от вражеских позиций на расстоянии ста или двухсот метров, и сказал: «Бойцы, проверьте своё снаряжение и не забудьте своих помощников, а если что-то не так, то оставайтесь здесь». После этих слов мне пришлось остаться вместе с несколькими другими бойцами. За те пару часов, что я провёл на том месте, погибло много моих товарищей. Каждые несколько минут один из солдат подзывал другого и говорил, что ещё кого-то убило. У меня больше не было сил оставаться там. К тому же здесь не было Али и других моих товарищей. Одним словом, я бросился бежать на свою прежнюю позицию и, несмотря на сильный огонь противника, всё же сумел добраться до своих, прячась время от времени в канавах и за холмами.

Когда я добрался до роты, Али, улыбаясь, вышел мне навстречу и тепло поприветствовал. Увидев его улыбку и хорошее расположение духа, я разом забыл об усталости. По обыкновению он добродушно инспектировал солдат. Никаких следов усталости и скуки не было на его лице, и, ежеминутно рискуя своей жизнью, он отдавал приказы продолжать сопротивление. Кроме немногих оставшихся в строю, почти все бойцы нашей роты или погибли, или были ранены, поэтому преграждать путь врагу командир продолжал вместе с небольшим числом басиджей¹. Битва была не на жизнь, а на смерть, но Али сражался решительно, оставаясь преданным своей вере. Как гора, стоял Али на земле, обгарявшей каждую минуту кровью героев, сражённых шквальным вражеским огнём, и вёл к победе своих солдат, которых переполняло невиданное мужество, озарённое чудесной улыбкой их командира.

Меня охватил какой-то странный страх, и всё тело мелко тряслось. Дьявол внутри беспощадно искушал меня, так что

¹ Басидж – член одноименной революционной организации народного ополчения в Иране, созданной в 1979 г. по приказу духовного лидера страны аятоллы Хомейни.

под нос я то и дело повторял: «В поминании Аллаха сердца находят утешение»¹. Я испытывал непонятное чувство, но когда смотрел в светлое уверенное лицо Али, мне становилось стыдно за себя, и в душе сразу же воцарялся покой. Если бы какой-то посторонний человек увидел в тот момент Али, то подумал бы, что он из прибывшего подкрепления и только недавно оказался на передовой. Невозможно было поверить, что Али воевал ещё с первого этапа операции и всё время был в делах, не имея ни минуты на отдых. Командир батальона, зная Али и его стиль командования, доверил ему руководить самыми важными фронтами операции, так что даже на первом этапе рота Али, отвоевав собственные позиции, ещё и оказывала помощь другим.

Мне много приходилось видеть, как те или иные люди по-своему ведут себя в разных ситуациях. В подобные моменты даже самые сильные испытывают волнение, сопряжённое со злобой и раздражительностью. Однако казалось, что Али был каким-то особенным. Время, проведённое в тылу, для него ничем не отличалось от самых запоминающихся моментов сражения, которые любому другому человеку показались бы самыми волнующими в его жизни. Я уверен: если бы в эти моменты измерить его пульс, он оказался бы в норме.

Наши позиции располагались таким образом, что противник мог видеть нас, а захваченные иракцами высоты, с которых контролировался правый фланг, позволяли им полностью держать наших в поле зрения и давать точные координаты для удара миномётными снарядами. Противник беспрерывно вёл огонь, а снайперы, воспользовавшись моментом, целились по нашим из винтовок. В нашу сторону с воем летели снаряды из РПГ, проносились у нас над головой и ударялись в наполовину разрушенные стены поста Забидат.

¹ Коран, сура «Гром», аят 28.

Противник лез из шкуры вон, чтобы разделаться с нами до наступления темноты. Наша рота была на последнем издыхании, к тому же все изнывали от отсутствия воды и пищи. Узнав о нашем бедственном положении, командир батальона Моздестан, также потом героически сложивший голову, передал по рации:

– Если устали, возвращайтесь.

Однако Али твёрдо ответил:

– Будь спокоен... Усталость ни при чём. Я до последней капли крови, до последнего вздоха останусь здесь и не отступлю.

Услышав такие слова, командир батальона тоже окреп духом и от всей души поблагодарил Али. Этот мужественный ответ, который до сих пор отдаётся эхом среди скалистых гор, всё время продолжает звучать в моих ушах.

Я сидел в достаточно глубоком овраге вместе со связным, санитаром и несколькими солдатами. Али тоже пришёл и сел чуть поодаль на каменном выступе.

– Фиников нет? – спросил он у меня.

– Есть, в рюкзаке, – ответил я.

Пока Али доставал небольшую коробку фиников, мне тоже захотелось есть.

– Дай мне коробку аджиля¹. Очень проголодался, – попросил я и принялся за еду.

Открыв коробку фиников, Али шутливо сказал:

– Ну ты и жадина. Они же испортились!

– Слушай, эти финики ещё с начала операции, – ответил я.

Продолжая весело улыбаться, Али принялся за угощение.

Вдруг один солдат, расположившийся в паре метров впереди нас за невысокой окопной насыпью, сказал:

¹ Аджиль – традиционное иранское кушанье в виде смеси орехов, семечек и сухофруктов.

– Али, иракцы отступают.

Продолжая всё так же сидеть на камне и спокойно поедать финики, Али ответил:

– Ясное дело! Вечером они уже не бросаются в бой и уже сейчас начинают разбегаться.

Казалось, не произошло ничего особенного и он заранее знал, чем всё закончится. В такие важные моменты Али чётко, уверенно и спокойно отдавал приказы, демонстрировал силу духа и веры и тем самым ободрял своих бойцов. Хорошо известно, что для победы и успеха любой операции важен настрой командира, потому как если он не сможет контролировать свои эмоции и покинет поле боя, бросив солдат, как ягнят на съедение волкам, то все они погибнут под натиском врага.

Бойцы изнемогали от жажды, поэтому Али связался по рации с командиром батальона и попросил прислать нам немного воды, потом вернулся и снова уселся на каменный выступ. Испытание бойцов его роты и его самого подходило к концу, и противник отчаянно, смущённо и униженно убирался восвояси. Солнце клонилось к горизонту, чтобы засвидетельствовать перед будущими поколениями и перед самим Господом мужество и стойкость преданных ему людей.

Все мы были в предвкушении того, что по окончании этого тяжёлого, изнурительного дня нас ждёт отдых и веселье с осознанием достойно выдержанного испытания. Хотя пехота противника уже скрылась, миномётный огонь становился всё сильнее. В этот момент связной и ещё несколько бойцов принесли двадцатилитровую канистру воды. Мучаясь от нестерпимой жажды, несколько солдат окружили канистру. Погружённый в свои мысли, Али продолжал спокойно и торжественно улыбаться, не обращая никакого внимания на то, что творилось вокруг него. Я встал с места и стал браниться на солдат за то, что те бросились к канистре, ведь противник продолжал

вести сильный огонь, и каждую минуту могла случиться беда. Согласившись со мной, Али сказал:

– Ребята, он прав. Не толпитесь у воды. Всем хватит.

Я хотел было сесть, но вдруг услышал свист снаряда, а в полуметре от нас пуля попала в землю. На мгновение мне показалось, что каска впилась мне в голову, и я уже не понимал, что происходит вокруг.

Сняв каску, я увидел на ней кровь. В этот же момент меня неожиданно заставил опомниться стон Али, а когда я обернулся, его глаза уже закрылись навсегда и больше ничего не видели. Он ушёл вместе с солнцем, чтобы в Судный день взойти ещё ярче. С полной уверенностью Али ответил на возглас «О обретшая покой душа, вернись...»¹, а я с самого начала знал, что Господь вознаградит Али за этот полночный стон, и его награда будет самой достойной.

В городе Азадшахр в провинции Мазандаран между деревнями Туране-Торк и Туране-Фарс на тихом кладбище виднеются несколько солдатских могил. На надгробии одной из них высечено несколько простых фраз: «Героически погибший басидж Али Гаффари. Место гибели – город Мусиян²». В самом конце красуется следующая надпись: «Ты появился на свет подобно алой розе, жил подобно алой розе, а погиб, обливаясь алой кровью. Мы продолжим твой алый путь...»

В этой могиле лежит храбрый командир, который снискал себе славу в самом центре сражения, а священная фронтовая земля до сих пор хранит на себе следы его ног и, тоскуя об ушедшем герое, день и ночь льёт по нему свои кровавые слёзы.

¹ Коран, сура «Заря», аят 27.

² Мусиян – город в западной иранской провинции Илам на границе с Ираком.

Брак, заключённый на небесах

Хади Джамшидиан

Весной 1990 года по заданию министерства культуры я приехал в Курдистан, но обстановка там была неспокойная. Сначала я отправился в Санандадж, но в скором времени меня командировали в Банэ¹. Там я отметился в штабе КСИР², находившемся в губернском управлении, и сразу же приступил к работе. Через пару дней я понял, что главная задача состоит в обеспечении безопасности города, и пока она не будет решена, развивать культуру не получится. Решив доложить об этом, я отправился к командующему КСИР в Банэ Махмуду Хадеми и попросил его, если это возможно, включить меня в свой штат.

Хадеми приветливо поговорил со мной, задал несколько вопросов, а потом неожиданно спросил:

– Вы храбрый человек? Нам здесь нужны храбрые люди с верой в сердце.

Я не знал, что на это ответить, но потом сказал спокойным тоном:

– Я буду стараться и, если Богу будет угодно, готов пожертвовать своей жизнью ради ислама.

– Не надо! – как-то строго ответил Хадеми. – Я отбираю людей по другому принципу. Становись в угол ком-

¹ Банэ – город в провинции Курдистан на западе Ирана.

² КСИР (Корпус стражей Исламской революции) – военно-политическое формирование в Исламской Республике Иран, созданное в 1979 г. из числа сторонников лидера Исламской революции имама Хомейни.

наты. Я буду стрелять в твою сторону и, если не струсил, возьму тебя.

Я очень удивился, потому что вовсе не ожидал такого испытания. Тем не менее, горячо желая служить в КСИР и надеясь на то, что командир просто блефует, я всё же встал в угол. Что произошло в следующую секунду, я понял не сразу, только в ушах загудело от выстрела. Обернувшись, я заметил, что в тридцати сантиметрах от меня в стене зияла дыра от пули. Через несколько минут Хадеми сказал:

– Ты принят. Придёшь завтра, получишь форму и будешь служить на общественных началах.

Сначала мне было непонятно, почему он так поступил. Что было бы, если бы он попал в меня? Конечно, я сам виноват, что согласился... Однако потом, пообщавшись с некоторыми бойцами КСИР, я узнал, что их приняли точно таким же способом, так что не стоит обижаться, потому что Махмуд настолько уверен в себе и так хорошо владеет оружием, что никогда не промахивается. Это была истинная правда. Однажды я сам стал свидетелем того, как Махмуд на расстоянии десяти метров с первого выстрела попал в двухмиллиметровую соломинку для воды.

Как бы там ни было, на следующий день я приступил к работе в отделе картотеки контрреволюционеров, и Хадеми поручил мне заниматься опознанием этих людей. Другие бойцы рассказывали, что когда город во второй раз был занят нашими войсками, по инициативе Хадеми всему личному составу было приказано во время обыска домов забирать не только оружие и боеприпасы, но и альбомы подпольщиков и приносить их в штаб КСИР. За несколько месяцев было конфисковано порядка двухсот единиц оружия и задержаны десятки человек. В мои обязанности входило собирать в отдельный альбом все фотографии с изображением вооружённых людей, чтобы со временем опознать их и заключить под стражу.

С каждым днём Махмуд нравился мне всё больше. Его методы командования оказались весьма эффективными. Пока вооружённая до зубов контра орудовала по ночам в городе, Махмуд проявлял такую храбрость и смекалку, что заставлял врагов дрожать от страха, поэтому они даже назначили награду за его голову. Однако это не мешало ему каждую ночь переодеваться и отправляться бродить по городу. Так Махмуд готовил засады и нападения на контру, чтобы в подходящий момент нанести удар. Много раз мне доводилось видеть, как вместе с другими бойцами он тайно отправлялся в горы, нападал на базы «Комалы»¹ и демократов² и не оставлял там камня на камне.

Наш отряд из восьми бойцов круглосуточно был на службе, сопровождая Махмуда. Каждый из нас мог бы многое о нём рассказать, но, к сожалению, к концу моей командировки в живых остались только я и ещё один наш товарищ. Даже сейчас, по прошествии десяти лет, я не могу припомнить всего. Думаю, будет достаточно вспомнить лишь о событии, предшествовавшем его гибели.

Дело в том, что кроме мужчин в нашем штабе служили три смелые, преданные своему делу девушки. Они занимались не только образованием и благоустройством Банэ, но и помогали бойцам КСИР, производя допросы арестованных женщин и держа их под стражей. К несчастью, как-то раз в одном трагическом происшествии одна из этих девушек получила тяжёлые ранения, и Махмуд полуживую отвёз её в больницу. Эта девушка проработала

¹ «Комала» («Объединённая партия Иранского Курдистана») – курдская левая политическая партия, основана в 1967 г. в Тегеране группой курдских студентов во главе с Мустафой Солтани для вооружённой борьбы с шахским правительством за права и свободу курдского народа.

² «Демократическая партия Иранского Курдистана» – курдская политическая партия в Иране. Основана Кази Мухаммедом в 1945 г., накануне провозглашения «Мехабдской республики», существовавшей до 1946 г. под патронажем СССР. Имеет представителей во многих странах мира и борется за признание национальных прав курдов в рамках федеративного Ирана.

в Банэ почти целый год. Сама она была родом из Тегерана и усерднее всех относилась к своей работе. Через пару часов Махмуд вернулся в штаб крайне расстроенным и сообщил, что девушка скончалась. В тот день меня не было, потому что накануне я уехал в командировку в Бахтаран¹, однако бойцы, которые присутствовали при этом, потом рассказали, что Махмуд, сообщив о смерти девушки, под конец добавил: «Братцы, мне тоже немного осталось. Видать, на то Божья воля, чтобы наш брак был заключён на небесах».

Помню, как однажды я спросил Махмуда:

– Почему вы не женитесь?

– Ещё не встретил девушку, которую хотел бы взять в жёны, – ответил он мне. – Хочу видеть рядом с собой такую, которая была бы рядом и в горе, и в радости и не покидала меня даже на войне, помогая идти по пути Господа.

После того происшествия я понял, что Махмуд уже успел выбрать себе жену, однако Господь распорядился так, что он соединился с ней уже в другой жизни, потому как через несколько дней после её гибели случилось непоправимое.

Было одиннадцать часов вечера. Один из наших бойцов сильно заболел, и его нужно было срочно доставить в больницу. Махмуд вызвался отвезти его. Он завёл машину, усадил в неё больного и вместе с ещё одним бойцом выехал из штаба. До больницы было около пяти километров и путь лежал через город.

Не прошло и нескольких минут после их отъезда, как ночную тишину нарушила канонада выстрелов. Все тотчас собрались и прибежали на место происшествия. Машина стояла на перекрестке, обстрелянная с трёх сторон.

¹ Бахтаран – революционное название города Керманшаха, центра одноимённой провинции на западе Ирана.

Бойцы подошли к машине и вытащили из неё изрешеченное пулями и окровавленное тело Махмуда. Двое пассажиров были тяжело ранены. Один из них потом рассказал: «Мы ехали в больницу, как вдруг машину с трёх сторон обстреляли. Мы двое первыми получили ранения и, оцепенев от ужаса, рухнули на пол, но Махмуд начал сопротивляться и стрелял, пока у него не кончились патроны. Налётчики увидели, с какой отвагой им противостоит водитель машины. Не зная, что это сам командир КСИР Махмуд Хадеми, уже после его гибели они подошли к машине и, чтобы выместить свою злость, из ППШ, у которого пули размером с куриное яйцо, изуродовали ему часть лица, а потом быстро скрылись».

Так и погиб Махмуд настоящим героем. На следующий день после известия о его гибели весь город странным образом изменился. По случаю трагедии все горожане облачились в траур и пребывали в глубокой скорби. В тот же день по просьбе жителей прошло торжественное перенесение тела Махмуда из штаба КСИР в соборную мечеть, где и состоялось прощание с друзьями.

После похорон я вернулся на базу, чтобы немного отдохнуть. Но не прошло и нескольких минут, как меня разбудили крики людей, собравшихся у входа. Выйдя наружу, я увидел женщин с детьми, которые сидели на земле и горько плакали, скорбя по погибшему.

– В чём дело? – спросил я у дежурного.

– Разве ты не знаешь? Когда Хадеми по ночам ходил в город, он, как имам Али (да будет мир с ним!), заходил в дома бедняков и сирот и приносил им еду, вещи и даже игрушки для детей.

Иисус из Курдистана

Аббас Пасиар

*Посвящается славной памяти моего боевого товарища,
героически погибшего Мохаммада Боруджерди,
с которым я имел честь служить плечом к плечу ... Быть
может, в Судный день чистосердечность и доброта этого
великого человека смоят мои грехи перед Всевышним.*

С первых дней своего приезда на запад страны Мохаммад, как магнит, притягивал к себе солдат, и в скором времени ему было поручено возглавить военную операцию. Он составил много планов относительно будущих кампаний и с помощью своих боевых товарищей Каземи, Ганджизаде, Саида Голаба и других приступил к освобождению Курдистана от захватчиков. Проявляя невиданное мужество в освобождении этого района от контры, он показал себя весьма энергичным командиром и достиг значительных успехов.

Довольно скоро временное правительство¹ шаг за шагом, то отправляя так называемую «делегацию доброжелательности»², то вводя план разоружения курдских

¹ Временное революционное правительство было создано по приказу имама Хомейни сразу после победы Исламской революции в 1979 г. и просуществовало девять месяцев до отставки премьер-министра Махди Базаргана.

² «Делегация доброжелательности» – делегация уполномоченных представителей Революционного комитета по главе с аятоллой Махмудом Талегани в Санандадж, отправившаяся весной 1979 г. с целью договориться с лидерами Демократической партии Иранского Курдистана не противодействовать политике революционных властей.

мусульман, вновь заставило Курдистан перейти на сторону контрреволюции. После всех этих событий на Высшем совете КСИР Мохаммад сразу же предложил план создания «Организации воинов курдских мусульман»¹ для сплочения эмигрировавших курдов-мусульман на борьбу с империалистической контрой. При содействии двух членов Революционного комитета: покойного аятоллы Бехешти² и худжат аль-ислама Рафсанджани³ – этот план получил одобрение, а сам Мохаммад был назначен ответственным за его выполнение.

Благодаря созданию этой организации было покончено с лживой пропагандой и демагогией мирового империализма, так что Мохаммаду удалось предотвратить создание в Курдистане второго Израиля. Одновременно с началом войны, навязанной Ираком, мы с Мохаммадом и ещё несколькими бойцами отправились в Саре-Поле-Зохаб⁴. В ходе ожесточённого боя благодаря мудрому командованию Мохаммада и самоотверженности наших бойцов нам удалось вырвать этот город из лап неприятеля. Однако во время боя Мохаммад был ранен в руку, поэтому на некоторое время его пришлось отправить в госпиталь.

Несмотря на многие трудности, Мохаммад ездил на все фронты, сам выслушивал жалобы от солдат и лично старался им помочь. Он был образцом для всех окружающих. Его особое состояние во время намаза, рвение к участию

¹ «Организация воинов курдских мусульман» была создана осенью 1979 г. по подобию военизированных формирований Пешмерга в Иракском Курдистане, что нашло отражение в её названии.

² Аятолла Мохаммад Бехешти (1928–1981) – генеральный секретарь Исламской республиканской партии, председатель судебной системы Ирана. Убит 28 июня 1981 г. вместе с семьюдесятью своими сторонниками на съезде партии в результате террористического акта, организованного группировкой ОМИН.

³ Худжат аль-ислам Али Акбар Хашеми-Рафсанджани (1934–2017) – один из крупнейших иранских политических деятелей, президент Ирана в 1989–1997 гг.

⁴ Саре-Поле-Зохаб – иранский город в провинции Керманшах, недалеко от иракской границы.

в церемониальных молитвах тавассуль¹ и комейл², улыбка, никогда не сходявшая с его уст, обходительность, мудрое руководство в решении боевых задач, жёсткость в борьбе с контрреволюцией, безграничная любовь к простому народу и воинам курдских мусульман – всё это, как лучи солнца, освещало нам грани его возвышенной натуры.

После создания региональных отделений КСИР Мохаммад стал командиром седьмого отделения, в ведение которого входили провинции Хамадан, Бахтаран, Курдистан и Илам. Получив назначение, Мохаммад сразу же предложил создать военную базу Хамзы Сейеда аль-Шохады³. Командование решило, что руководство ею Мохаммад тоже должен взять на себя, но он отказался. Наконец по многочисленным просьбам других командиров он согласился занять должность заместителя командующего, чтобы из этого священного оплота добивать едва дышащую контру. Другой его инициативой было создание специальной бригады Шохада, что вызвало у бойцов большой энтузиазм; бригада эта добилась впоследствии серьёзных побед.

Мохаммад был настолько большой души человек, что в свободное время, обычно по вечерам, ходил по тюрьмам к «раскаявшимся»⁴, с присущей ему простотой и велико-

¹ Тавассуль – религиозная практика обращения ко Всевышнему через Пророка Мохаммада.

² Комейл – одна из традиционных молитв о прощении грехов. По легенде, была послана самим архангелом Джабраилом.

³ Хамза Сейед аль-Шохада, настоящее имя – Хамза ибн Абд аль-Мутталиб (568–625) – младший дядя, молочный брат и сподвижник Пророка Мохаммада.

⁴ «Раскаявшиеся» – взятые в плен иракские солдаты, согласившиеся перейти на сторону иранцев, а также представители внутренней иракской оппозиции, поддерживавшие идеи Исламской революции в Иране. Колличество «раскаявшихся» было настолько велико, что в 1984 г. по приказу командования КСИР из них было создано несколько отдельных бригад. Термин «раскаявшиеся» взят из истории ислама. После гибели имама Хосейна в городе Куфа (на территории современного Ирака) началось восстание «раскаявшихся» под предводительством Солеймана бин Сард Хазаи, которые пожалели о своём прежнем решении не поддерживать имама против армии халифа и вознамерились отомстить за его смерть. Войско «раскаявшихся» было почти полностью разбито под Дамаском.

душием садился рядом и терпеливо выслушивал всё, что ему говорили. Он по-братски объяснял им, в чём суть их заблуждений, до поздней ночи беседовал с ними на различные темы, оставался ночевать, спокойно спал среди них и даже делал зарядку. Такой его подход особенно вдохновлял «раскаявшихся», так что многие из них вступали в борьбу с контрреволюцией, а некоторые даже пожертвовали ради этого своей жизнью.

Приведу несколько примеров, позволяющих лучше представить уникальный характер Мохаммада. Помнится, один из командиров КСИР по имени Насер Каземи, который был боевым товарищем Мохаммада и очень его любил, участвовал в операции по освобождению трассы Банэ – Сардашт¹. Исход этой операции был чрезвычайно важен, и оба товарища в тесном взаимодействии друг с другом командовали отведёнными им частями. В ходе наступления кое-кто попросил Каземи:

– Передайте от нас Боруджерди, чтобы они не так быстро продвигались вперёд, а то могут понести серьёзные потери.

Я присутствовал при этом и видел, как Мохаммад, весь покраснев, рассерженно ответил:

– Если вы признаёте командование, то командую здесь я. Не берите на себя лишнего.

Во время освобождения трассы и разгрома позиций контры погибли некоторые товарищи Мохаммада, которые тоже были командирами, поэтому после их гибели Мохаммад взял на себя непосредственное командование операцией по освобождению труднопроходимого участка Пираншахр² – Сардашт, каждую минуту передвигаясь и воюя плечом к плечу с другими солдатами.

¹ Банэ и Сардашт – города в иранских провинциях Курдистан и Западный Азербайджан.

² Пираншахр – город в иранской провинции Западный Азербайджан.

Однажды мы расположились на одной из баз в окрестностях Урмии¹, как вдруг пришло сообщение, что терпит бедствие вертолёт, на борту которого находятся Бурджерди и два его спутника. Мы тут же бросились на помощь, а когда оказались на месте аварии, остолбенели, увидев столь неожиданную картину. Вертолёт был весь искорёжен, но пилот и все пассажиры выжили. Только у Мохаммада правая нога застряла под обломком фюзеляжа. Явно был серьёзный перелом, но он и вида не подавал, что ему больно. В ту же минуту прибежали запыхавшиеся жители одной из окрестных деревень, которые издали видели крушение вертолёта, и мы все вместе начали оказывать помощь пострадавшим. Один из бойцов КСИР, который изо всех сил старался вытащить из-под обломков сломанную ногу Мохаммада, отчаянно закричал на местных жителей, от всей души помогавших спасти раненого:

– Осторожнее! Аккуратно вытаскивайте!

Мохаммад, всё ещё находясь в беспомощном состоянии с зажатой под обломками ногой, посмотрел на бойца и сказал:

– Почему вы не обращаетесь с людьми так, как подобает истинному мусульманину?!

Когда Мохаммаду рассказывали, что некий солдат говорил про кого-то обидные слова, он не придавал этому никакого значения, пропуская такие жалобы мимо ушей. Если же он иногда обижался на какие-то замечания в свой адрес, то в конце всегда повторял такую фразу: «Господи, прости меня!»

Поначалу мы думали – он обижается на то, что солдаты говорят о чём-то у него за спиной, но Мохаммад ласково и добродушно говорил нам на это: «Я огорчаюсь

¹ Урмия – город и озеро с одноимённым названием в иранской провинции Западный Азербайджан.

из-за того, что такие прекрасные люди берут на себя грех и сплетничают о столь недостойном человеке, как я».

Мохаммад не терпел лжи. Я помню, как однажды в штабе КСИР в Мехабاده¹ после общего намаза мы читали молитву «О Аллах, возвеличилась беда и исчезла тайна...»² По окончании молитвы Мохаммад неожиданно встал и, обращаясь ко всем, сказал: «Братцы, неужели так возвеличилась беда? Неужели мы потеряли последнюю надежду и нам осталось только просить помощи у Бога? Братцы, будьте бдительны и не произносите ни одного слова неправды. Спаси Господи...»

Боруджерди всегда избегал интервью с журналистами и телевизионных камер, стараясь быть подальше от лишнего шума и оставаться в тени. Он всегда уверенно говорил: «Не снимайте меня на камеру. Снимайте тех солдат, которые воюют».

Как-то раз во время освобождения трассы Банэ – Сардашт, когда Мохаммад уже был в окрестностях Сардашта, один телевизионщик снял его на камеру. Мохаммад крайне деликатно подошёл к нему, взял плёнку, на которой он был заснят, и порвал её в клочья. Он настолько подавлял свою гордыню, что во имя ислама был готов выполнить любую службу, взять на себя любую ответственность. Ему было безразлично – командовать или подчиняться.

Речь Мохаммада обладала каким-то особым воздействием. Среди нас были бойцы, которые порой изнемогали от тягот войны и, как говорится, начинали раскисать. Однако, поговорив с Мохаммадом всего лишь несколько минут, они ощущали, как все их проблемы решались сами собой, и они вновь, полные сил и надежды, принимались за работу. Я часто замечал, что некоторые бойцы искали

¹ Мехабад – город в иранской провинции Западный Азербайджан.

² Начало известной молитвы о пришествии скрытого имама, которая приводится в фундаментальной книге «Бихар аль-Анвар».

предлог, чтобы перекинуться с Мохаммадом хотя бы несколькими словами или мельком встретиться с ним, надеясь с его помощью воспрянуть духом.

Мохаммад был олицетворением веры, упования на Бога и уверенности в собственных силах. Однажды во время операции «Восход зари»¹, когда мне посчастливилось служить в его подразделении КСИР, произошёл очень необычный случай. Сражаясь за освобождение Тонг-е Курака², мы значительно продвинулись вглубь фронта, однако, к сожалению, полной победы одержать не смогли, потому что во время наступления часть солдат, двигавшихся к вершине горы, попала под обстрел иракцев и была вынуждена остановиться. Командир отделения сразу же по рации сообщил Мохаммаду, что им нужно подкрепление.

– Держитесь, сейчас будет, – ответил он.

Это показалось нам очень странным, потому что мы знали, что у нас некого было прислать, и не понимали, на что он рассчитывает. Через некоторое время те опять вышли на связь, но и на этот раз Боруджерди уверенно заявил:

– Держитесь, подкрепление идёт.

На третий раз, когда нашего связного уже убило, командир того отделения рассерженно закричал по рации:

– Почему не присылаете подкрепления?!

Тогда на другом конце линии раздался чёткий голос Мохаммада:

– Держитесь, придут ангелы Господни.

Затем он нараспев прочёл аят из Корана, заставив содрогнуться наши сердца:

¹ «Восход зари» – операция, проведенная совместными усилиями иранской армии и КСИР 11 декабря 1981 г. с целью освобождения западных высот в городах Гилян-е Герб и Шиякух в провинции Керманшах.

² Тонг-е Курак – название горы высотой 788 метров над уровнем моря, расположенной рядом с одноименной деревней в иранской провинции Керманшах.

– Воистину, к тем, которые сказали: «Наш Господь – Аллах», – а потом были стойки, нисходят ангелы. Не бойтесь и не печальтесь, а возрадуйтесь Раю, который был обещан вам...¹

Мохаммад никогда на людях не выказывал своего желания погибнуть героем, но каждый раз, когда получал весть о гибели одного из своих товарищей, странным образом преображался, и по выражению его лица было видно, что он желал бы для себя такой же участи.

Мне помнится ещё один интересный случай, о котором я, наверное, уже много раз рассказывал. Он тоже произошёл во время операции по освобождению трассы Банэ – Сардашт. До начала наступления оставалось несколько часов. Мы сидели вместе с Мохаммадом, а командующий операцией КСИР в Банэ по фамилии Аяри в красках описывал свой вчерашний сон. Ему приснилось, что во время проведения операции он погиб. Единственный человек, который вдруг подошёл к нему и с особым интересом попросил снова рассказать этот сон, был Мохаммад. Мне трудно описать, как на самом деле Мохаммад бросился к Аяри. В тот же день сон воплотился в реальность, и Аяри действительно погиб.

Мохаммад обладал удивительным терпением и выдержкой, даже в трудную минуту улыбка не сходила с его уст. В кризисные периоды правительства, под давлением тревожной военной обстановки, когда наши города капитулировали один за другим, а командиры и товарищи погибали смертью храбрых, в отличие от многих тех, которые впадали в отчаяние и уже были не в состоянии себя контролировать, Мохаммад всегда был стойким и со своей неизменной улыбкой говорил: «Смерть героев вполне естественна и необходима для победы революции. Не стоит из-за этого расстраиваться».

¹ Коран, сура «Разъяснение», аят 30.

Можно долго рассказывать о сильном моральном духе и храбрости Мохаммада, но я упомяну здесь только один случай. В окрестностях Джаванруда¹ расположен район Зелян, который простирается километров на тридцать. Тогда он целиком находился в руках контры. Их основная часть состояла из боевиков, враждовавших с местным населением, а Ирак снабжал их оружием для борьбы с Исламской Республикой. Как-то раз один из этих боевиков сообщил, что они готовы присоединиться к воинам мусульманских курдов, но при условии, что один из наших командиров приедет к ним на переговоры. Услышав эту новость, Мохаммад тотчас же, полный решимости, вместе с несколькими другими бойцами и с одним лишь пистолетом на поясе отправился в путь. Проехав тридцать километров, он оказался в деревне, в которой было полным-полно боевиков. Искренность и непредвзятость Мохаммада повергли их в изумление, потому что они вовсе не так представляли себе воинов ислама и их командиров. В итоге все они, пристыжённо сложив оружие на землю, сдались в плен, а большая часть присоединилась к воинам мусульманских курдов.

Боруджерди всегда твёрдо верил в потусторонний мир и полностью полагался на промысел и милость Всевышнего. Помню, как однажды мы сидели в штабе западного фронта и обсуждали направление одной из операций, решая, посылать туда войска или нет. До глубокой ночи мы внимательно изучали карту, но к единому мнению так и не пришли. Мохаммад так и заснул, опустив голову на карту, но спустя некоторое время он вдруг поднялся, разбудил остальных и решительно заявил: «Эту операцию надо провести». Все спросили, какова причина столь неожиданного решения, но Мохаммад ничего не ответил. Как бы то ни было, операция прошла с полным успехом.

¹ Джаванруд – город в иранской провинции Керманшах.

Уже потом, когда мы снова спросили Мохаммада о причине такого решения, он ответил: «Тот, кто направляет меня по жизни, пришёл ко мне во сне и сказал, чтобы мы провели эту операцию».

Мохаммад никогда не пропускал ночной молитвы и относился к этому весьма серьёзно. Однажды с бойцами и командирами мы обсуждали операцию, которую предстояло провести в районе Мехабата. Разговор зашёл о том, в каком именно направлении осуществлять боевые манёвры. Собрание затянулось до десяти часов вечера, потому что каждый мог высказать своё мнение, однако к окончательному решению прийти так и не получалось. Тогда Мохаммад повернулся к кибле¹ и произнёс: «О Господи, ты же знаешь, что мы слабы и разум наш бессилён, если захотим сделать что-то без Твоей помощи, не помолившись прежде. Господи, направь на путь истинный...»

Бойцы сложили карту и, так как было уже слишком поздно, отправились спать. Ближе к утру нас разбудил голос Мохаммада, читавшего нараспев Коран. Мы совершили утренний намаз, а потом Мохаммад попросил меня принести карту. Передавая ему карту, я спросил:

– В чём дело?

– Внимательно посмотри на карту и найди деревню Каредаг, – хладнокровно ответил он.

Подожли и другие бойцы и начали удивлённо спрашивать, что это за деревня, но Мохаммад только ещё раз повторил свою просьбу. Мы тут же все вместе посмотрели на карту, но так ничего и не нашли. Тогда Мохаммад снова помолился, прочитал нараспев Коран, а потом сказал:

– Возьмите карту и ищите снова.

¹ Кибла – метка, указывающая направление в сторону священной для мусульман Каабы в городе Мекка, куда следует обращаться во время намаза.

Мы сделали, как он велел, и наконец совместными усилиями нашли эту деревню. Мохаммад очень обрадовался.

– Хаджи, что же всё-таки происходит? – удивлённо спросили мы.

– Теперь всё будет в порядке. Вставайте, пойдём, – с улыбкой ответил он.

На следующий день на военной базе Хамзы в Урмии состоялось совещание с участием армейских чинов, командира дивизии и командующего самой базы. Когда Мохаммад в деталях изложил на этом совещании свой план, командование отдало ему должное и единодушно одобрило. После совещания я и ещё несколько солдат из любопытства зашли к Мохаммаду и спросили его, как же он сумел составить такой план. Мы ведь думали до поздней ночи, но так и не пришли ни к какому выводу. Как же тогда?! Мохаммад ответил нам: «Мы все заснули, но через час я проснулся, совершил тавассуль, выполнил два раката¹ и попросил у Всевышнего помощи. Когда я опять заснул, во сне ко мне явился какой-то офицер и спросил, почему же я так медлю? Надо срочно занять Каредаг. Тогда всё будет в порядке...»

У Мохаммада были каштановые волосы и рыжая борода. Бойцы дали ему прозвище «Иисус из Курдистана», а некоторые даже считали его отцом Курдистана, но в действительности он был отцом всего Западного Ирана, потому что после его гибели весь запад страны оплакивал его горькими слезами. Одной из примечательных особенностей этого великого человека было сочувствие к окружающим. Несмотря на свою большую занятость, он часами просиживал с бойцами, рассказывавшими ему о наболевшем. Дело в том, что многие по той или иной причине решали уехать из Курдистана, но, посидев и

¹ В исламе полный цикл движений и чтений в молитве.

поговорив с Мохаммадом, полностью отказывались от этой идеи и оставались служить дальше.

Незадолго до своей гибели Мохаммад изо всех сил старался найти подходящее место для базирования специальной бригады Шохада. Я вместе с ещё четырьмя бойцами удостоился чести помогать ему в этом деле. Однажды нас направили в то место, где планировалось расположить эту бригаду. По дороге один из солдат, сидевший рядом с Мохаммадом, говорил ему о своих невзгодах. В ответ на это Мохаммад подробно начал рассказывать о Судном дне, о вознаграждении войны за веру, героической смерти, о самопожертвовании первых мусульман и многом другом. Когда мы подъехали к перекрёстку на трассе Мехабад – Негеде¹, я сказал Боруджерди: «Оставайтесь здесь, а мы пойдём и посмотрим это место». Он отказался. Нам пришлось подчиниться, но я настоял на том, чтобы мне и ещё одному солдату разрешили сопровождать его на «тойоте» с установленным на ней крупнокалиберным пулемётом, чтобы при случае отразить нападение. Мы поехали впереди, а Боруджерди вместе с ещё тремя солдатами на военном джипе последовали за нами. Не успели мы отъехать от них, как вдруг услышали позади страшный взрыв. Машина наехала на мину, и когда мы вернулись, увидели, что все пассажиры исполнили свою мечту погибнуть героями. На румянном лице Мохаммада застыла улыбка, и на мгновение мне показалось, что он произнёс: «Клянусь Богом Каабы, я победил»².

¹ Негеде – город в иранской провинции Западный Азербайджан.

² Известные слова имама Али, произнесённые им перед смертью.

Дрожащая насыпь

М. Наср Абади

Не успел я заснуть, как до меня донесся пронзительный звонок телефона по линии 312. С трудом разомкнув веки, в полумраке окопа я протянул руку и снял трубку. На другом конце провода был караульный из центра.

– Али, что случилось?

– У технического взвода порвался провод. Разбуди одного из бойцов и вместе отправляйтесь чинить линию.

– У технического взвода? И это среди ночи? Давай оставим до утра. Сейчас-то тебе это зачем нужно?

– Нужно не мне, а командиру третьего взвода.

– Это ещё зачем? Не спится ему, что ли, и вздумалось с кем-то поболтать?

– Нет, что ты! Говорит, что бойцы из их наблюдения слышат какой-то разговор. Похоже, подплыл иракский корабль. Готовится маневрировать.

Делать было нечего. Пришлось подниматься. Я сердито бросил трубку и начал расталкивать Мохаммада.

– Мохаммад, вставай! Свалилась работёнка на нашу голову.

Мне впервые предстояло отправиться на починку линии технического взвода. Его провод проходил по очень глухим местам, достаточно удалённым от линии фронта, где нельзя было встретить ни одного живого человека. Иракцы не часто обстреливали тот район, поэтому обрыв провода случался редко. Прежде он обрывался один или два раза, и на починку приходилось отправляться другим

бойцам. Мне было известно только то, что провод поднимался вверх по холму за земляным укреплением, а потом проходил вдоль глубокого ущелья и только потом соединялся с техническим оборудованием.

Пока Мохаммад собирался, я нашел кусачки для дисковых телефонов и, чтобы окончательно проснуться, умылся и ополоснул голову водой из термоса. Перебравшись через насыпь, Мохаммад нашёл кабель. Мы дошли до подножия холма, но разрыва так и не обнаружили.

– Кажется, придётся пойти дальше, – сказал Мохаммад.

– Хорошо, пойдём.

– Тогда я брошу провод, а когда обойдём холм, снова его найдём.

– Как ты собираешься в такой темноте искать его за холмом? И потом, может, он повреждён уже там. Надо идти вверх.

Провод поднимался прямо к вершине. Я ума не мог приложить, какой сумасшедший протянул его через это место.

– Боюсь, в такую лунную ночь нас могут засечь в любую минуту, – сказал Мохаммад.

– Да ладно! – ответил я. – Думаешь, кто-то сейчас посреди ночи сидит, смотрит в бинокль и караулит это место? Да и лунный свет не настолько яркий, чтобы нас можно было увидеть с такого расстояния.

Мы начали подниматься на холм. Под ногами с громким треском ломались сухие ветки кустарников, выгоревшие на солнце. Приближаясь к вершине холма, мы обернулись и посмотрели назад. Там вдали были отчётливо видны тёмные очертания иракской оборонительной насыпи. Мне показалось удивительным, что она столь ясно видна на таком приличном расстоянии.

– Ты уверен, что мы ничем не рискуем? – снова спросил Мохаммад.

– Нет, конечно. Они нас не заметили, – ответил я.

Однако едва мы поднялись на вершину холма, как внезапно услышали свист летящего снаряда. Мы застыли на месте, оторопело глядя друг на друга. Снаряд летел прямо на нас. Мы бросились в разные стороны и изо всех сил вжались в землю.

Снаряд упал рядом с самой вершиной и взорвался с оглушительным грохотом, от которого замерло сердце. Мне даже показалось, что в глубокой ночной тишине взрыв прозвучал намного громче обыкновенного.

В ожидании второго снаряда мы лежали на земле ещё некоторое время и внимательно прислушивались, однако когда поняли, что всё спокойно, поднялись и осторожно сползли с холма. Оказавшись у подножия, Мохаммад воскликнул:

– А теперь что ты скажешь?! Видел, как они нас не заметили?!

Я пытался объяснить произошедшее чистой случайностью.

– Поверь, снаряд просто случайно туда попал. Если бы они нас заметили, так просто не отстали бы. И потом, ничего ведь не случилось?

Мохаммад снова нашёл провод, взял его в руку, и мы пошли дальше. Было видно, что дорогу за холмом проложили совсем недавно и обрыв провода произошёл по вине дорожно-строительной техники. Однако сколько мы ни искали, найти конец провода никак не удавалось. Продолжительные поиски окончательно сбили нас с толку. В конце концов мы всё же отыскали провод, и тогда стало ясно, что значительная его часть выдернута наружу, а два оборванных конца лежали на расстоянии тридцати или даже сорока метров друг от друга.

Я настолько выбился из сил, что не мог даже пошевелиться.

– Возвращайся в окоп и принеси новый кабель! – крикнул я Мохаммаду. – Я посижу здесь, пока ты не вернёшься.

Мой товарищ согласился и пошёл обратно. Теперь в целях безопасности ему предстояло обойти холм стороной. Спускаясь с вершины холма, мы заметили, что кратчайший путь к техническому взводу пролегал как раз через неё, что значительно сокращало длину провода. Именно поэтому его и проложили таким образом. Было ясно, что Мохаммад вернётся ещё не скоро. Усевшись на землю, я уставился на глубокое тёмное ущелье, от одного вида которого леденела кровь. Мне очень хотелось разглядеть самое дно, но окружавшие ущелье скалы отбрасывали тень, так что увидеть самый низ не было никакой возможности. В конце ущелья располагалась база технического взвода. Оружейные стволы возвышались у стены ущелья, а окопы напоминали склон холма.

Поняв, что сидеть мне придётся ещё довольно долго, я решил встать и подыскать более удобное место. Чуть дальше виднелось несколько земляных насыпей, сооружённых в ряд наподобие небольших холмов. Я сел на одну из них и, продолжая разглядывать ущелье, неожиданно для себя вдруг почувствовал, как на секунду всё мое тело вздрогнуло. Непроизвольно я оглянулся по сторонам. Кругом всё было тихо, и я никак не мог понять, откуда взялось это охватившее меня чувство. Я лишь понял, что нечто странное сокрыто под этими утрамбованными земляными насыпями. Встав со своего места и уже идя по дороге, я решил завтра утром засветло вернуться сюда и всё выяснить.

Я нашёл конец провода и присоединил к нему дисковый телефон. Таким образом, я смог бы незамедлительно сообщить в центр, если бы со мной что-нибудь случилось. От скуки я набрал номер. Мне ответил Али:

– Куда вы пропали? Я тут из-за вас места себе не нахожу.

– Сижу за холмом, – ответил я. – Мохаммад пошёл за проводом. Отмотай метров тридцать-сорок, чтобы не задерживать его, когда придёт.

Поговорив с центром, я взбодрился. В то же время я позавидовал Али, который сидел сейчас там в безопасности, даже не представляя себе, каково мне в этот момент. Наконец через некоторое время пришёл Мохаммад с проводом в руках. Мы починили линию и вернулись в укрепление, а я так ничего и не сказал своему товарищу об этих странных земляных насыпях.

Утром, как только рассвело, я вновь пришёл на то место, где был накануне, чтобы узнать тайну этих холмов. Только тогда я понял, что именно так встревожило меня прошлой ночью. Моим глазам предстали захоронения убитых иракцев. Под насыпью, на которой я сидел некоторое время, лежало чьё-то тело, и его части вывалились из земли наружу.

Наджиб

Мохаммад Джавад Джозини

Посвящается героически погибшему Наджибу Черабе

Сегодня после утреннего построения в нашей казарме появился новенький. Никто из солдат не обрадовался его появлению. Сказав «йалла»¹, он отодвинул полог двери и вошёл внутрь. На плече у него висела небольшая сумка. Новичок поздоровался, справился о нашем самочувствии, а потом прямо заявил:

– Братцы, если вы позволите, я останусь в этой комнате. В других мест нет...

Алиреза, желая избавиться от новенького, ответил:

– У нас нет лишнего одеяла.

Но тот только улыбнулся:

– Ничего страшного, в вашей тёплой компании оно мне не понадобится.

Хасан, проходя мимо меня, добавил:

– Видать, наш братец только вчера родился.

Честно говоря, я тоже был не в восторге от его появления. Хамид сказал нам, что пройдёт пара дней – и мы найдём с ним общий язык, но я в это слабо верил. Что-то подсказывало мне, что с появлением этого

¹ Данной фразой (сокращение от «йа Аллах», то есть «о Господи») в Иране принято предупреждать о своём намерении войти внутрь помещения, чтобы присутствующие успели привести себя в должный вид. Особенно это касается женщин, которые в присутствии постороннего мужчины обязательно должны быть в хиджабе.

чужака наша тёплая, дружеская компания затрещит по швам.

Развязывая шнурки на ботинках, новенький сообщил:

– Меня зовут Наджиб...

– На-джип?¹ – съязвил Алиреза, и все громко рассмеялись.

– Нет, Наджиб. Наджиб Черабе.

– Да мне без разницы. Ничего себе имя, – ответил Алиреза.

У Наджиба был акцент, но никто не поинтересовался, откуда он родом.

– Надо поменьше с ним болтать, чтобы не стал с нами фамильярничать, – шепнул Хасан.

Хамид, не желая отставать от новенького, заявил ему:

– Браток, раз уж ты явился к нам, прими к сведению, что прямо сейчас ты заступаешь в должность «градоначальника» по комнате на целые сутки!

Все покатались со смеху. Между тем Наджиб, продолжая всё так же мило улыбаться, встал с места и сказал:

– Слушаюсь. Что нужно делать?

– Видишь ту цистерну? – спросил Хасан, а потом показал пальцем на пустые канистры для воды, стоявшие у входа в комнату. – Потрудись наполнить их водой.

– Так, откуда брать воду? – спросил Наджиб, уже готовясь к выходу.

Алиреза, давась от смеха и стараясь всё время прятать лицо от Наджиба, подошёл к нему, взял за руку и подвёл к окну, чтобы показать рядом с плацем огромную цистерну, наполненную водой.

– Сначала потрудись спуститься на три этажа. Видишь тех людей? Встанешь за ними, дождёшься своей очереди, наполнишь эти канистры, а потом опять поднимешься вверх на три этажа...

¹ В оригинале было использовано созвучное по-персидски слово «аджиб», что в переводе означает «странный», «необычный».

Все ребята знали, что сегодня дежурным «градоначальником» по комнате должен быть как раз Хасан, и у нас было не принято, чтобы им становился новичок. Сам Наджиб тоже был в курсе дела, но по какой-то одному ему ведомой причине он не стал протестовать и принял происходящее как должное.

Наджиб взял пустые канистры и собрался уходить. Когда он уже хотел надеть ботинки, Хасан крикнул ему:

– Можешь сесть в мой бронетранспортёр!

После этих слов Наджиб ушёл.

«Столько бойцов в гарнизоне До-Кухе ещё никогда не было», – говорил нам хаджи¹. И действительно, по утрам на плацу не хватало места для новых батальонов.

Сегодня на пробежке нам опять пришлось выбежать за территорию гарнизона. Бегали больше, чем в предыдущие дни. Вокруг гарнизона мы сделали два полных круга. Потом последовала зарядка, после которой впору было рухнуть замертво. У меня живот сводило от голода, а Алиреза кричал:

– Настроение... хоть куда!

Задыхавшиеся от бега бойцы в конце колонны продолжали:

– Коль в желудке... пустота!

Потом солдаты хором повторили всю речёвку целиком:

– Настроение хоть куда, коль в желудке пустота!..

Хаджи быстро подошёл к началу строя, и все разом замолчали. Из-за внезапно наступившей тишины он сам рассмеялся, и мы все последовали его примеру.

Постепенно бойцы начали переговариваться. Они были порядком измучены жизнью в своих трёхэтажных разрушенных казармах. Все мечтали о скорейшем начале всеобщего наступления.

¹ Вежливое обращение к старшему по званию в иранской армии.

«Настоящий ополченец-басидж не может только есть и спать», – высказался Алиреза. От этих слов хаджи нахмурился, и рядовой сразу умолк.

Помнится, в тот же день я получил письмо от брата.

Наджиб всё так же оставался дежурным по комнате. Он подмёл пол и вымыл посуду. Закончив свои дела, он сел в углу комнаты и принялся читать книгу, обёрнутую в газету.

Алиреза чистил своё оружие газойлем. Ребята ворчали на него, недовольные тем, что он делает это в помещении, но тот не обращал на них ровно никакого внимания.

Мне надо было встать и написать ответ брату.

Хамид тем временем рассказывал, что о предстоящей атаке всегда становится известно или из кухни, или из солдатского котла. «Вечером, накануне наступления, – говорил он, – кормят пожирней, чем обычно. Если будет атака, обязательно дадут курицу».

В тот вечер на ужин как раз кормили пловом с курицей. Среди бойцов прошёл слух, что, скорее всего, ожидается наступление.

Между тем Наджиб понемногу осваивался в нашей комнате. Правда, ребята всё ещё старались держаться от него подальше, а он продолжал оставаться таким же уступчивым, добродушным и терпеливым. Вытянув руку стоя, он спокойно мог бы дотянуться до лампочки на потолке, однако сейчас он сидел и продолжать читать всё ту же обёрнутую газетой книгу.

Шёл пятый день с отъезда командира нашей роты. Хаджи тоже отправился в командный штаб. Новость о предстоящей атаке разлетелась повсюду, и ребята были в приподнятом настроении. Все ждали, что через несколько дней нам пришлют нового командира роты. «Наверное, выберут кого-нибудь из наших, да поопытнее», – говорили бойцы между собой.

Вечером кто-то пришёл за Наджибом. Он ушёл и вернулся назад только под утро. На рассвете бойцы узнали, что накануне вечером вернулся хаджи, и у Наджиба завязалась с ним тесная дружба. После утреннего построения хаджи собрал всех ребят и сообщил о том, что через несколько дней начнётся всеобщее наступление. Бойцы в восторге принялись поздравлять друг друга. Хаджи продолжал рассказывать о предстоящей операции, как вдруг, словно гром среди ясного неба, меня ошарашила неожиданная новость. Оказывается, штаб назначил Наджиба Черабе командовать нашим взводом.

Раздалось привычное в таком случае славословие Пророку Мохаммаду, благодаря чему мы улучили момент переглянуться. Никто из нас при этом не проронил ни слова. Наверное, все мы в этот момент сильно побледнели.

Вечером после отбоя Хамид предостерёг нас:

– Парни, Наджиб наверняка захочет отомстить за такое наше поведение!

– Не дай Бог, ещё в наступление не пустит...

Ближе к полудню пришёл Наджиб. Как обычно, он расставил по парам ботинки, стоявшие у входа, поздоровался и вошёл в комнату. Все ребята готовы были от стыда провалиться на месте, но сам Наджиб и виду не подал, что произошло нечто особенное.

«Мне стыдно смотреть ему в глаза», – признался Хасан.

С того вечера, когда на ужин подали плов с курицей, прошло уже пять дней, и вот нам опять приготовили то же блюдо, однако о наступлении так и не было никаких вестей.

Обычно по ночам у нас проходила боевая подготовка. Ребята прозвали её «слезоточивой», потому что от сильных нагрузок на глазах бойцов часто выступали слёзы. В полночь мы бродили по близлежащим равнинам, отработывая бесшумную ходьбу, развёрнутое построение, ползание с подъёмами, речные переходы и тому подобное.

Под вечер мне неожиданно пришла в голову мысль не ходить на ночную подготовку. Этой идеей я поделился с Хамидом, и мы с ним договорились дать дёру. За полночь, когда в коридоре раздался громкий приказ хаджи о построении, мы с Хамидом быстро спрятались за балконом. Через некоторое время все комнаты опустели, и ребята направились за территорию гарнизона. А мы с товарищем укутались одеялами и спокойно себе заснули.

Уже под утро нас разбудили громкие голоса вернувшихся солдат. «Опасная ситуация. Вы окружены», – подшутил над нами Алиреза.

Сначала я думал, что он просто издевается из зависти, но потом узнал, что после ночной подготовки хаджи сделал перекличку и заметил, что нас двоих не было. Ответственным за наше наказание был назначен не кто иной, как Наджиб.

До самого вечера мы думали лишь о том, какое же именно наказание он нам назначит. «Наверняка заставит вас лезть в одежде в реку», – предположил Алиреза.

Каждый говорил своё, и мне становилось всё больше не по себе.

Когда раздали ужин, к нам пришел Наджиб и сказал:

– Вы двое сегодня не ложитесь спать. Оденьтесь и будьте в полной боевой готовности.

– Есть, – ответили мы.

Я не помню, как доел свой ужин. От страха перед неведомым наказанием душа у меня ушла в пятки. Наконец мы приготовились. Ребята продолжали переговариваться и посмеиваться над нами. Постепенно они взяли свои одеяла и улеглись спать, и тут явился Наджиб. На его лице уже не было и следа от обычной улыбки. Он пошёл первым, и мы последовали за ним. Выйдя за территорию гарнизона, когда Наджиб направился в сторону шоссе, Хамид шепнул мне на ухо: «Похоже, он не заставит нас лезть в реку».

Я ничего не ответил. Густые облака пеленой затянули полный круг луны. Наджиб быстро шёл с низко опущенной головой, а мы всё так же продолжали идти следом. Шаги его были столь длинными, что нам приходилось чуть ли не бежать за ним. Миновав шоссе, мы направились к востоку от гарнизона. Не знаю точно, сколько времени мы шли молча. Может быть, четверть, а может, и полчаса. Кругом всё было покрыто мраком. Безмолвие и нервное напряжение окончательно лишили нас сил. Я неотступно продолжал думать о том, что Наджиб, быть может, использует наш проступок всего лишь как повод и захочет отомстить нам двоим за то, как грубо вели себя с ним все остальные.

Внезапно Наджиб остановился, не проронив ни слова. Я слышал его сдавленное дыхание.

– Братья, побудьте здесь и покайтесь, – сказал он. – Попросите у Бога прощения, а потом сами возвращайтесь в батальон.

Мы стояли молча. Я почувствовал, что мои уста онемели и не могли разомкнуться. Хамид взглянул на меня, и я тоже уставился на него. Наджиб развернулся и, ничего больше не говоря, зашагал обратно к гарнизону. Только тогда я осознал, как подло мы повели себя накануне. Хамид, наверное, тоже это понял.

Освещённая луной фигура Наджиба отбрасывала длинную тень, так что на земле она казалась невероятно огромных размеров. Я стоял, задумавшись, и смотрел ему вслед. Раздавшийся неожиданно плач Хамида заставил меня опомниться...

В гарнизон мы вернулись уже под утро. Никакой усталости я не чувствовал вовсе. Напротив, во всём теле ощущалась какая-то лёгкость. Я пошёл снять ботинки и надеть тапочки. Хамид же направился совершить омовение перед утренней молитвой.

Разящий перст

Мохаммад Бокаи

До батальона было ещё очень далеко, и требовались немалые усилия, чтобы преодолеть весь путь. Шоссе тянулось, как не имевшая конца прямая, и всё целиком дрожало, поднимаясь наверх. Однако выбора у меня не было, и я должен был идти вперёд. Неожиданно на горизонте показалась машина. Это был новенький пикап «тойота». Я начал голосовать. Из уважения к моей форме водитель остановился и согласился подвезти. Я быстро сел в машину.

– О Али!¹

– Здорово, браток.

– Здорово.

Казан с едой занимал почти половину салона. С одной стороны сидел молодой парень в фуражке, с другой – ещё один с непокрытой головой.

– Что везёте?

– Плов с зеленью.

Парень сидел, уставившись на небо, и что-то беззвучно бормотал себе под нос. Казалось, у него не было особого желания поддерживать беседу. Я тоже умолк и начал смотреть на дорогу. Внезапно мы свернули на грунтовку.

– Браток, разве вы не поедете прямо?

¹ Али ибн Аби Талиб (599–661) – двоюродный брат, зять и сподвижник Пророка Мохаммада, четвертый халиф.

– Почему же? Сначала отвезём обед вон в ту зенитную батарею, а потом поедим дальше. Если спешишь, можешь выйти прямо тут, а нет, так нет...

– Как скажешь. Мне всё равно, да и спешить особо некуда.

И всё же водитель мне попался хоть куда, приветливый, да и за словом в карман не лез. Мы отвезли обед и вернулись на главную дорогу.

– О святой Аббас!¹

Услышав дрожащий голос парня, сидевшего рядом, я поднял голову. На нём лица не было.

– Что случилось?

– ...

Было ясно, что расспросами от него ничего не добьёшься. Я посмотрел в ту же сторону и онемел от ужаса. Навстречу нам ехал мотоциклист в противогазе. У него за спиной сидел ещё один человек, на голове которого тоже был противогаз. С атаки на Халабджу не прошло и двух дней², и где-то глубоко в груди у меня ещё хрипело. Парень, сидевший со мной рядом, растерялся, да и я сам не на шутку запаниковал. Он быстро вынул свой противогаз из сумки и кое-как натянул его на голову. Водитель и третий пассажир сделали то же самое. Противогаза не было у меня одного... О имам Реза!³ Что мне же делать?

– Браток, запасного противогаза нет?

Казалось, парень натянул свой противогаз не столько на нос, сколько на уши, так что моя просьба осталась без внимания. Он пристально смотрел вперёд на пустыню, крепко сцепившись руками в спинку сиденья перед собой, словно

¹ Аббас ибн Али – сын первого шиитского имама Али, героически погибший в битве с войском омейядского халифа при Кербеле в 680 г.

² Правительство Саддама Хусейна 16–17 марта 1988 г. предприняло газовую атаку на город Халабджа на территории Иракского Курдистана, находящегося поблизости от границы с Ираном.

³ Али ибн Муса аль-Реза (766–818) – восьмой шиитский имам, единственный, чья гробница находится на территории Ирана в городе Мешхеде.

желая её согнуть. Я уже было простился с жизнью, прочитав последнюю молитву перед смертью, и обмотался клетчатым платком-куфией, как вдруг... Мы разглядели, что противогаз на мотоциклисте был вообще без фильтра! Получается, эти двое надели противогазы только ради того, чтобы не дышать дорожной пылью! Я был едва жив от страха.

– Всё в порядке, браток, снимай противогаз.

– ...

Тот и в ус не дул. Из вредности я больше ничего не сказал, решив, что пусть себе обливается потом. Только у следующей зенитной батареи он еле-еле согласился снять свой противогаз, задыхаясь и дрожа от страха.

– Первый раз на фронте?

– Да.

– Чего так боишься?

– ...

Он страдальчески посмотрел на меня. Неожиданно во мне разыгралось тщеславие.

– Страх сковывает человека.

– ...

– Призывной в КСИР?

– Да.

– Сколько месяцев ещё осталось?

– Много.

– Послушай доброго совета! Не бойся. Страх – дело гиблое.

– ...

Его молчание отбило у меня всякую охоту продолжать разговор. Вскоре мы добрались до равнины напротив Чёртова ущелья, за которым находилась деревня Дезли. Это была широка равнина, раскинувшаяся между двумя горами. «Подождите здесь, – сказал нам водитель, – а я отвезу обед той батарее и вернусь».

Мы вышли из машины, но вдруг откуда ни возьмись в небе показалось несметное число иракских самолётов.

Водитель не обратил на них никакого внимания. Зенитное орудие открыло огонь, а водитель поехал вперёд, чтобы доставить обед зенитчикам. Парень дрожал от страха. Лицо его сильно побледнело. Он весь съёжился и зажал руками уши. Я стоял на месте как вкопанный и, опьянённый своим тщеславием, смотрел в небо.

– ...Метко бьёт! Прекрасно... Молодец... Давай ещё... И ещё разок!

С каждой секундой парень сжимался всё больше. Я смотрел на него и даже, к сожалению, зубоскалил, как вдруг...

– Врум... врум...

Откуда ни возьмись прямо над нами неожиданно раздался звук пикирующего самолёта. Я прекрасно знал, что такой звук обычно раздаётся уже после завершения манёвра и ракетного выстрела, так что бежать куда-то было уже поздно. Нам оставалось только упасть на землю и молиться о том, чтобы принять венец мученичества прямо сейчас или пока с этим подождать. От нас самих уже ничего не зависело. На всё была Божья воля и только Его. Услышав роковой звук, я взметнулся, как соломинка, и рухнул на землю, желая уйти с головой в её распаханные борозды.

От ужаса сердце у меня в груди замерло и уже, казалось, не билось. Вокруг воцарилась гробовая тишина. Однако... беда всё-таки миновала. Я поднял голову. На низкой высоте мимо пролетали уже наши, иранские самолёты, готовясь вступить в бой в воздухе или на земле. От страха я был весь в поту.

– Ты же говоришь, что не боишься?

– Я... когда... когда я... ладно, бывает.

Я понял, что сейчас молчание мне более шло к лицу, чем такое «красноречие». Умолкнув, я воздал хвалу разящему персту Господню, который преподавал мне хороший урок.

Дружеский приём

Али Акбар Аскари

Небо было усыпано звёздами, и на нём не виднелось ни одного облачка. Луна совсем скрылась. Только что закончилась вечерняя молитва. Когда Хосейн надел ботинки, я перестал разглядывать ночное небо, и мы вместе спустились с холма, на вершине которого находилась хосейние, направляясь к палаткам нашей воинской части. Мы ещё не успели спуститься с крутого склона, как Хосейн сказал:

– Я тут новенький. Хочу получше познакомиться с ребятами. Если ты не против, давай сейчас заглянем в палатку к тем озорникам.

Улыбнувшись в ответ, я поправил его:

– Ты хотел сказать, к той шпане?

Мой товарищ утвердительно кивнул и ответил:

– Да. Кстати, почему их называют шпаной? По-моему, хорошие парни.

– Да, brave солдаты. Даже на передовой им не найти равных. Их называют так потому, что уж больно хулиганят, да и в палатке у них всегда слишком шумно.

Похлопав меня по спине, Хосейн радостно воскликнул:

– Тогда надо обязательно к ним зайти! Я люблю весельчаков и балагуров.

Мне это не показалось хорошей идеей, поэтому я ответил:

– Нет. Они втянут нас в какую-нибудь неприятную историю. Может, ко мне они и не полезут, ведь я тут уже давно, но к тебе точно прицепятся.

Однако Хосейн продолжал настаивать, и я, как ни старался, так и не сумел отговорить его от этой затеи. Наконец, приблизившись к их палатке, Хосейн повернул в её сторону и потащил меня за руку. Волей-неволей мне пришлось подчиниться. Мы прошли по узкой тропе, проходившей между кустарниками и невысокими деревцами. У входа в палатку я сказал «йалла», отодвинул полог, и мы зашли внутрь, перешагнув через пустую коробку от боеприпасов. Внутри казалось немного теплее.

Бойцы сидели по периметру палатки, подложив под спины свои вещи, и весело болтали. По краям палатки в несколько рядов стояло оружие, перевязанное проволокой и шнурками от ботинок. Уже по тёплому приветствию хозяев было ясно, что нам грозит большая беда. Они ловко рассадили нас с Хосейном по разным углам, тем самым дав мне понять, что до меня им нет никакого дела. Для себя я всё же счёл необходимым сохранять бдительность. Хосров, Махди и Алиреза, окружив Хосейна, начали с ним шутить. Улыбка застыла у меня на устах, и время от времени я даже через силу ухмылялся. Тем временем Хосейн от всей души хохотал, слушая рассказы наших хозяев. Мне было жаль своего товарища, так как, несмотря на то, что он был выше меня ростом и с виду казался моим ровесником, на самом деле был младше меня на четыре года и отличался какой-то инфантильностью. Про себя я подумал: «Бедный Хосейн! Он даже не представляет себе, что его ждёт, пока он так спокойно закрывает глаза и смеётся».

Пока я размышлял таким образом и следил за каждым из ребят, один из них встал со своего места и совершенно хладнокровно вышел на середину палатки. Было настолько шумно, что никто из присутствующих не обратил на него особого внимания. Вдруг он одним махом погасил лампу, висевшую на потолке. В палатке стало совершенно темно, так что уже ничего невозможно было разглядеть.

Я мгновенно прижался к стене и приготовился к защите, на случай если вдруг кто-то решит ко мне подойти. Неожиданно до моего слуха донеслись звуки ударов и пинков, доставшихся, конечно же, Хосейну, и его прерывистые вздохи и стон. Кроме этого, в палатке ничего не было слышно.

Мне очень хотелось чем-то помочь своему товарищу, но сделать я ничего не мог. Я решил было подойти к лампе и включить её, но потом отказался от этой идеи. Мне было известно, что специально назначенный человек охранял лампу, и в его обязанности входило хорошенько отделать в темноте каждого, кто отважился бы к ней приблизиться.

Вцепившись руками в лежавший на полу ковёр, я скрежетал зубами от каждого стоны Хосейна и непроизвольно хлопал глазами. Я хорошо знал, каково ему сейчас от всех этих тумачков и пинков, ведь и самому мне не раз приходилось испытывать это на собственной шкуре.

В конце концов включили свет. Рядом с Хосейном уже никого не было, и невозможно было понять, кто именно его побил. Всегда всё заканчивалось именно так. Я обвёл взглядом палатку. Всё в ней было перевернуто вверх дном. Посередине палатки валялось несколько одеял. Остальные вещи тоже были раскиданы по углам. Однако больше всего моё внимание привлекло нечто другое, казавшееся ещё более неожиданным, чем сама сцена избиения Хосейна. Оказалось, что большинство присутствующих выстроились по периметру палатки, будучи готовыми к защите. Один стоял на одеялах, другой – у входа, третий – за скарбом... Они крепко сжимали кулаки, готовясь пустить их в ход. Выражение лиц у них было настолько смешным и напуганным, что я невольно засмеялся и спросил:

– Почему же вы так боитесь друг друга?

Самый заносчивый из них ответил:

– Сказать по правде, мы устраиваем такой приём для всех ребят из других частей, так что к нам уже никто и не приходит.

Проглотив слюну, он продолжил:

– От безделья мы начали делать это и между собой. Вот и получается, что приходится бояться уже своих. В темноте надо быть начеку, чтобы самому не схлопотать.

Хосейн, едва подняв голову, тёр себе бок. Услышав эти слова, он засмеялся, так что выражение его лица, сморщенного от боли, немного смягчилось. Ребята, сидевшие рядом с ним, тут же принялись разливаться в любезностях и справляться о случившемся, будто они вовсе не были к нему причастны.

– Хосейн, что произошло?

– Хосейн, живот болит?

– Хосейн, кто тебя так? Скажи, я сам с ним разберусь!

– Хосейн...

Однако мы с Хосейном прекрасно понимали, что как раз эти ребята его и отделали, поэтому в ответ он только смеялся. Потом хозяева принялись настойчиво упрашивать нас остаться на ужин, но мы не согласились, сославшись на то, что нас ждут в своей палатке.

Мы вышли на свежий воздух. Мерцающие лампы палаток других дивизий и частей, стоявших у склона горы, напоминали крохотные звёздочки, горевшие на земле. От холода у меня мурашки бежали по коже. Я натянул на голову капюшон. Хосейн, который шёл, продолжая держаться рукой за бок, сказал:

– Жаль, что я не послушал твоего совета и всё-таки пошёл туда.

Я легонько потрепал его по щетинистой щеке, усмехнулся и ответил:

– Ничего страшного. Зато ты получил хороший урок.

А потом добавил:

– Пойдём быстрее. Ребята ждут с ужином. Остался же.

Хосейн, морщась от боли в боку при каждом касании, признался:

– Меня сегодня уже хорошо попотчевали. Вряд ли захочется ужинать.

– Не грусти! Для чего же нужны друзья? Да чтоб мне ослепнуть! Я за тебя хоть в пекло и готов сам съесть твою порцию.

Мы рассмеялись и пошли к нашей палатке.

Грушевый сезон – А

Мохаммад Джавад Джозини

*Посвящается героически погибшему
Али Шарифиану*

Шла первая неделя нашей дислокации на одной из высот рядом с городом Мавут¹. От связистов из КСИР Голям узнал, что пару дней назад Ирак применил химическое оружие сразу в нескольких местах. Он рассказывал, что иракцы, желая застать наших врасплох, используют это оружие ночью или на рассвете.

Голям думал, что я боюсь химической атаки, и частенько из-за этого надо мной подтрунивал. Каждый раз, увидев меня с противогазом в руках, он кричал в шутку: «Настоящий вояка никогда не расстанется с противогазом! Сообщить о “Грушевом сезоне – А” могут в любой момент!» Сказав это, он всякий раз надрывался от смеха.

«Грушевый сезон – А» было кодовым названием химической атаки. Голям услышал его от ксировцев и всякий раз, когда хотел подшутить надо мной, пускал его в ход. Не желая ударить лицом в грязь, я всегда старался делать вид, что не обращаю внимания на его слова, однако все мои усилия были напрасны. Взавшись за дело, Голям уже не отступал. Иногда он даже подходил ко мне,

¹ Мавут – населённый пункт в провинции Сулеймания на севере Ирака с преимущественно курдским населением.

спящему, и кричал в ухо: «Химическая атака! Химическая атака!» Когда же я в панике вскакивал, он смеялся и начинал голосом имитировать помехи на радиолинии. Приставив кулак ко рту, изображая разговор по рации, он говорил: «Киш... ш... ш... Киш... ш... ш... Грушевый сезон – А. Грушевый сезон – А... Приём..?»

Как-то вечером, вернувшись из увольнения, я встал в караул вместе с Голямом. К слову сказать, у моего товарища была привычка любыми путями отлынить от караульной службы.

Чаще всего Голям спал в карауле или будил других солдат раньше положенного, чтобы побыстрее сдать свой пост. Когда же наступал черёд вставать в караул ему самому, его невозможно было добудиться.

Против обыкновения в тот вечер Голям был в прекрасном расположении духа. Он отпустил пару своих шуточек в мой адрес, а потом спросил:

– Слышь, вояка, нет чего перекусить?

Я сунул руку в карман и насыпал ему в руку остатки изюма и жареного гороха.

– Говорю тебе, этой ночью наши братки-наёмники обязательно начнут химическую атаку, – опять сказал он.

После этих слов Голям пристально посмотрел мне в глаза, надеясь увидеть в них хоть какой-то намёк на страх. Однако, встретив мой весьма серьёзный взгляд, он понял, что сейчас мне совсем не до его шуток.

Полная луна тихо уплывала за облака. Время от времени в долине раздавались взрывы, сопровождаясь гулким эхом. Голям сел рядом со мной на каменную плиту.

– Говорю тебе, если устал, иди, отдохни.

Я был ужасно уставшим, однако решил отклонить его предложение, зная о его привычке дремать на посту.

– Да не хорохорься ты, – опять сказал он. – Если устал, походи отдохни. Твой дружище Голям этой ночью до утра будет считать звёзды!

– Я устал, – ответил я, – но боюсь, что ты уснёшь...
Ведь...

Прервав меня на полуслове, он засмеялся и сказал:

– Ты плохо меня знаешь. Уже скоро утро. Иди спокойно спать!

Я поднялся и пошёл в окоп, но потом снова вернулся и попросил его:

– Голям, если вдруг начнётся химическая атака, не забудь, что сначала надо подать сигнал тревоги скорой помощи...

Он снова засмеялся и ответил:

– Да не переживай ты так. Если бы они хотели атаковать, то уже бы начали.

У нас был приказ в случае появления подозрительного запаха или каких-то других признаков химической атаки дать сигнал тревоги местной скорой помощи, а затем один раз выстрелить в воздух, чтобы сообщить об опасности соседним воинским частям.

Не снимая ботинок и пыльной формы, я растянулся прямо у входа в окоп, положил рядом автомат, укрылся одеялом и начал засыпать. Но едва я сомкнул веки, как в полусонном состоянии совсем рядом с собой услышал какой-то шум, похожий на взрыв артиллерийского снаряда.

– Химическая... Химическая атака.

Я подскочил и сел. Одно мгновение мне казалось, что я вижу сон. Однако во тьме окопа опять раздался голос Голяма.

– Вставай... Химическая атака...

Схватив противогаз и автомат, я выбежал наружу. В тусклых лучах лунного света долина была покрыта какой-то белой массой, как в кошмарном бреду. Я старался прилечь, но так ничего и не разобрал.

Голям побежал к окопам, выпуская одну за другой автоматные очереди. Я бросился бежать к машине скорой

помощи. Схватившись за ручку и обнаружив, что дверь заперта, я замер на месте. Другого выхода у меня не было. Потянув затвор автомата, я отбежал от машины на несколько шагов. Затем надавил на курок, и автомат задрожал у меня в руках, ударяясь в грудь. В один миг стекло разбилось и посыпалось осколками на землю. Я включил сирену. Через мгновение тишину долины нарушили оглушительный рёв и непрерывные выстрелы из соседних частей. Теперь уже все бойцы, надев противогазы, бежали в сторону высот с криками «Аллах акбар!» Сигнальные ракеты, выстреливаемые одна за другой, время от времени освещали собой всю долину. В темноте со склона холма кто-то закричал: «Иракцы... Иракцы...»

В свете сигнальной ракеты, выпущенной командиром части, появились две тёмные фигуры с поднятыми руками, быстро-быстро говорившие по-арабски ...

Рано утром в тумане, застилавшем собой уже всё шоссе, я шёл с Голямом и двумя иракскими пленными разведчиками в командный пункт.

По дороге Голям рассказал, что ночью после моего ухода его, как обычно, сморил сон, и, вскочив спросонок, он принял обычный туман за химическую атаку.

Двое пленных иракцев до сих пор смотрели на нас ошалело и даже несколько удивлённо. «Ишь ты... Чего уставились? – обратился к ним Голям. – Думаете, небось, как же вас поймали? По правде сказать, мы и сами ничего не поняли. Все спали, да и я заснул. Но есть Тот, кто никогда не спит...» Сказав это, он громко рассмеялся.

Два иракских офицера, уставившись на Голяма, шли молча, а я всю дорогу думал, как мне придётся оправдываться за разбитое стекло в машине скорой помощи.

Мой маленький друг

Реза Бахрами

13 января 1988 года, деревня Джилизи¹

В очередной раз я оказался в тылу. Это была деревня у перекрёстка Часмари², разрушенная и безлюдная. Мы соорудили навес в одном доме, от которого осталась лишь половина стен, и сделали его своим временным пристанищем.

Мне было легко на душе. Казалось, от прошлых переживаний уже не осталось и следа. Такое состояние меня охватывало всякий раз, когда один из моих товарищей уезжал в увольнение, а я заступал на его место. Тыл был своего рода моим убежищем, столь нужным время от времени в годы войны.

Откуда-то сверху послышался странный звук. Я посмотрел в небо. Два диких гуся наискосок летели к реке Керхе. По летящим птицам стреляли сразу из нескольких мест, и звуки выстрелов нарушали тишину деревни и окружавшей её долины.

С самого утра всё вокруг было объято густым туманом. Однако с появлением солнца он стал рассеиваться с невероятной скоростью.

Я сел у стены и уставился на полевую кухню. Она располагалась на расстоянии почти километра от нас, рядом

¹ Деревня в окрестностях города Дехлоран в провинции Илам на западе Ирана. (*Примечание автора.*)

² Т-образный перекрёсток на трассе Дехлоран – Андимешк. (*Примечание автора.*)

с колодцем, окружённая кустарниками клещевины. Над зелёной округой и развалинами домов клубился пар.

Вдруг из-за стены донеслось блеяние овец. По всей видимости, это было стадо арабских пастухов¹, которые каждый день прогоняли свой многочисленный скот мимо здешних мест. Я поднялся и выглянул из-за изгороди. Прямо за ней паслись овцы. С другой стороны стада я увидел смуглого мальчишку. Заметив меня, он промолвил:

– З... з... здравствуйте!

Я тоже его поприветствовал. Он подошёл ближе. Мне не доводилось встречать его прежде, потому что раньше никто не пригонял сюда свои стада. Вокруг дома росла высокая дикая трава.

Вернулся Мохаммад, ходивший на кухню за обедом, и спросил у мальчишка:

– Кто тебе разрешил привести сюда своих овец?

Вместо ответа тот лишь улыбнулся. Тогда Мохаммад подошёл к нему и протянул руку.

– Как дела, Саид?

Только тогда я понял, что они знакомы.

– Ты его знаешь? – спросил я у Мохаммада.

– Да, уже целый год, – ответил тот. – Он приходил, когда я был на кухне. Хороший, шустрый парень.

Я обошёл изгородь и вышел наружу.

– Значит, Саид, вы знакомы, и ты молчишь?

Мальчишка вертел в руках свою палку и ничего не говорил. Я предложил ему присесть. Он сел. Мохаммад тем временем пошёл поставить миски с обедом.

– Наверное, ты и в школу ходишь? – спросил я.

– Нет! – ответил мальчик. – Не... не... не берут. Говорят, я бо... бо... большой.

¹ В западных и южных провинциях Ирана, граничащих с Ираком и государствами Персидского залива, проживает значительное количество этнических арабов.

– А сколько же тебе лет?
– Од... одиннадцать!
– Так, а почему ты не пошёл в школу раньше?
– По... по... пошёл, да война началась. Шко... шко... школу сровняли.

– То есть сровняли с землёй?
– Ещё как! Сровняли с землей.
– Кто это сделал?
– Иракцы.
– Откуда же они пришли? – спросил я.

Мальчик указал пальцем на шоссе.

– Со стороны дороги. Мы... мы... мы сначала думали, это наши, но потом поняли, что иракцы. Всех в плен взя... взяли, а мы убежали.

– Почему же ты не продолжил учиться?
– Я... я... я тогда пошёл в школу. Ма... ма... маленький был. Пару дней отучился, а по... потом мы уехали.

– Куда уехали?
– В Абадан, Даррешахр, По... По... Польдохтар и Хорремабад¹.

– А когда уезжали, куда же девали своё стадо? Разве тогда у вас не было овец?

– А... а... а как же? Было большое стадо. Да ещё шесть буйволов. Как вы их на... называете?

– Дойные коровы?
– Нет!
– Быки?!
– Нет!

Мальчик несколько раз повторил по-арабски какое-то слово, и я наконец понял, что он имеет в виду настоящих буйволов.

– Так, и что же стало с вашим скотом? – спросил я.

¹ Города в западной части Ирана, в непосредственной близости от границы с Ираком.

– У... у... увели. И... и... иракцы всех увели. Этих не... не... недавно купили.

В этот момент мальчик начал ещё сильнее заикаться, с трудом заканчивая слова. Я хотел было спросить у него, заикается ли давно или начал недавно, но потом передумал, опасаясь, что он может обидеться, поэтому счёл за лучшее промолчать. Между тем Саид продолжал рисовать палкой на земле какие-то каракули.

Над нашими головами пролетела стая птиц, похожих на куропаток. Взмахи их крыльев напомнили неожиданный порыв ветра.

– Кстати, а что это за птицы? – спросил я.

– Мы их называем «ата».

– Вы давно здесь живёте?

– Ещё как! Вы живёте в доме моего дяди. На... на... наш дом вон там.

Мальчик показал рукой на развалины, лежавшие на другой стороне деревенской площади. Перед домом виднелись несколько бетонных поилок для скота, а чуть ниже росло одинокое дерево, на ветви которого по вечерам слетались разные птицы. «Когда-то в этой деревне кипела жизнь, а сейчас в ней одни совы, мыши да шакалы, – подумал я. – Под вечер на деревенскую площадь выводили стада овец. Включали насос, и поилки заполнялись водой...»

Саид о чём-то задумался. Возможно, он вспомнил тот день, когда в их деревню пришли иракцы, разрушили их жилища и растащили всё, что было можно.

– Где же вы сейчас живёте? – спросил я.

Мальчик показал мне на другую сторону шоссе, где виднелись тёмные очертания нескольких домов.

– Мы там себе по... по... построили дом. На... на... на этой стороне дороги не разрешают селиться.

– А с кем ты живёшь?

– С от... от... отцом и его женой!

– С отцом и его женой? Почему ты не называешь её мамой? Твоя мама умерла?

– Ещё как!

– От мачехи не достаётся?

– Нет!

– Скажи, а братья у тебя есть?

– Ещё как! Двое! О... о... один погиб.

– Погиб? – удивлённо спросил я. – Где?

– Прямо здесь! – ответил он.

– Как же это случилось?

– На тра... тра... тракторе наехал на мину.

– Разве минное поле не разминировали?

– По... по... почему? Но одна осталась.

Мне стало очень жаль мальчика. Желая его как-то поддержать, я сказал:

– Что ж, упокой Господь его душу. А сколько ему было лет?

– Двадцать пять!

– Как звали?

– Ха... Ха... Ха... л...

– Халед?

– Нет, Ха... Ха... Халаф!

Тем временем овцы разбрелись по округе. Саид попрощался и пошёл за ними.

12 июля 1988 года, та же деревня

Сквозь сон я услышал взрывы снарядов. Постепенно шум усиливался. Я стал прислушиваться, пытаюсь понять, что случилось.

Едва услышав тревожный крик караульного, я вскочил с места.

– Подъём!.. Подъём, братцы! Иракцы наступают...

Все бросились одеваться. Долина радиусом в несколько километров была под сильным огнём. Быстрыми темпами он направлялся в нашу сторону. Пока дым и огонь

не накрыли всю долину, я взгляделся вдаль и увидел стадо испуганных овец, разбежавшихся в разные стороны. Бросив своё стадо, пастух бежал в деревню на противоположной стороне шоссе. Я присмотрелся внимательнее и узнал Саида. «Неужели опять будет скитаться без крыши над головой?» – подумал я.

Через некоторое время, когда деревня в очередной раз была освобождена, мне представилась возможность навещать туда снова. В огне сгорели даже глиняные стены. Остались только фотография одного из товарищей и моя книга, и та наполовину сгоревшая.

У солдат, которых дислоцировали в этом месте, я спросил о Саиде, однако никто из них не видел мальчика, поэтому мне так и не довелось узнать о его судьбе.

Иракский генерал

Исмаил Рамзаниян

Проходя вдоль передней стороны окопов, мы заметили лису, которая забежала в одну из траншей. Подумав, что внутри никого нет и лиса может испортить что-нибудь из солдатских припасов, мы решили пойти за ней следом. Однако, войдя внутрь, мы с удивлением увидели, что бойцы сидят за расстеленной скатертью, а лиса, ничуть не боясь, ест из рук то, что ей дают.

Лиса – животное осторожное и пугливое, поэтому человеку подружиться с ней и приручить удаётся крайне редко.

Из любопытства мы сразу же приняли вежливое приглашение наших хозяев откусать вместе. При этом я не столько был увлечён ужином, сколько смотрел, не отрывая взгляда, на лису, которая совершенно спокойно принимала еду у всех подряд, снуя из стороны в сторону. В конце концов я не выдержал и поинтересовался у бойца, сидевшего рядом со мной, почему животное ведёт себя так спокойно среди людей. Он улыбнулся и ответил: «Это длинная история». Потом он указал рукой на одного из своих товарищей и сказал, что после ужина Исмаил обо всём нам расскажет.

Когда ужин закончился, мы подошли к Исмаилу. Лиса вертелась рядом с ним, и он начал свой рассказ:

«Однажды ночью, когда все бойцы уже спали в окопе, я стоял в карауле и вдруг услышал сзади в кустах какой-то шорох. По ночам там часто пробирались вражеские шпионы, поэтому я быстро предупредил своих. Сам я остался

стоять на посту, а двух бойцов отправил проверить то место, откуда доносился шорох. Бойцы вернулись нескоро, но когда уже подходили к окопу, мы заметили, что один из них под мышкой несёт лису. Мы принесли её в окоп и немного покормили. Плутовку уже хотели отпустить на волю, когда один из наших товарищей предложил: «Давайте перед тем, как выпустить, дадим ей боевое задание». Мы удивились и решили посмотреть, какое же боевое задание может выполнить простая лиса. Наш товарищ достал из своей сумки два маленьких фонарика, включил и привязал их к голове животного. После этого он поставил рыжую на насыпь и выпустил в сторону иракцев. Не успела она пробежать и пару сотен метров, как в иракских окопах начался сильный переполох. Тотчас раздалась пулемётная очередь, а небо озарили вспышки сигнальных ракет. Маленькая лисичка ловко уворачивалась от пуль, и всякий раз её фонарики мелькали то в одной, то в другой стороне. Иракцы принялись обстреливать траекторию передвижения лисы, решив, что это иранские военные начали своё наступление. Наша артиллерия, удивившись столь неожиданной ситуации, тоже начала обстрел иракских позиций. Вся эта вакханалия продолжалась два часа, пока наконец не раздался шум танков и бронированных машин.

На следующий день мы получили приказ командования перенести свои позиции вперёд за линию фронта. Нам сообщили, что по непонятным причинам иракцы отступили на пять километров.

Следующей ночью мы решили разыскать нашу лису и поблагодарить за успешное выполнение боевого задания. После продолжительных поисков мы нашли свою героиню с простреленной лапой. Бойцы взяли её на руки и приласкали. Раненую лапу перевязали, и лисичка стала нашим другом. На шею ей мы повесили эту медаль, которую сорвали с груди одного пленного, решив, что эта лисица намного храбрее того иракского генерала».

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства. <i>Евгения Никитенко, Сейед Нассер Табаи</i>	3
Предсказание. <i>Давуд Гаффарзадеган.</i> <i>Перевод с персидского Евгении Никитенко</i>	6
Я вернусь в день Ашуры. <i>Рахим Махдуми.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	67
Ночь на заливном лугу. <i>Ахмад Кавери.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	75
Позывной «Захра». <i>Давуд Амириан.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	79
Фейерверк. <i>Али Акбар Хаваринежад.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	93
Подобно алой розе. <i>Хасан Гольчин.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	102
Брак, заключённый на небесах. <i>Хади Джамиидиан.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	109
Иисус из Курдистана. <i>Аббас Пасиар.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	114
Дрожащая насыпь. <i>М. Наср Абади.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	126
Наджиб. <i>Мохаммад Джавад Джозини.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	131
Разящий перст. <i>Мохаммад Бокаи.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	138
Дружеский приём. <i>Али Акбар Аскари.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	142
Грушевый сезон – А. <i>Мохаммад Джавад Джозини.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	147
Мой маленький друг. <i>Реза Бахрами.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	151
Иракский генерал. <i>Исмаил Рамзаниан.</i> <i>Перевод с персидского Светланы Тарасовой</i>	157

Литературно-художественное издание

Военная проза

МОЙ КОМАНДИР

**فال خون
فرمانده من
نجيب**

Редактор-составитель *С.Н. Табаи*

Редактор *С.С. Лыжина*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *М.Г. Хабибуллов*

Художественное оформление обложки *И.Т. Картвелишвили*

*В оформлении обложки использовано фотоизображение,
разработанное Kjpgargeter / Freepik.com*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

ООО «Садра»

129301, Москва, пр-т Мира, д. 186, к. 1, офис 8.

www.sadrabook.ru

Подписано в печать 21.02.2018. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага
офсетная. Печ. л. 5. Тираж 700 экз. Заказ .